историко-краеведческий альманах

Бежецкий Край

выпуск № 10

Обитель преподобного Антония

Бежецк 2014

ББК 63.3(2Рос-4Тв)
М 69

ISBN 978-5-903791-25-6
ISBN 978-5-903791-29-3 (выпуск №10)

Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №10
2014. – 136 стр., 44 ил.

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев.
E-mail: bezhkray@yandex.ru

Издание осуществлено при финансовой поддержке
- Издательство "Ванчакова линия",
Ступкин Евгений Иванович.
- Историко-краеведческий альманах "Бежецкий край"
Козырев Владимир Васильевич,
- Стоматологическая клиника "TEA-DENT"
Теплов Евгений Алексеевич.

© Альманах «Бежецкий край», 2014
© Издательство «Ванчакова линия», 2014
© Обложка: РА «Позитив». Николай Колыгин, 2014
© ОАО «Тверская областная типография», 2014

26 ноября 2013 года в Москве,
в Доме «Русское зарубежье» имени Александра
Солженицына, прошёл День тверской книги,
организованный Ассоциацией тверских землячеств.
Дипломом Ассоциации за вклад в развитие литературных
традиций Тверского края и патриотическое воспитание граждан
награждён историко-краеведческий альманах «Бежецкий край»,
учредителем и редактором которого является
Владимир Васильевич Козырев

Антониев монастырь

Косое солнце выбило чеканом
На синей тверди древний монастырь,
И на развалинах, как кровь в Христовых ранах,
Багровой коркой каменеет пыль.

Он выстроен когда-то при слиянье
Двух рек: Неледины с Могочей –
Близ Красного Холма; его сиянье
Вода, как вор, ловила лунной ночью.

Столетья гладили железной рукавицей
Святое тело толстых белых стен,
Двадцатый век гремящей колесницей
Подмял обитель и развеял тлен.

Обрывки стен – израненные руки –
Взметнулись в небо страстною мольбой,
Глаза Христа на фреске этой муки
Не в силах вынести, подёрнулись золой.

Собор Антония жестоко обезглавлен,
Его нутро открыто взору звёзд,
И на козу, как пистолет, наставлен
Благословляющий живое божий перст.

Коричнево-красны, просты и благородны
Фигуры на старинной грубой фреске,
Они исполнены в движении свободном
Рукою мастера, уверенной и резкой.

Юрий Голиков

Смирнов
Георгий Константинович
Заведующий отделом
Свода памятников
художественной культуры
Государственного института
искусствознания,
кандидат искусствоведения

Красный Холм

Город Красный Холм насчитывает немногим более двухсот лет существования, однако он вырос на основе старинного села Спас на Холму и включает в свою территорию древний Николаевский Антониев монастырь. Собственно город расположен на правом берегу реки Неледины, основная его часть возвышается на холме. Отдаленный от нее на расстоянии более 2 км монастырь (поселок Слобода) стоит на левом берегу реки Могочи, напротив впадения в нее Неледины.

Согласно летописи, монастырь был основан в 1461 г. старцем Антонием, пришедшим сюда из Белозерья[1]. Земля, на которой возникла обитель, относилась к Бежецкому Верху и принадлежала боярам Нелединским-Мелецким, происходившим от литовских князей Мелецких, которые приняли при Василии Темном православие. В первые годы существования монастыря здесь были построены деревянные Никольская церковь и ограда.

В 1480-х гг. был сооружен каменный Никольский собор[2], дошедший до нашего времени в руинированном состоянии (уцелели почти на всю высоту три стены — северная, южная и западная). Это одно из древнейших сооружений, сохранившихся на территории Тверской области. В своем первоначальном виде храм представлял собой чрезвычайно своеобразный образец московского

зодчества последней четверти XV в. (Бежецкий Верх в то время принадлежал к землям Московского княжества). Для московской архитектуры характерны как строительная техника, так и основные художественно-типологические особенности собора. Он построен в технике смешанной кладки: стены из белого камня, своды из кирпича. Это был крестовокупольный четырехстолпный трехапсидный храм с одной крупной световой главой и малой главой над юго-восточным углом четверика. Фасады собора делятся лопатками на три прясла. Входные проемы оформлены килевидными перспективными порталами с полуколонками, дыньками и сноповидными капителями. В то же время архитектуру храма отличает ряд новаторских черт, которые во многом предвосхищают зодчество XVI в.: полуциркульные закомары; карнизный пояс, отделяющий закомары от поля прясел; крестовые своды в угловых западных ячейках и др.

В 1492 г. в монастыре началось строительство еще одного каменного сооружения – трапезной палаты с церковью Дмитрия Солунского[3] (в конце XVI в. ее разобрали и заменили новой трапезной с По-

Николаевский Антониев монастырь. Вид с северо-востока на угловую башню, братские и настоятельские кельи. Фото 1979 г.

кровской церковью, от которой остались лишь руины). Существование в конце XV в. в монастыре двух монументальных каменных строений позволяет сравнивать его с крупнейшими обителями того времени (Троице-Сергиев, московские Чудов и Симонов монастыри)[4].

Первое упоминание о селе Спас на Холму относится к 1518 г., когда калужский князь Симеон Иванович, в уделе которого находился Бежецкий Верх, пожаловал село Антониеву монастырю[5]. В XVI в. здесь существовали две деревянные церкви – Преображения и Троицы, которые впервые упоминаются в 1575 г. [6]. В это время Спас на Холму был одной из значительных вотчин монастыря, крупным торговым пунктом, через который проходила дорога из Москвы и других городов к Весьегонской ярмарке.

В Смутное время монастырь и село подверглись разорению. Согласно переписным книгам Д.П.Свечина (1627—1629 гг.)[7], в селе остались одна деревянная церковь Преображения с Никольским приделом и всего шесть дворов. На протяжении XVII в. село постепенно росло. В 1646 г. в нем снова значатся две церкви, а в 26 дворах проживало 43 человека. В 1677 г. здесь находилось 34 двора, а численность жителей достигла 116 человек, среди которых преобладали ремесленники и мастеровые, обслуживавшие монастырь (сапожники, кузнецы, квасовары и т.д.)[8]. Благосостояние обители и села в конце XVII в. отразилось в значительном строительстве в монастыре. Это был один из важнейших периодов формирования его архитектурного комплекса. Возведенные в конце XVII в. Братский корпус (1685), Вознесенская церковь над Святыми вратами (1690), Братский малый корпус с воротами (1690 — 1697), северо-восточная башня (1697; стены и остальные башни не сохранились)[9] определяют облик существующего ансамбля монастыря. Их архитектура, отличающаяся повышенным декоративизмом наружного убранства, характерна для русского зодчества середины и второй половины XVII в.

В первой четверти XVIII в. село оставалось значительным населенным пунктом. Об этом свидетельствует тот факт, что обе деревянные церкви были тогда заменены каменными храмами. В 1713 г. была освящена холодная Спасо-Преображенская церковь (с 1791 г. — собор)[10], разрушенная в советское время. Это был четырехстолпный одноглавый храм с тремя апсидами. Четверик основного объема с четырехскатным покрытием имел ярусное завершение в виде светового восьмерика и глухого цилиндрического барабана. К храму примыкала двухъя-

русная колокольня с кубическим основанием и восьмигранным столпом, увенчанным шпилем. Архитектура церкви отличалась лаконичным, почти суровым характером. Почти полное отсутствие декора, впрочем, было, скорее всего, результатом перестроек церкви в первой половине XIX в. Фасады четверика делились лопатками на три прясла. Гладкие стены были прорезаны прямоугольными окнами. Облик теплой соборной Троицкой церкви, построенной в 1724 г. и просуществовавшей до 1820-х гг.[11], нам неизвестен.

Помимо двух храмов, стоявших на вершине холма, облик села в середине XVIII в. определяли торговые постройки. В 1756 г. здесь были сооружены на средства монастыря 8 амбаров и 52 лавки, которые сдавались в наем[12]. В 1764 г. по закону о секуляризации церковных земель село Спас на Холму перешло в ведение коллегии экономии. В 1776 г. оно было преобразовано в город, ставший уездным центром Тверского наместничества и получивший название Красный Холм[13]. В 1781 г. учрежден герб города, изображающий на голубом фоне красный холм, «означающий имя сего города»[14].

Утвержденный в 1778 г. регулярный план Красного Холма[15] охватил большую территорию, которая включила древнее село (на северном краю города), Антониев монастырь (на его южном конце) и три деревни, располагавшиеся между ними. Эти деревни стали называться слободами – Глунцовская, Никольская и Бортницкая. Бортница и Глунцово существуют и сегодня как самостоятельные деревни, так и не слившиеся с городом. Территория Красного Холма, согласно проекту, простиралась в длину примерно на 4 км. Сильно протяженный прямоугольный план вытянут по оси север — юг вдоль берегов петляющей реки Неледины. Северная часть города (там, где располагалось древнее село), за счет выступа с восточной стороны, проектировалась более широкой. Здесь, на продольной оси всего города, устраивалась прямоугольная Соборная (Торговая) площадь, которая охватывала холм с двумя уже существовавшими храмами. На противоположном (южном) торце площади предполагалось размещение «казенных строений» (т.е. присутственных мест). Поперечная улица, пересекавшая площадь по оси запад — восток, замыкалась на обоих концах площадями – «карманами». Вся территория разбивалась взаимно перпендикулярными улицами на прямоугольные кварталы различной величины. Регулярный характер прямоугольной сетки плана нарушается извилистым руслом реки Неледины, а также независимым относительно всей композиции расположением монастыря и издавна запруженной напротив него рекой Могочей с островами.

На протяжении последующих десятилетий (конец XVIII — первая половина XIX в.) регулярный план был осуществлен лишь отчасти. По существу, была реализована только его северная половина, которая охватывала территорию древнего села и несколько кварталов к югу от него, в основном на правом берегу Неледины[16]. Слабое развитие градостроительной структуры Красного Холма было в значительной мере обусловлено тем, что с 1797 г. он стал заштатным городом Весьегонского уезда, в который вошла большая часть упраздненного Краснохолмского уезда.

Центром города стала обширная площадь с двумя соборами (теплым и холодным) и деревянными лавками, устроенная в соответствии с регулярным планом.

Лавки стояли у подножия холма, пространственно отделяя холм с храмами от собственно торговой (низменной) части площади. Специального здания для уездных присутственных мест выстроено не было, и они расположились в кельях Антониева монастыря[17]. Городские присутственные места в конце XVIII — начале XIX в. находились в деревянном одноэтажном доме, который стоял через квартал к востоку от площади. Рядом с ним в наемном доме была размещена почтовая экспедиция[18].

Вся застройка города, за исключением двух соборов и монастырских сооружений, была деревянной. В 1783 г. в нем насчитывалось 311 частных домов, из которых 72 были сооружены по новому плану, а остальные сохранялись еще от сельской застройки. Из общественных зданий существовали школа для купеческих и мещанских детей, открытая в 1781 г., соляной магазин (т.е. склад), 8 лавок, 3 питейных дома, 16 кузниц. В это время в городе было 1776 жителей, однако большую их часть составляли экономические крестьяне трех слобод (955 чел.) Купечество вело незначительную торговлю хлебом и другими съестными продуктами[19].

В конце XVIII в. за западной границей города по оси одной из поперечных улиц было устроено кладбище, на котором в 1794 г. возвели кирпичную Никольскую церковь[20] (ул. Загородная, 81). Частично переделанное во второй половине XIX в., здание сохраняет многие черты первоначальной архитектуры. Она отличается сочетанием традиционных приемов и форм, восходящих к допетровскому зодчеству, и мотивов раннего классицизма в сугубо провинциальной редакции. Продольно-осевая композиция церкви состоит из одноглавого четверика храма с полуциркульной

апсидой, равной ему по ширине трапезной и двухъярусной колокольни (ее шатер, по-видимому, относится к 1860-м гг.).

В первой половине XIX в. город развивался медленно. По числу жителей и количеству домов Красный Холм превосходил в Тверской губернии лишь Корчеву. Его жилая застройка оставалась почти исключительно деревянной. В 1825 г. в Красном Холме было 208 деревянных домов и один каменный (в общей сложности меньше, чем в 1783 г.!), работало 13 мелких заводов. Население города (вероятно, вместе со слободами) составляло 1557 чел.[21]. В 1846 г. эти показатели почти не изменились. В городе насчитывалось всего 237 деревянных домов и один каменный, число жителей (без слобод) — 1461 чел.[22].

Жилые дома в первой половине XIX в. строились по «образцовым фасадам» 1809—1812 гг., из которых выбирались в основном простейшие по композиции и декору. Единственным каменным домом этого времени можно считать сохранившееся здание на углу квартала центральной площади (ул. Октябрьская, 1/13) — характерный образец жилой архитектуры позднего классицизма в провинциальных городах. Двухэтажный дом имеет скругленный и раскрепованный угол, акцентирующий угол квартала. Горизонтальные членения фасадов четко выявлены междуэтажным и венчающим карнизами, а также полочками на обоих этажах в уровне подоконников. Равномерный вертикальный ритм фасадов создают арочные проемы первого этажа и прямоугольные окна второго. О деревянной жилой архитектуре Красного Холма первой половины XIX в. можно судить лишь по архивным материалам. Судя по известным нам проектным чертежам[23], это были преимущественно небольшие одноэтажные дома в три или пять окон на главном фасаде. Гладкие стены прорезаны прямоугольными окнами и завершены профилированным карнизом. Некоторую выразительность таким постройкам придавали высокие вальмовые кровли. Известны дома и с более развитыми архитектурными формами, например, дом мещанки А. Митрофановой (проект 1835 г.) с семью окнами, который акцентирован четырехколонным портиком с треугольным фронтоном. Традиции деревянной архитектуры позднего классицизма продолжены в одном из сохранившихся зданий, которое построено, вероятно, в середине XIX в. Это городская дума (ул. Калинина, 53), стоящая на площади, на участке, предназначенном регулярным планом для «казенных

строений». Одноэтажное здание по фасадам расчленено рустованными пилястрами. Высокие прямоугольные окна увенчаны тонко профилированными сандриками-полочками.

После сооружения в 1820—1846 гг. нового пятиглавого Троицкого собора[24] (не сохранился) усилилась градостроительная роль храмового комплекса центральной площади, особенно значительного на фоне мелкомасштабной деревянной застройки. Собор был возведен не на месте прежнего обветшавшего и разобранного в 1820-х гг. теплого храма, который стоял рядом со Спасо-Преображенским собором, а в нижней (южной) части площади. Это внесло дополнительный архитектурный акцент в общую панораму города. Храм был характерен для культовой архитектуры Тверской губернии в стиле позднего классицизма. Кубический объем, украшенный четырехколонными тосканскими портиками, завершался световой купольной ротондой-барабаном с полуколоннами по периметру. По углам четверика возвышались глухие цилиндрические барабаны. С запада примыкала более широкая трапезная со скругленными восточными углами. Огромная по высоте, монументальная по формам четырехъярусная колокольня Троицкого собора (ул. Октябрьская) была выстроена в конце 1860-х — начале 1870-х гг.[25]. Ее архитектура, несмотря на позднюю дату, обладает полнокровными классицистическими формами, отличаясь выразительной пластикой объемов и богатым декоративным убранством. Возможно, был использован более ранний проект, одновременный самому собору. Вертикаль колокольни стала главной архитектурной доминантой в силуэте города.

Во второй половине XIX – начале XX в. значение города как торгового пункта несколько повысилось, особенно после проведения в 1899 г. ветки Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, соединившей Красный Холм со станцией Сонково. Получила развитие оптовая торговля льном и кожевенными товарами. Наблюдается постепенный рост населения (1866 чел. в 1858 г.[26], 2,5 тысячи в 1910-х гг)[27].

Довольно сильно изменяется архитектурный облик Красного Холма в последние десятилетия XIX и в начале XX в. Железная дорога, прошедшая в 1898 г. поперек городской территории[28], предусмотренной планом 1778 г., окончательно закрепила изолированность освоенной к рубежу XIX—XX вв. северной части города от так и не слившихся с ней слобод (деревня Бортница, монастырская слобода). Одновременно усиливается

градостроительная роль древнего центра Красного Холма. Рядом со Спасо-Преображенским собором в 1883—1903 гг. был выстроен Владимирский собор[29] (не сохранился). Это был пятиглавый храм в духе церквей К.А.Тона. Непосредственным образцом для него послужил собор г. Мологи Ярославской губернии. После возведения Владимирского собора на центральной площади Красного Холма сложился внушительный храмовый комплекс из трех соборных церквей и двух колоколен, особенно впечатляющий на фоне скромной застройки небольшого заштатного городка. Такой градостроительный контраст был одной из главных особенностей архитектурного облика Красного Холма во второй половине XIX — начале XX в.

В этот период в городе появился также целый ряд более крупных двухэтажных домов, как деревянных, так и каменных. В архитектуре каменных зданий второй половины XIX в. еще живут традиции позднего классицизма, которые отчетливо сказались, например, в доме купца Бородавкина (ул. Октябрьская, 4/15). Скругленный угол здания отмечает угол квартала, выходящий на площадь. Протяженные, лаконично декорированные фасады прорезаны арочными окнами первого этажа и прямоугольными второго. Горизонтальные членения выявлены междуэтажным карнизом и тягой в уровне подоконников верхнего этажа. Кирпичные здания, построенные в конце XIX — начале XX в., характерны для периода эклектики. Среди них выразительным силуэтом выделяется жилой дом (ул. Калинина, 37/18) со срезанным углом, который выходит на перекресток двух улиц. Его нижний этаж обработан рустом. Над карнизом возвышаются фигурные аттики. Некоторые дома близки кирпичному стилю, например, дом купца Лапшина (ул. Калинина,24) и дом мещанина Ломакина (ул. Зарецкая, 16).

Наиболее интересный круг жилых домов Красного Холма периода эклектики рубежа XIX—XX вв. составляют деревянные двухэтажные здания. Разнообразные по архитектурным формам, они объединены общей чертой — богато разработанным силуэтом. Некоторые из них завершаются ступенчатыми фигурными аттиками (ул. Свободы, 32/24; ул. Октябрьская, 8/89). Другие выделяются шатровыми повышениями кровли, которые акцентируют срезанный угол объема, среднюю и боковые части фасадов (ул. Свободы, 6; ул. К.Маркса, 46/6; ул. Кашинская, 22/13; дом Мясникова — ул. Красноармейская, 81/21). Среди них два дома (ул. Свободы, 6 и ул. К.Маркса, 46/6) отличаются развитым

наружным декором. У первого еще совсем недавно сохранялись великолепные резные ворота с фигурным фронтоном, щипцовыми зонтами над калитками, разнообразными накладными деталями.

В общественной архитектуре начала XX в. следует отметить два здания. В 1900 г. был построен деревянный железнодорожный вокзал — характерный для своего времени образец этого типа архитектуры. Обшивка фасадов имитирует каркасную конструкцию. Развитым декоративизмом отличается завершение фасадов. Сильно выступающий карниз с резным подзором опирается на фигурные кронштейны. Силуэт обогащают шатровая кровля над центральным ризалитом и крупные слуховые окна. Построенные около 1910 г. торговые ряды[30] (ул. Пролетарская, 2/22) служат ярким примером кирпичного стиля. Они сооружены, вероятно, по образцу корпусов гостиного двора в Кашине (конец XIX — начало XX в.). Г-образное здание на двух фасадах имеет галерею, образованную металлическими колонками, несущими деревянный навес с резным подзором. Вертикальный ритм фасадов и силуэт корпуса определяют щипцовые фронтоны.

В настоящее время Красный Холм во многом сохраняет очарование провинциального заштатного городка, каким он был в прошлом. Уцелела его регулярная планировка в том виде, в каком она была осуществлена к началу XX в.[31]. Сохранилась значительная часть исторической застройки XIX — начала XX в., определяющая и сейчас архитектурный облик города. Особую архитектурно-градостроительную ценность представляет застройка центральной площади с каменными и деревянными жилыми домами, корпусом торговых рядов и колокольней Троицкого собора. Большим своеобразием отличается целый ряд деревянных домов, выразительных своими причудливыми силуэтами. При хорошей сохранности рядовой застройки и основных гражданских сооружений культовая архитектура Красного Холма понесла значительные утраты. В советское время были разрушены все три собора, создававшие замечательный комплекс на центральной площади. Это сильно обеднило силуэт города, в панораме которого единственной архитектурной вертикалью в настоящее время служит колокольня Троицкого собора. В руинированном виде уцелел ансамбль Антониева монастыря, в котором особую художественную ценность представляет Никольский собор — выдающийся памятник древнерусской архитектуры.

Примечания

1. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М.,1879. С. 66-73; Анатолий. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. С. 81,82.

2. Выголов В.П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 5, 6.

3. Анатолий. Указ. соч. С. 5, 9, 10, 22.

4. Выголов В.П. Указ. соч. С. 7.

5. Анатолий. Указ. соч. С. 4; Крылов Л.И. Красный Холм и его соборы. Тверь, 1913. С. 10.

6. Крылов Л.И. Указ. соч. С. 31, 37.

7. Там же. С. 13.

8. Там же. С. 17.

9. Анатолий. Указ. соч. С. 14-15, 24, 26; Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901. С. 617; Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1904. С. 63-66, 77-79.

10. Крылов Л.И. Указ. соч. С. 32-34.

11. Там же. С. 38.

12. Там же. С. 16.

13. Там же, С. 19-21. Название "Красный Холм" применялось и ранее в отношении села, однако, как предполагают, оно появилось незадолго до преобразования села в город, т. к. еще в 1772 г. сохранялось и прежнее наименование.

14. Города России: Энциклопедия. Под ред. Г.М.Лаппо. М.,1994. С. 224.

15. ПСЗРИ (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков (Планы городов). СПб,1839. № 347.

16. РГИА. Ф. 1293. Оп.167. Тверская губ., Д. 17. Л. 1, 3; Ф. 1293. Оп.165. Д. 447.

17. Крылов Л.И. Указ. соч. С. 23.

18. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Тверская губ., Д. 17. Л. 1.

19. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783 — 1784 г. Тверь, 1873. С. 71-73.

20. Добровольский И. Указ. соч. С. 146.

21. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб, 1829.

22. Краткое описание состояния Тверской губернии, основанное на сравнительных статистических данных 1783 и 1846 годов. Тверь, 1847. С. 267, 268.

23. ГАТО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 128. Л. 119, 181.

24. Крылов Л.И. С. 4042.

25. Там же. С. 4650.

26. Исторические сведения о городских поселениях Тверской губернии. Старица, 1905. С. 97.
27. Крылов Л.И. Указ. соч. С. 25.
28. Города и районы Калининской области. М., 1978. С. 331.
29. Крылов Л.И. Указ. соч. С. 51-55.
30. Там же. С. 25-26.
31. Материалы для оценки недвижимых имуществ Тверской губернии. Выпуск 4. Оценка городов. Тверь, 1905. План № 11.

Схематический план центральной части города

Сохранившиеся памятники:
1 – Никольская церковь,
2 – жилой дом (Октябрьская ул., 1/13),
3 – Городская дума,
4 – колокольня Троицкого собора,
5 – дом Бородавкина,
6 – жилой дом (ул. Калинина, 37/18),
7 – жилой дом (ул. Свободы, 32/24),
8 – жилой дом (ул. Октябрьская, 8/89),
9 – жилой дом (ул. Свободы, 6),
10 – дом Мясникова,
11 – торговые ряды.
Утраченные памятники:
12 – Спасо-Преображенский собор,
13 – Троицкий собор,
14 – Владимирский собор.

Исаков
Владимир Захарович
Писатель, журналист,
общественный деятель
и переводчик древних
памятников литературы

Летописец об основании Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря

В 6969 (1461) год. Об основании в Бежецком верхе Николаевского Антониева монастыря, о построении церквей Божиих и об отдании в эту обитель вотчин от великих князей, и бояр, и прочих благодетелей. Великий и неизреченный Бог, славимый в Троице, сотворивший небо и землю, моря и реки и все, что в них, создавший человека по образу Своему и подобию, милостию Своею и неизреченным человеколюбием во всем добром людям помощник. Милостию Его, Всемогущего, славимого в Троице Бога, всякие благие начинания людей благоуспешны бывают, и волею Его святою и неизреченными щедротами созидаются. Во дни великого князя Василия Васильевича, называемого Темным, пришел к нему из королевства Польского, из города Кролевска, некто вельможа, на польском языке именем Станислав, называемый Мелецкий, а с ним пришло его дворовых людей более двухсот. И великий князь Василий повелел ему принять православную христианскую веру и святой закон, переданный Святой Церкви через святых отцов от Самого Бога, и воспринять от святой купели святое крещение, и восприемником того вельможи от святой купели пожелал быть сам великий князь Василий Васильевич. И по дару благодати Святого Духа принял святое крещение, и было дано от святой купели имя тому вельможе, называвшемуся прежде Станиславом Мелецким,

Михаил, во имя Архистратига Михаила. И пожаловал его великий князь за его приезд к нему, великому князю, на службу, и по засвидетельствовании им происхождения его и родителей его в королевстве Польском и в княжестве Литовском, велел ему, Михаилу, быть у себя в боярах и дал в удел город Вологду и вотчины в Городецком уезде и в иных местах, с тысячу дворов и больше. И тот вельможа, именем Михаил, называемый Мелецкий, теми данными ему удельными вотчинами исправно правил. А у того Михаила был сын, названный Василием Михайловичем. И построил он в тех удельных, отцу его данных вотчинах дом свой и стал он в них, Василий Михайлович, почасту жить. А у Василия Михайловича были сыновья: Иван да Афанасий, по-мирскому называемый Нелединский. И по воле Великого, в Троице славимого Бога, от сотворения мира в 6969 (1461) году, шел некто из страны, называемой человеческими словами Белозерской, священноинок, пустынножитель, старец, именем Антоний, и пришел в пределы города, называемого Городецко, в вотчинный удел славнейшего мужа, вельможи, именем Василия, называемого Мелецким, к сыну его, Афанасию Васильевичу, называемому Нелединским. И по воле Всемогущего, в Троице славимого Бога, и по неизреченным Его праведным судьбам тот названный пустынножитель, священноинок, именем Антоний, сделался болен и через немного дней по воле праведного Бога тот инок Антоний получил от болезни освобождение. И начал тот старец, именем Антоний, с великими просьбами молить того славнейшего преждеупомянутого мужа, именем Афанасия, называемого Нелединским, чтобы позволил ему в своих удельных, деда и отца своего вотчинах построить для молитв часовню и для покойной жизни себе поставить келию. И тот славнейший муж, именем Афанасий, называемый Нелединский, повелел ему в удельных, деда и отца своего, преждеупомянутого Василия Михайловича, и в своих вотчинах поставить для молитвословия часовню и для упокоения келию на реке, называемой Нелединa, и на реке, называемой Могоча.

И тот пустынножитель, священноинок, именем Антоний, на той его Афанасьевой земле построил для молитвословия часовню и для упокоения себе келию, и начал тут пустынножительствовать и богоподвижно подвизаться доброй и богоугодной жизнью. Мирские же люди приходили к нему, воссылая хвалу и моление Господу Богу, и пели молебное и заупокойное пение. И видя добрую и богоподвижную жизнь того пустынножителя, инока, именем Антония, приносили ему подаяние каждый от того, что имел. И тот богоугодный пустынножитель, именем Антоний, не хотя те приношения оставить в безвест-

ности, но желая еще и употреблением их воздать благодарение Богу и Пресвятой Его Матери и имя Их святое прославить, а также и великого во иерархах, святителя Христова, архиерея Мирликийского почтить, обещал во имя его святое воздвигнуть церковь. И по щедротам Всемогущего, в Троице славимого Бога, молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и великого святителя Христова Николая Чудотворца, и богоподвижным житием и молитвами того пустынножителя, старца, именем Антония, то святое место начало созидаться и устрояться. И начал тот пустынножитель, именем Антоний, строить деревянную церковь во имя великого святителя и чудотворца Николая Мирликийского. И, построив ее, святыми иконами благолепно тот храм украсил и божественными книгами довольно снабдил и, спустя немногое время, тот храм забором оградил и начал собирать братию. И видя его богоподвижное житие, начала собираться братия. И собралась братия, и волею и человеколюбием Великого, в Троице славимого Бога, тот преждеупомянутый строитель, священноинок, именем Антоний, по своему богоугодному житию стал того Богом спасаемого места наставником и строителем. И начало называться то святое, Богом устрояемое место, по имени того преждеупомянутого отца и первостроителя, старца, именем Антония, Городецкого уезда Николаевский Антониев монастырь. И волею Всемогущего, в Троице славимого Бога, подающего всем все доброе, та святая обитель расширилась, и многие люди приходили, принося от имения своего и молясь, и все доброе через молитвы великого чудотворца Николая с верою по своим просьбам получали, и так та святая обитель прославлялась. И по прошествии лет, по воле и по устроению в Троице славимого Бога, молитвами великого архиерея и чудотворца Николая и усердными трудами того преждеупомянутого строителя, старца, именем Антония, в год от сотворения мира 6989 (1481) начала в том Антониеве монастыре строиться церковь каменная во имя великого архиерея и чудотворца Николая, и в приделе того храма другой храм, во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. И спустя немногое время тот преждеупомянутый отец, именем Антоний, по неизреченным праведным судьбам Великого Бога сделался болен. И через немного дней пришла воля Всемогущего Бога, и тот отец, священноинок Антоний, переселился в вечный покой, чтобы воспринять вечные и неизреченные блага, и был достойно погребен собранною им братиею в том Антониеве монастыре. После него, волей Всемогущего Бога, устраивающего все доброе, и по избранию того монастыря братии, поставлен был в том монастыре на место того преждеупомянутого и

богоподвижного отца строителя, именем Антония, строителем и наставником собранного им стада священноинок из братии того Антониева монастыря, именем Герман. И тот священноинок Герман, благодарение и хвалу Богу воссылая, и славя милость и предстательство великого архиерея и чудотворца Николая и взирая на подвиги и труды богоподвижного жития преждеупомянутого основателя и строителя Антониева монастыря, старца, именем Антония, и сам подвизался богоугодным житием и распалялся душою о Боге. И начал опять то святое место на славу будущим родам расширять и завершил ту преждеупомянутую каменную церковь, и святыми иконами благолепно украсил, и божественными книгами снабдил, и тот святой храм освятил. И после благоустроения начатого тем прежде бывшим отцом, именем Антонием, тот бывший после него в том Антониеве монастыре строитель и братия снова непрестанное моление воссылали Всемогущему, в Троице славимому Богу, чтобы Своего святою волею и неизреченными человеколюбивыми щедротами то святое место во славу Святой и Нераздельной Троицы, по молитвам Пресвятой Богородицы и предстательству великого архиерея и чудотворца Николая, и за непрестанное и исполненное трудов житие того преждеупомянутого отца, именем Антония, прошения их и мольбы не презрел, но милостию свыше надзирал, чтобы та святая обитель еще большим расширением распространилась. И по неизреченным судьбам Праведного, в Троице славимого Бога, устремились сердца братии того Антониева монастыря, чтобы сделать в том Антониеве монастыре того преждеупомянутого строителя, старца, именем Германа, игуменом, и начали молить новгородского архиепископа, чтобы поставил им того монастыря строителя, старца Германа, игуменом. И послали того строителя с молением к архиепископу в Новгород, чтобы благословил его во игумена; и тот строитель, после хождения своего, воспринял вскоре от владыки благословение и был в том Антониеве монастыре игуменом. И по прошествии лет тот игумен, благодарение Богу воссылая и на всякое благоустроение имя Его святое призывая, пожив довольно лет, скончался о Господе. И после него в том Антониеве монастыре были иные игумены, и святую обитель изрядно пасли и благодарение Всесильному, в Троице славимому Богу, Пречистой Его Матери и угоднику Их, великому чудотворцу непрестанно воздавали, и святыми его молитвами то святое место распространялось. И многие великие князья и бояре от имения своего в тот Антониев монастырь деньги и всякую церковную утварь непрестанно давали и вотчины свои в предбудущие годы, ради наследия вечных благ и вечного по-

миновения родителей своих, на пропитание игумена и братии в тот Антониев монастырь отдавали. И благодатию Всесильного, в Троице славимого Бога, молитвами Пречистой Его Матери и угодника их, великого во иерархах Николая Чудотворца та святая обитель весьма распространялась. В 7002 (1494) году начала в том Антониеве монастыре в чудное украшение той всечестной обители строиться церковь каменная с трапезною во имя Покрова Пресвятой Богородицы и с иными постройками для монастырских служб. И Бог милостивый, простирая надо всем руку Свою, по Своему человеколюбию желая, чтобы все люди спасение получили и сподобились вечных Его благ, и людям, начинающим доброе и призывающим имя Его святое, во всем помогая, благословил и это благое начинание. И милостию Его святою, молитвами Пресвятой Богоматери и предстательством великого архиерея и чудотворца Николая та святая церковь через немногие годы завершилась трудами и усердием того Антониева монастыря игумена, старца Паисия, который для чудного украшения той святой обители, закончив церковь и изрядно ее устроив, святыми благолепными иконами ту святую церковь благолепно украсил, и святыми божественными книгами довольно снабдил в память и на славу впредь будущим того Антониева монастыря началопастырям и всем приходящим людям в достойную похвалу, чтобы и впредь будущие началопастыри в том Антониеве монастыре, глядя на чудное их трудоусердное украшение, и сами подвизались на все благоустроительные дела, и приходящие в ту святую обитель люди всем добрым ее снабжали, желая всем преставившимся и в том Антониеве монастыре погребенным наследования вечных благ и себе во всем своем жительстве благоустроения. В 7002 (1494) году, месяца ноября, преставился благоверный князь Андрей Углицкий; а дал в дом Чудотворцу Николе и мученику Христову Димитрию в память своих родителей и своей души ради наследования вечных благ, из вотчин своих деревни Костычево, Нави, Коробово, Мокравицы, Пикалово с лесами, и с лугами, и со всеми угодьями. В 7008 (1500) году некто из рода преждеупомянутого славного мужа, вельможи, именем Михаила, называемого Мелецким, славный муж, именем Василий Андреевич Нелединский, который богоугодно жил и имел великую веру в Господа Бога, и сильно почитал угодника Христова, архиерея Божия, Чудотворца Николая, и о том богосозидаемом месте, Городецкого уезда Николаевском Антониеве монастыре заботился, и тот святой, называемый Антониевым, монастырь много всякими приношениями и всяким благодеянием снабжал, более всего желая свыше от Бога, в Троице славимого, милость полу-

чить и поминовение о прежде почивших из своего рода иметь и самому вечных благ Христа Бога нашего сподобиться. Дал тот муж в дом Чудотворцу Николе в Антониев монастырь из вотчины и удела преждеупомянутых родителей своих в Городецком уезде село Сандово, деревни Загорье, Кунино, Бревенник, Зарино, пустошь Начижилин. В 7026 (1518) году, июля в 28-й день, преставился благоверный князь Симеон Иванович Калужский, а дал Николе Чудотворцу в Антониев монастырь в поминовение своей души и своих родителей: после отца своего великого князя Иоанна и после матери своей вотчину в Бежецком верхе село Преображение Спасово на Холму да село Живоначальной Троицы и деревни Анисимово, Красное, Мокрени, Бортницы, Нивы, Замошье, Григорово, Овсейково, Боровское, Бабино, Фролово, Полежаево, Погорелку, Почечуиху, Власово, Мыченку, Осинки, Жуково, Красное, Пустошку, Погорелку, Муравьево, Дор, Медведково, Раменье, Рычманово, Ям, Черную. В 7029 (1521) году, мая в 4-й день, дал Иван Васильевич Шереметев Большой в дом Николе Чудотворцу ферязи бархатные малинового цвета на золоте, да шубу на лисьем меху под камкою под вишневою, да 50 рублей денег, да 326 четвертей хлеба. Да прежде того дал Иван же Васильевич при игумене Паисии на церковное строение 50 рублей денег, чтобы за тот его вклад игумену и братии написать его, Ивановых, родителей в повседневном синодике и ежедневно поминать на литиях после утрени и на обеднях за проскомидией, и после вечерни — до тех пор, пока монастырь стоит. И за его, Иваново, здоровье Бога молить до конца его жизни, и братию угощением кормить два раза в год на его именины — в день памяти иже во святых отца нашего Иоанна Милостивого. В 7056 (1548) году, января в 9-й день, преставился раб Божий инок Вассиан Шереметев, в 6 часов ночи, а дал в дом Николаю Чудотворцу в поминовение своей души, ради наследования вечных благ колокол, да ризы, да стихарь, а цена всему тому 60 рублей, при игумене Иоасафе, чтобы за то его даяние игумену написать его в синодике на вечное поминовение, и на литиях его поминать, и за проскомидией на литургии Божией. В 7056 (1548) году дал игумен Иоасаф в дом Николе Чудотворцу ради наследования вечных благ, при своей жизни на милостыню и после своей жизни на поминовение своей души и своих родителей, по отцу и по матери и по своим детям, и по своему роду и племени в вечное поминовение: икону Николы Чудотворца пядницу, обложенную сканым серебром, да Четвероевангелие в десть, а переплет серебряный сканый, а заглавия, и заставки, и евангелисты золотом прописаны, и статьи все на золоте написаны, да крест воздвизальный на престол, обложенный

серебром, да кадило серебряное, весом тянет на 15 рублей, да ризы камчатые, а оплечье бархатное, да другие, на пост — тафта темно-синяя двусторонняя, да стихарь подризный — тафта темно-синяя, оплечье камка цветная, да епитрахиль атласная, а пояс с крестами шелковый игуменский, да поручи атласные, да другие, бархатные, да полотенце золотом шитое и шелком черным, да паникадило медное большое о двенадцати свечах, а яблоко у него обложено серебром, да колокол большой, а цена ему 80 рублей, да свечу местную большую— и за это даяние игумену Паисию, и кто после него другой игумен будет, при его жизни молить о нем Всемилостивого Бога соборно и келейно, а после его преставления его и родителей его вписать в синодик для вечного поминовения. А дни преставления и памяти их совершать месяца марта в 17-й день — день памяти святого Алексия, человека Божия; а по матери его, инокине Евгении, месяца сентября в 25-й день — день памяти преподобной матери нашей Ефросинии; и игумен их на литиях поминает, и на проскомидии на литургиях Божиих, и в дни их преставления и памяти служит кануны, и братию, и нищих кормит и поит, сколько возможно. В 7072 (1564) году дал в дом Николе Чудотворцу Богдан, Быков сын, Нелединский, а в иноках Дометиаи, на поминовение своей души и своих родителей сельцо Федорково с деревнями: Кишкино, Гору, Подол, Заборье, Козодавль, Хрущи большие, Хрущи малые, Латино, Оксениху, Гузениху, Дорки, Михалиху, Имейцино, Колмачиху, пустошь Шувандино. И за тот его вклад его, Богдана, и родителей его поминать, панихиды петь и обедни служить, и братию кормить два раза в год угощением большим: в день памяти его и в день преставления, а дни памяти и преставления написаны в уставе — в какие дни поминать и братию кормить. В 7101 (1593) году, при игумене Константине, дал вклад в дом Николаю Чудотворцу Алексей Иванович Маслов, в поминовение своей души и своих родителей, вотчинную свою родовую деревню Маслово Раменье, деревни Хрепелево, Слядолово, Якшино, Дубровку, Залужье, Залесье, Долгуху, Пролеиху, пустошь Тетериху. А игумену, и братии за тот его вклад родителей его поминать, и панихиды петь, и обедню служить, и братию кормить дважды в год, в день памяти и день преставления, а память и преставление писаны в уставе — в какие дни поминать и братию кормить. И снова та святая и всечестная обитель большим расширением расширялась и многосиятельными добродетелями цвела, и вкладами и всяким благодеянием тех славных преждеупомянутых мужей и иных многих из народа, приходивших и все доброе той святой обители делавших и все потребное для монастыря подававших,

славясь. И многие присоединялись к братии, благодаря славе имени великого архиерея и чудотворца Николая и добрым делам того Антониева монастыря пастыреначальника, игумена, именем Паисия. И волею Всеблагого и Всемогущего Бога, и неизреченными Его судьбами тот пастыреначальник, игумен, именем Паисий, сделался болен и, спустя немного дней, недуг стал его еще больше, и он от той болезни сильно изнемогал. И видя волю Всесвятого Бога и неизреченные Его судьбы, Псалмопевцем по данной ему благодати высказанные: "Ты положил предел, которого не перейдут" и "Кто из людей жил, и не видел смерти?..", на нем исполняющиеся, тот преждеупомянутый инок, пастыреначальник, игумен, имением Паисий, переселился из этой временной жизни в вечный покой и погребен был достойно. А после него в том Антониеве монастыре, по воле Праведного Бога и по совету того Антониева монастыря братии, избран был тому Антониеву монастырю иной пастыреначальник, игумен, из братии того монастыря муж весьма постный, и богоугодный, и во всем доброподвижный инок, старец Вонифатий. И тот инок, пастыреначальник снова стадо Христово весьма добро пас, и всем справедливо правил, и о святом том, Богом созидаемом деле весьма заботился, чтобы еще и во славу Святой Троицы то святое место весьма украсить и всяким нужным имуществом вдоволь удовлетворить. И многих мужей умолил быть жертвователями в ту святую обитель. И по его неудержимому от распаления духовной любви к Богу усердию и благодаря молитвам угодника Христова Николая, и ради добродетельного жития началопастыря дошел слух об этой пречестной обители и до великого князя, и возвещено было ему о добродетельном житии игумена. И великий князь, ради добродетельного его жития, то святое место еще повелел снабдить и, посещая тот монастырь, на поминовение душ преждепочивших родителей своих государевых, денежными милостынями и всяким благодаянием снабжал. И так та святая обитель еще больше расширялась и славилась молитвами Богоматери, и предстательством великого святителя и чудотворца Николая, и доброподвижным житием того пастыреначальника. И милостию великих государей, попечением преждеупомянутых вельмож и иных богоизбранных славнейших мужей та святая пречестнейшая обитель Николаевского Антониева монастыря богатела, и многие из рода преждеупомянутых вельмож Нелединских, не забывая, снабжали игумена и братию многими необходимыми в святой церкви и на службах в том Антониеве монастыре потребами, и святое место часто навещали, и всяким довольством по надобности утешали. И иные многие славные мужи в то

святое место также жертвовали и вотчинами довольно наделяли на поминовение душ преждепочивших родителей своих и желая отпущения своим согрешениям и всякого себе от Бога за добродетели воздаяния, и впредь будущим родам на славу и на чудное украшение того Богом спасаемого места, чтобы вслед за ними и прочие люди, также глядя на их усердное попечение о том Богом спасаемом месте и на чудное его украшение и устроение, и сами в святые места изрядно жертвовали благоподаяниями.

Комментарии к тексту «Летописца»

...Летописец об основании... — Летописец, вид летописи. На рубеже XVII—XVIII вв. «монастырские летописцы», излагающие историю различных обителей, были довольно распространены.

...6969 (1461) года... — В тексте написано: «Лета 6969 года». Обычная летописная формула: «В лето 6969».

...в Бежецком верхе... — Бежецкий верх, в XII—XVI вв. обширная территория в верховьях реки Мологи, с центром сначала в поселении Бежичи, а затем в крепости Городецк. Известен с 1196 г. В разное время принадлежал Новгороду, Твери, Москве. В XV в. вместе с другими землями образовал Бежецкую пятину (одну из пяти административно-территориальных единиц) Новгородской республики. В течение недолгого времени Бежецкий верх с центром в Городце был удельным княжеством. С XVI в. как Бежецкий, или Городецкий, уезд вошел в состав Московского государства.

...великого князя Василия Васильевича, называемого Темным... — Василий II Темный (1415—1462 гг.), великий князь московский с 1425 г. Сын Василия I. В результате междоусобной борьбы с дядей Юрием Галицким и двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым был взят в плел и ослеплен, отчего получил прозвище Темного. В дальнейшем (при поддержке, в частности, тверского великого князя Бориса Александровича) одержал победу над своими врагами.

...из королевства Польского, из города Кролевска... — Польское королевство существовало с 1025 г. С 1569 г. по Люблинской унии вместе с великим княжеством Литовским образовало Речь Посполиту. Кролевск — в средние века название Калининграда (Кенигсберга).

...некто вельможа... Станислав, называемый Мелецкий... — По поводу происхождения рода Мелецких см. ниже. А.К. Жизневский предполагал, что фамилия Мелецких могла быть образована от реки названия Мелечи, протекающей неподалеку от Бежецка.

...и по засвидетельствовании им происхождения его и родителей его в королевстве Польском и в княжестве Литовском... — Исследователи, изучавшие происхождение рода Нелединских-Мелецких (Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII вв. М., 1962; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; Она же. Польские традиции в русской генеалогии XVII века//Советское славяноведение, 1981, № 5), установили, что в конце XVII в. Нелединские-Мелецкие при помощи подложных грамот, со ссылками на легендарного выходца из Польши Станислава Мелецкого пытались доказать древность и знатность своего рода. Надо сказать, что Нелединские-Мелецкие отнюдь не были исключением. В XVII в. создание родословных легенд и написание подложных грамот для увеличения древности рода (при этом почти всегда со ссылками на выходцев из-за рубежа) приобрело характер своего рода эпидемии. Однако Палата родословных дел, куда Нелединские-Мелецкие представили свои документы, признала родословную их фальшивой, установив, в частности, что Станислав Мелецкий, на котором основывалась легенда, из Польши никуда не выезжал.

...и дал в удел город Вологду и вотчины в Городецком уезде и в иных местах... — В тексте анахронизм. Городецкий уезд был образован и вошел в Московское княжество значительно позднее (см. предисловие).

...по-мирскому называемый Нелединский... — Одной из версий происхождения рода Нелединских является следующая. Как пишет Карамзин, «в 1488 году наместник новгородский Яков Захарьевич казнил и повесил многих житых людей (в Новгороде — среднее сословие между боярами и черными людьми, богатые, зажиточные горожане. — В.И.), которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли во Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали москвитян, людей служивых и гостей». — Карамзин Н.М. История государства Российского, т. VI. М., 1989, стлб. 87. В примечании Карамзин цитирует Разрядную книгу Бекетова, в которой, в частности, сказано: «...по его государеву (Ивана III. — В.И.) изволению распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди, и тут им имена, кто чей бывал, как их поместил государев писец Дмитрий Китаев: ...Мустафины, Татьянины, Нестеровы, Нороватые, Нелединские: те шереметевские послужильцы 5 семей...». — Там же, т. VI, прим. 201. Фамилия Нелединских образована, вероятно, от реки названия Неледины, по которой располагались земли этого рода.

...из страны, называемой человеческими словами Белозерской — Бежецкая пятина была разделена на две половины — Белозерскую (с центром в Белоозере) и Городецкую (с центром в Городецке) — в середине XVI в. Здесь автор также допускает анахронизм.

...города, называемого Городецко... — Городецко (Городецк), известен с конца XIII в. как крепость. В XIV—XVI вв. был центром обширного края. В 1766 г. переименован в Бежецк.

...на реке, называемой Неледина, и на реке, называемой — Неледина — река, на которой стоит город Красный Холм. Могоча — река, протекающая в нескольких километрах от Красного Холма. Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь стоит у впадения Неледины в Могочу.

...великого во иерархах святителя Христова архиепископа Мирликийского... — Николай Чудотворец (около 280 — около 340 гг.), архиепископ Мир Ликийских, великий христианский святой. Дни памяти — 9 мая и 6 декабря по старому стилю.

...деревянную церковь во имя великого святителя и чудотворца Николая Мирликийского...— Храмы во имя Николая Чудотворца были одними из самых распространенных на Руси.

...стал того Богом спасаемого места наставником — Строитель – почетное наименование основателей монастырей, особая должность в монастырях.

...церковь каменная во имя великого архиерея и чудотворца Николая... — Никольский собор Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, одно из древнейших каменных зданий Тверской земли. Построен из белого камня в 1481—1493 гг. Ныне в руинированном состоянии.

...другой храм, во имя Благовещения Пресвятой Богородицы... — Не сохранился.

...в том Антониеве монастыре... — В тексте с этого места название монастыря пишется «Антонов».

...и завершил ту преждеупомянутую каменную церковь... — Имеется в виду Никольский собор.

...начали молить новгородского архиепископа... — Судя по всему, имеется в виду Геннадий, архиепископ Великоновгородский и Псковский с 1484 по 1504 г.

...церковь каменная с трапезною во имя Покрова Пресвятой Богородицы... — При постройке эта церковь была названа во имя Димитрия Солунского. Церковью Покрова она стала называться с конца XVI в. Один из типичных для текста анахронизмов.

...благоверный князь Андрей Углицкий... — Сын московского великого князя Василия II Темного.

...в дом чудотворцу Николе и мученику Христову Димитрию... — Имеется в виду Никольский собор и трапезная церковь Димитрия Солунского.

...славный муж, именем Василий Андреевич Нелединский... — Более подробные сведения о нем неизвестны.

...село Сандово... — Село Сандово известно с 1500 г., до 1764 г. принадлежало Николаевскому Антониеву монастырю.

...благоверный князь Симеон Иванович Калужский... — Сын московского великого князя Ивана III.

...после отца своего великого князя Иоанна... — Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский с 1462 г., сын Василия II Темного.

...село Преображение Спасово на Холму... — Село Спас на Холму, на реке Неледине, известно с 1518 г., до 1764 г. принадлежало Николаевскому Антониеву монастырю. После 1776 г. — Красный Холм.

...Иван Васильевич Шереметев Большой... — Шереметевы, боярский род, известный с XV в. Было несколько Шереметевых с тем же именем, отчеством и прозвищем.

...ферязи бархатные малинового цвета на золоте... — Ферязь — старинная длинная одежда, с длинными узкими рукавами, без воротника и пояса. Были зимние и летние ферязи — из бархата, атласа, сукна и других тканей.

...под камкою под вишневою... — Камка, шелковая цветная ткань с узорами.

...да 326 четвертей хлеба... — Четверть, русская мера объема сыпучих тел, равнялась 8 осьминам и 210 литрам (для жидкостей — четверти ведра и трем литрам).

...написать... в повседневном синодике... — Синодик, список умерших для церковного поминовения.

...поминать на литиях... — Лития, краткое молитвословие при поминовении душ усопших.

...за проскомидией... — Проскомидия, первая часть литургии, во время которой на жертвеннике готовятся дары для освящения.

...в день памяти... отца нашего Иоанна Милостивого... — А.К. Жизневский считал, что далее пропущена строка: «12 ноября и на преставление, на день святой преподобномученицы Пелагии 4 мая». Иоанн Милостивый (VII в.), александрийский патриарх. Прославился благотворительностью. День памяти — 12 ноября по старому стилю.

...инок Вассиан Шереметев... — Монах Николаевского Антониева монастыря из рода Шереметевых.

...риза, да стихарь... — Риза, или фелонь, верхнее церковное облачение священнослужителей, парчовое, тканое золотом или серебром широкое одеяние, с вырезом впереди, без рукавов. Стихарь, длинное платье с широкими рукавами, обычно парчовое, церковное облачение диаконов и псаломщиков.

...икону Николы Чудотворца пядницу, обложенную сканым серебром... — Пядница, икона размером в пядь, т.е. в четверть аршина, или около 20 см. Сканое серебро, витое серебро в виде узоров на металлическом фоне.

...да Четвероевангелие в десть... — Четвероевангелие, или Евангелие тетр, полное Евангелие, включающее Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. В десть, т.е. размером в большой, полный лист, называемый дестным или александрийским листом.

...да крест воздвизальный... — Воздвизальный крест, деревянный крест, предназначенный для службы в праздник Воздвижения Креста Господня.

...да ризы камчатые, а оплечье бархатное... — Ризы камчатые, т.е. сшитые из камки. Оплечье — часть одежды, покрывающая плечо.

...тафта темно-синяя... — Тафта, плотная хлопчатобумажная или шелковая ткань с мелкими поперечными рубчиками или узорами на матовом фоне.

...да епитрахиль атласная... — Епитрахиль, часть облачения священника в виде длинной широкой ленты, надетой на шею и опускающейся концами вниз. Знак Благодати Святого Духа.

...да поручи атласные... — Поручи, узкие завязывающиеся шнурками нарукавники, часть церковного облачения священников и диаконов.

...да паникадило медное большое о двенадцати свечах, а яблоко у него обложено серебром... — Паникадило, большой подсвечник в виде люстры, свисающий с потолка посреди храма; внизу завершается закруглением в форме яблока.

...да свечу местную большую... — Свеча местная, самая большая свеча в храме, бывает весом до двух пудов.

...святого Алексия, человека Божия... — Алексий, человек Божий (V в.), святой, сын знатных и богатых римлян, раздавший свое имущество и проживший жизнь как нищий. День памяти — 17 марта по старому стилю.

...преподобной матери нашей Ефросинии... — Ефросиния (V в.), преподобная, родом из Александрии, в мужском костюме подвизалась в мужском монастыре. День памяти — 25 сентября по старому стилю.

...служит кануны... — Канун, молебен накануне праздника того или иного святого.

...Псалмопевцем по данной ему благодати высказанные... — Давид (XI—X вв. до Р.Х.), израильско-иудейский царь, автор псалмов, составивших книгу Псалтирь. Пел псалмы, сопровождая свое пение игрой на псалтири — струнном инструменте наподобие арфы. Псалмы предназначались также для хорового пения — без сопровождения или с сопровождением струнных или духовых инструментов.

... «Ты положил предел, которого не перейдут»... — Псалтирь, 103, 9.

... «Кто из людей жил, и не видел смерти?..» — Псалтирь, 88, 49.

...чтобы еще и во славу Святой Троицы то святое место весьма украсить... — Судя по всему, речь идет о сооружении храма Святой Троицы.

...дошел слух об этой пречестной обители и до великого князя... — Судя по всему, имеется в виду Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584 гг.), с 1533 г. великий князь всея Руси, с 1547 г. первый русский царь.

Воспроизведение перевода и комментариев разрешено автором. Перевод и комментарии по изданию: Исаков В.З. Летописец об основании Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря / Памятники литературы Древней Твери. Тверь, 2002. С. 143 – 252.

Гадалова
Галина Сергеевна
Кандидат исторических наук,
доцент, главный библиотекарь
отдела редких книг научной
библиотеки ТвГУ

«Летописец о зачатии Бежецкого верха Николаевского Антониева монастыря…» как исторический источник о преподобном Антонии Краснохолмском

Преподобный Антоний Краснохолмский – один из загадочных верхневолжских подвижников. Имя преподобного Антония с XV в. сохранилось в названии Краснохолмского монастыря. Предание о нем записано в «Летописце о зачатии Бежецкого верха Николаевского Антониева монастыря...», созданного в XVII столетии. Вместе с тем, о преподобном Антонии Краснохолмском нет сведений ни в месяцесловах, ни в иконописных подлинниках, ни в списках Книги глаголемой о святых, ни в Синодике Краснохолмского монастыря 1681 г. (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 166)[1], ни в каких бы то ни было других источниках до начала XIX в. Нет ни ранних икон, фресок или других изображений краснохолмского подвижника. Первые образы святого написаны в 1890-е гг. и в начале XX столетия, как сообщил об этом епископ Димитрий (Самбикин)[2].

Как известно, до 1775 г. Красный Холм входил в Городецкий (переименованный позднее в Бежецкий) удел Новгородской земли и соответственно относился к Новгородской епархии. В 1775 г. Бежецкий уезд вошел в состав Тверского наместничества, в 1796 г. – в Тверскую губернию.

Одним из первых сведения о Краснохолмском Николаевском Антониевом монастыре в 1804 г. опубликовал А. Щекатов, сообщив только о годе основания монастыря – 1461 г.[3].

О самом преподобном Антонии Краснохолмском в 1812 г. впервые написал архим. Амвросий (Орнатский) в своем труде «История Российской иерархии»[4]. Автор поведал, что священноинок Антоний в 1461 г. пришел «отъ Бѣлоезерскихъ странъ» на берег реки Мологи и на земле помещика Нелединского недалеко от г. Красный Холм построил сначала деревянную церковь во имя св. Николая чудотворца, а затем «тщанием» помещика вместе с пришедшими к нему иноками в 1481 г. воздвиг каменный храм.

Приведенные сведения о прп. Антонии были повторены затем в других справочных изданиях[5]. Вероятно, архим. Амвросий пользовался данными монастырского Летописца, подлинник которого, по сообщениям А.К. Жизневского и игумена Анатолия, был отослан в Тверскую консисторию в 1778 г.[6]

В начале памятника изложена генеалогическая легенда Нелединских-Мелецких[7], родоначальником которых был, якобы выходец из Польши, Станислав Мелецкий, получивший в России после крещения имя Михаил. За выезд в Россию на службу к великому князю Василию Васильевичу Темному (1425–1462) Михаил Мелецкий получил сан боярина и был награжден в 1425 г. вотчинами и уделами в Вологде и Городецком уезде, которые перешли к его сыну Василию, а затем к внукам – Иоанну и Афанасию Нелединским. В 1461 г. на земли Афанасия Нелединского, расположенные недалеко от Красного Холма, пришел «изъ Бѣлозерския страны» пустынножитель, старец Антоний. Согласно сведениям Летописца, старец заболел, и Афанасий проявил о нем заботу, а после выздоровления Антония, по просьбе старца помог ему построить при слиянии рек Неледины и Могочи «для пропитания» часовню и келью. Когда к Антонию стали приходить люди, кто с приношением, кто с желанием поселиться рядом с ним, решил преподобный построить деревянную церковь во имя свт. Николая Чудотворца. А через 20 лет с помощью помещика Афанасия Нелединского в монастыре начали строить каменную Никольскую церковь, а в ней храм во имя Благовещения пресвятой Богородицы. Однако прп. Антоний занемог, и церковь была достроена при его преемнике, игумене Германе. Таковы вкратце сведения Летописца об устроителе Краснохолмского монастыря.

Пересказ Летописца был опубликован неизвестным автором в газете «Московские ведомости» с пометой «г. Калязин. 15 июля 1852 г.»[8]. Автор статьи посетовал, что в монастырском архиве, богатом грамотами, он ничего не нашел о жизни и подвигах краснохолмского подвижника, кроме Летописца о зачатии монастыря, «составленного в 1764 г. архимандритом Марком»[9].

Согласно Летописцу, благодетелем старца Антония стал Афанасий Нелединский. Однако автор «заметок пешехода» имя помещика не называет, тогда как в 1861 г. архиеп. Филарет Черниговский написал, что принял прп. Антония на своей земле и помог ему «набожный боярин Иван Нелединский». Кроме того, черниговский архиепископ сообщил, что «тогда в здешнем краю еще не было обители»[10]. Эти же сведения повторил и архимандрит Игнатий в «Кратком жизнеописании русских святых»[11].

В 1874 г. выдержки из Летописца были опубликованы А.К. Жизневским в трудах Московского археологического общества – «Древности»[12]. Эти сведения, вероятно, послужили для включения в 1875 г. имени прп. Антония Краснохолмского под 17 января в Киевское издание полного Христианского месяцеслова[13].

В 1879 г. в Твери были изданы две сохранившиеся копии «Летописца о зачатии Бежецкого Верха...»[14], а в 1880 г. А.К. Жизневский повторил публикацию Летописца в издании «Древности»[15]. Позднее, в 1904 г. в Твери начальные сведения Летописца были опубликованы еще раз по выпискам «слово в слово»[16].

Новые сведения о преподобном Антонии появились в 1883 г., когда игумен Анатолий, разобрав архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, составил его «Историческое описание». Повествуя о приходе Антония в Городецкий уезд, автор сообщил о предании, связанном с явлением старцу однажды ночью на дереве иконы свт. Николая Чудотворца. Кроме того, игумен Анатолий привел сведения описи 1688 г., в которой одна из двух икон святителя Николая названа «явленной»[17].

В 1886 г. в газете «Тверские епархиальные ведомости» была опубликована статья «Преподобный Антоний Краснохолмский»[18], автором которой, видимо, являлся редактор газеты – протоиерей В. Владиславлев. В статье-проповеди автор расширяет скупые строчки Летописца, в частности, сообщает о явлении прп. Антонию иконы свт. Николая Чудотворца со ссылкой на монастырскую опись 1688 г. и рассказывает о трудовых подвигах подвижника при постройке насыпи на низком берегу реки Мологи (!) для возведения каменной церкви[19].

В трудах Н.П. Барсукова, архим. Леонида (Кавелина) и архим. Сергия (Спасского) кратко приведены общеизвестные данные, аналогичные тексту Летописца[20]. Несколько полнее сведения о Краснохолмском Антониевом монастыре даны в работе В.В. Зверинского[21]. Как видно из текста и библиографии, автор пользовался разными источниками, в том числе сведениями ревизий 1744 и 1836 гг. Одну из икон XV в. свт. Николая Чудотворца В.В. Зверинский называет «явленной».

Факты, изложенные А.К. Жизневским, игуменом Анатолием и В. Владиславлевым, были повторены архиеп. Димитрием Самбикиным в его трудах – Месяцеслове и Тверском Патерике[22]. Все последующие издания, вплоть до современных сайтов в интернете тиражируют сведения Тверского Патерика.

Вместе с тем, следует отметить, что именно деятельность тверского владыки Димитрия способствовала не только сбору с 1897 г. полных сведений о подвижниках Тверской епархии, но и прославлению их подвигов. В 1904 г. архиеп. Димитрием было установлено местное почитание Собора Тверских святых, в который вошел и прп. Антоний Краснохолмский.

Образ краснохолмского подвижника запечатлен на иконе «Собор тверских святых», написанной по заказу Тверской Ученой Архивной Комиссии инокинями Кашинского Сретенского монастыря в конце 1890-х гг.[23], а также, по сведениям архиеп. Димитрия, «(...недавно написанные) в иконостасе училищной церкви в Бежецком духовном училище и в Апостольской церкви Тверского архиерейского дома»[24]. Преподобный Антоний Краснохолмский изображен и на всех новых иконах – «Собор тверских святых» и «Собор святых в земле Тверской просиявших»,– созданных в конце XX и начале XXI в.

В 1979 г. впервые в кафедральном соборе г. Калинина (ныне – Твери) прошла Служба тверским святым, составленная владыкой Алексием (Коноплевым; 1978–1988). Преподобный Антоний Краснохолмский упоминается в четвертой стихире гласа 8 и во втором тропаре 8-й песни канона («Преподобнии отцы: Антоние Краснохолмский, Нектарие Бежецкий и Арсение Новогрудский и прочие преподобние всея Тверския страны, вы есте славо и украшение святей Церкви Тверской»)[25]. Имя прп. Антония Краснохолмского входит и в Службу всем российским святым, совершаемую во второе воскресенье после Пасхи.

***

Несомненно, источником сведений о прп. Антонии Краснохолмском и созданном им монастыре является «Летописец о Бежецком Верхе...».

По мнению А.К. Жизневского, Летописец был составлен в конце XVI в., т.к. не содержит данных более позднего времени[26]. Однако исследования В.И. Буганова и М.Е. Бычковой дают основание признать создание памятника в конце XVII в. Согласно исследованиям историков, именно в это время для Нелединских был составлен разрядно-родословный сборник, известный в науке как «Список Нелединского» (РНБ. Q.XVII.30)[27]. Вероятно, желание «удревнить» свой род заставило Нелединских прибегнуть к созданию фальсифицированных документов, которые они подали в Разрядный приказ. По сведениям польских источников, основатель рода Станислав Мелецкий жил и умер в Польше[28].

Однако сохранился черновик ответа Посольского приказа о происхождении Нелединских, в котором упоминается «старая вкладная книга» Николаевского Антониева монастыря (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. Хр. 156. Л. 33 об.). Как справедливо заметили М.Д. Каган и Н.А. Охотина, «если бы к этому времени существовал Летописец, Нелединские не преминули бы привлечь и его в качестве доказательства своих прав»[29].

Кроме того, в 1688 г. над Краснохолмским Николаевским Антониевым монастырем нависла угроза оказаться приписным, что, по мнению игумена Анатолия, могло стать одной из причин написания Летописца[30].

Все это, бесспорно, объясняет скупые сведения об основателе монастыря, поскольку со времени пришествия прп. Антония на земли Нелединских и до времени составления Летописца прошло более 200 лет. Остается, однако, загадкой столь слабое почитание подвижника в самой обители, внимание и заботу о которой проявляли в XVI–XVII вв. В.А. и Ф.В. Шереметьевы, царь Иван Грозный, лже-Дмитрий, патриарх Никон и другие. Расцвет Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря приходится на XVIII в. По сведениям ревизии 1744 г., к монастырю было приписано 4620 крестьян, это почти в два раза меньше, чем к Троицкому Калязинскому монастырю (8481), но значительно больше многих других вотчин, например: к Новоторжскому Борисоглебскому монастырю относилось 2232 крестьянина, Тверскому Отрочу монастырю – 1275, Желтикову Успенскому – 534, Малицкой Николаевской пустыни – 47, Ниловой пустыни – 13 [31]. Кроме того, сохранился достаточно большой архив документов Краснохолмского монастыря с XVI столетия[32], в котором исследователи XIX в. не нашли сведений о почитании его подвижника.

Фактически мы имеем единичный случай упоминания прп. Антония в Киевском издании месяцеслова 1875 г., а подлинное почитание

святого, по сути, началось с трудов и деятельности архиепископа Димитрия Самбикина. Вместе с тем, остается надежда на рукописные сборники и святцы позднего времени, в которых могут быть сведения о краснохолмском подвижнике. Так, благодаря сообщению сотрудника Библиотеки Академии Наук А.А. Романовой стало известно, что память Антония Краснохолмского есть в старообрядческих рукописных святцах БАН, происходящих с Выга: в рукописи 2-й четв. XVIII в. (Собр. Дружинина. № 736. Л. 34), память «Преподобнаго Антония Краснохолмскаго» под 17 января внесена между строк, как и ряд других памятей, рукой выговского книжника Федора Петровича Бабушкина (1764–1842). Точное время, когда Бабушкин дополнял святцы, неизвестно. Помимо правки в ранних списках памятников, выговский книжник заказывал и рукописи. Например, в рукописи нач. XIX в. частично отразились исправления, внесенные в святцы из Собр. Дружинина 736, в том числе и память «И преподобнаго отца нашего Антония Краснохолмскаго» под 17 января (БАН. Собр. Дружинина. № 131. Л. 105 об.). С этой рукописи, в свою очередь, была сделана копия – БАН. Собр. Дружинина. № 130. Таким образом, память прп. Антония выявлена в трех списках старообрядческих святцев.

Среди современных исследований больше всего работ, посвященных архитектуре монастыря, подлинности и древности Летописца. В связи с легендарными известиями Летописца, как об устроителях обители, так и о времени вкладов или постройке церквей, в работах специалистов появился ряд новых предположений о заказчиках строительства самого монастыря или его строений. Согласно исследованию В.П. Выголова, ктитором монастыря мог быть князь Андрей Васильевич Большой[33]. По мнению А.М. Салимова и Вал.А. Булкина, не случайной была связь с монастырем трех поколений Шереметьевых, деятельность которых вполне могла быть тесно связана с каменным строительством Трапезной и обустройством обители в конце XV, начале и конце XVI вв.[34].

Вместе с тем, столь слабое внимание к фигуре самого устроителя монастыря – прп. Антония Краснохолмского, объясняется, прежде всего, отсутствием литературных памятников о нем. Кроме того, на первый план выходит проблема сохранения почти разрушенного комплекса монастыря XV в., на стенах Никольской церкви которого сохранились фрески XVII в., омываемые, как сетуют ученые, дождем и снегом. Разумеется, сегодня крайне важно сохранить эти святыни и обратить внимание общественности на проблему. В 2008 г. состоялся первый Петербургско-Тверской семинар, в рамках которого был проведен круглый стол «Проблемы сохранения архитектурного комплекса Краснохолмского Антониева монастыря»[35]. В 2011 г. о Краснохолмском Николаевском Антониевом монастыре вышел документальный фильм «Спас на Холму» (режиссеры – иеромонах Силуан, Ярослав Фомичев). Службы в деревне Слобода

Краснохолмского района и на территории монастыря ведутся с 2010 г., с 2013 г. официально открыто Краснохолмское свято-Николаевское архиерейское подворье, настоятелем которого является иеромонах Силуан (Конев).

Созданы два сайта, посвященные Краснохолмскому Николаевскому Антониеву монастырю[36]. Помимо просветительских задач, главной целью сайтов, как и всех публикаций по монастырю, остается одно – привлечь внимание тверской администрации, церковных и общественных деятелей к уникальному архитектурному ансамблю XV–XVI вв. Решить эту проблему можно только сообща, как когда-то при поддержке властьимущих построил уникальную обитель прп. Антоний Краснохолмский со своими подвижниками и последователями.

Примечания

1. См. также: Иванов И.А. О Синодике Краснохолмского монастыря 1685 г. // Журнал 95 заседания ТУАК. 1904. С. 22–45.

2. Димитрий (Самбикин), архиеп. Тверский патерик: Краткие сведения о тверских местно-чтимых святых. Казань, 1907. С. 57 (далее – Тверской патерик).

3. Щекатов А. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, фотографически, идрографически, физически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды. М., 1804. Ч. 3. Стб. 837–838.

4. Амвросий, архим. История Российской иерархии: В 6 ч. М., 1812. Ч. 4. С. 807–809.

5. [Эристов Д.А.]. Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви. СПб., 1836. С. 37; Справочный энциклопедический словарь /Изд. К. Крайем. СПб, 1847. Т. 6. С. 356; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 511.

6. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1879. С. 73, примеч. 1; Анатолий (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской епархии. Тверь, 1883. С. 82.

7. Каган М.Д., Охотина Н.А. Летописец о зачатии Бежецкаго верху Николаевскаго Антониева монастыря и о строении церквей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей и боляръ и прочих благодетелей // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 264.

8. Антониев Краснохолмский монастырь: (Из заметок пешехода) // Московские ведомости. М., 1852. № 117. С. 1208.

9. Там же. С. 1207.

10. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно: Опыт описания жизни их: В 8 т. Чернигов, 1861. С. 83.

11. Игнатий, архим. Краткое жизнеописание русских святых. Кн. 2. СПб., 1875. С. 119.

12. Жизневский А.К. Путевая записка о Краснохолмском монастыре // Древности. М., 1874. Т. 4. Вып. 2. С. 84–86.

13.Тверской патерик. С. 55.

14. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. С. 66–73; Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь, 1879. Т. 1. С. 331–345.

15. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря // Древности. М., 1880. Т. 8. С. 66–73.

16. Грамоты Краснохолмского Антониева монастыря / Изд. В. Некрасовым, А. Мирожиным, А. Петропавловским и М. Рубцовым. Тверь, 1904. С. 52–54.

17. Анатолий (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря... С. 4, 20.

18. [Владиславлев В.]. Преподобный Антоний Краснохолмский // ТЕВ. 1886. № 8, неофиц. ч. С. 225–232.

19. Возведение насыпи на берегу реки Могочи подтверждено и современными исследованиями, см.: Булкин Вал. А., Салимов А.М. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. М., 2001.

20. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 45; Леонид (Кавелин Л.А.), архим. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. СПб., 1891. С. 120–121; Сергий (Спасский И.), архим. Полный месяцеслов Востока. 1-е изд. М., 1876. Т. 2. 17 янв.; То же. 2-е изд. Владимир, 1901 (репринт 1995). С. 17.

21. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем: В 3-х т. СПб., 1890 (репринтное изд.: СПб., 2007). Т. 1. С. 76, № 16.

22. Димитрий (Самбикин), еп. Месяцеслов святых, всею русскою церковию или местночтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией матери и св. угодников Божиих в нашем отечестве. 2-е изд., доп. и испр. Каменец-Подольск, 1896. Вып. 5. (янв.). С. 136–137; Тверской патерик. С. 55–57.

23. См.: Журнал 83-го заседания ТУАК 19–20 июня 1901 г. в г. Кашине. С. 23–27; Малыгин П.Д. В земле Российской просиявшие // Тверской патерик. Тверь, 1991. С. 2.

24. Тверской патерик. С. 57.

25. Служба тверским святым совершается в первое воскресенье после праздника святых апостолов Петра и Павла. Текст службы опубликован в

июльском томе «Зеленых Миней» (л. 544–554).

26. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. С. 66.

27 Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV– начала XVII в. М., 1962. С. 66; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI– XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 90.

28. Бычкова М.Е. Польские традиции в русской генеалогии XVII века // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 45.

29. Каган М.Д., Охотина Н.А. Летописец о зачатии Бежецкаго верху... С. 265.

30. Анатолий (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. С. 46.

31. См.: Милютин Вл. О недвижимых имуществах Духовенства в России // ЧОИДР. 1860. Кн. 3, отд. 1. С. 141–151.

32. См.: Описи Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря // Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь, 1879. Т. 1. С. 325–352; Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1879; Анатолий (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской епархии. Тверь, 1883; Грамоты Краснохолмского Антониева монастыря / Изд. В. Некрасовым, А. Мирожиным, А. Петропавловским и М. Рубцовым. Тверь, 1904.

33. Выголов В.П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 22.

34. См.: Салимов А.М., Булкин Вал.А. Трапезная Антониева Краснохолмского монастыря // Архитектурное наследство. М., 2006. Вып. 46. С. 74–75.

35. Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю.В. Кривошеева, В.М. Воробьева. Тверь, 2009. С. 304–324. (Цикл региональных семинаров).

36. См.: www.tver-antonievmon.narod.ru; http://www.antoniev-mon.ru

***

В связи с раритетностью изданий «Летописца о зачатии Бежецкого Верха Николаевского Антониева монастыря...» в Приложении публикуются тексты памятника по двум спискам. Текст приводится по списку, опубликованному А.К. Жизневским, с разночтениями по списку, изданному в книге «Историческая библиотека Тверской епархии». В публикации списков сохранены орфография писцов, буквы «ѣ» и «ъ» в середине и конце слов. Пунктуация современная.

Приложение

/(с. 66) Лѣтописецъ о зачатии Бѣжецкаго верху Николаевскаго Антониева монастыря и о строении церквей Божиихъ и о дании вотчинъ въ обитель сию (отъ)[1] великихъ князей и[2] боляръ[3] и прочихъ благодѣтелей*

Лѣта 6969 [4]года, о зачатии Бѣжецкаго Верху Николаевскаго Антониева монастыря и о строении церквей Божиихъ и о дании вотчинъ въ обитель сию отъ[5] великихъ князей и боляръ и прочихъ благодѣтелей

Богъ великий и неизрѣченный, въ Троицѣ славимый, сотворивый небо и землю, моря и рѣки и вся, яже въ нихъ, создавый [6]человѣка по образу своему и по подобию[7], той же милостию Своею и неизрѣченнымъ человѣколюбиемъ во всѣхъ благихъ человѣкомъ благопоспѣшитель[8], и милостию Его всемогущаго, въ Троицѣ славимаго Бога, [9]всякая благая начинания человѣковъ[10] благопоспѣшествуема и волею Его святою и неизреченными щедротами [11]созидаема бываютъ.

(с. 67) Во дни великаго князя Василия[12] Васильевича, нарицаемаго Темнаго, прииде къ нему изъ Короны Польской, отъ города Кролевска, нѣкто вельможа, по ихъ польскому нарицанию зовомый именемъ Станиславъ, нарицаемый Меледцкий[13], а съ нимъ прииде двора его людей человѣкъ за 200[14], и великий князь Василий поволи[15] ему восприяти православную[16] христианскую[17] вѣру и святый законъ, преданный отъ самаго Бога святой церкви чрезъ св(ятыхъ) отецъ и восприяти св(ятое) крещение отъ св(ятыя) купѣли[18], и[19] восприемникомъ того вельможи отъ св(ятыя) купѣли[20] поволилъ быти самъ великий князь Василий Васильевичь. И по дару благодати Св(ятаго) Духа [21]приятъ св. крещение, и[22] бѣ нарѣчено[23] отъ св(ятыя) купѣли[24] имя тому вельможи[25], прежде нарицаемому Станиславу Меледцкому[26], Михаилъ[27], во имя архистратига Михаила. И пожаловалъ его великий князь за ево причѣздъ къ нему, великому князю, въ послужение и [28]по засвидѣтельствовании имъ[29] честей въ Коронѣ Польской и въ[30] княжествѣ Литовскомъ [31]и его и[32] родителей его[33], велѣлъ ему Михаилу быть у себя въ боярѣхъ[34] и дать въ удѣлъ городъ Вологду и отчины въ Городецкомъ уѣздѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ[35] съ[36] тысячу дворовъ и больши. И той вельможа, зовомый Михаилъ, нарицаемый Меледцкий[37], тѣми данными отчинами удѣльными добрѣ владѣтельствоваше. А у того Михаила бѣ[38] сынъ, нарѣченный[39] Василий Михайловичь, и созда въ тѣхъ удѣльныхъ отца своего данныхъ отчинахъ домъ свой и нача въ нихъ онъ, Василий Михайловичь, пребывати почасту, а у Василья Михайловича быша сынове: Иоаннъ да Афанасий, зовомый по мирскому нарицанию Нелединский.

И по волѣ великаго, въ Троицѣ славимаго Бога, лѣта отъ сотворения мира 6969 [40]году иде нѣкто изъ страны, нарицаемыя человѣческими глаголы Бѣлозерския[41], [42]священноинокъ пустынножитель старецъ, нарицаемый именемъ Антоний, и прииде въ предѣлы града, нарицаемаго Городецкаго, во[43] удѣлъ въ вотчины честнѣйшаго мужа вельможи, зовомаго именемъ Василия[44], нарицаемаго Меледцкаго[45], къ сыну ево Васильеву, Афанасию Васильевичу, нарицаемому Нелединскому[46], и, [47]по волѣ[48] всемогущаго, въ Троицѣ славимаго Бога, и по неизрѣченнымъ[49] Его[50] праведнымъ судьбамъ, [51]той нарицаемый пустынножитель, священноинокъ именемъ Антоний, учинися прискорбенъ, и [52]не по мнозѣхъ днѣхъ по волѣ праведнаго Бога[53] [54]той инокъ Антоний приятъ[55] отъ скорби освобождение[56] и нача той старецъ, именемъ Антоний, съ великимъ прошениемъ молити того всечестнѣйшаго мужа, прежде упомянутаго[57] именемъ

Афанасия, нарицаемаго Нелединскаго, дабы [58]поволилъ ему[59] во своихъ удѣльныхъ [60]дѣда и отца своего отчинахъ создати для молитвословия[61] часовню и [62]для упокоения себѣ поставити[63] келлию[64], и той /(с.68) честнѣйший мужъ, зовомый именемъ Афанасий, нарицаемый Нелединский, поволи[65] ему во[66] удѣльныхъ дѣда и отца своего, прежде реченнаго[67] Василия[68] Михаиловича, и въ своихъ отчинахъ поставити для молитвословия[69] [70]часовню и для упокоения келлию[71] на мѣстѣ рѣки, нарицаемыя Неледины, и на мѣстѣ [72]рѣчки, нарицаемыя[73] Могочи.

И той пустынножитель, священноинокъ, зовомый именемъ Антоний, на той ево Афанасьевой земли созда для молитвословия[74] часовню и для упокоения себя[75] келлию[76], и нача ту пустынножительствовати и богоподвижно подвизатися добрымъ и богоугоднымъ житиемъ, – и мирстии народи прихождаху къ нему, возсылающе хвалу и моление[77] Господеви Богу и поюще молебная и заупокойная пѣния и [78]зря [79]доброе и богоподвижное житие [80]того пустынножителя, инока именемъ Антония[81], приношаху ему кождо отъ своихъ пожитковъ подаяния[82]. И той богоугодный пустынножитель, именемъ Антоний, не хотя того приношения [83]оставить въ безвѣстности[84], но хотя и паки [85]употреблениемъ ихъ[86] Богу и [87]Пресвятѣи Его Матери[88] благодарение воздати и имя ихъ святое прославити, такожде[89] и великаго во иерарсѣхъ[90], свѣтильника Христова, архиерея Мирликийскаго, [91]почтити, во имя его святое обѣща воздвигнути церковь, и по [92]щедротамъ всемогущаго, въ Троицѣ славимаго Бога и молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и великаго святителя Христова Николая Чудотворца, и богоподвижнымъ житиемъ и молитвами того пустынножителя [93]старца, именемъ[94] Антония, то святое мѣсто [95]начатъ созидатися и устроятися[96]. И нача той пустынножителъ, именемъ Антоний, церковь во имя великаго святителя и Чудотворца Николая Мирликийскаго древяну[97] созидати и, создавъ ее[98], [99]святыми иконами благолѣпнѣ[100] той храмъ украси и божественными книгами довольно снабди, и не по [101]мнозѣмъ времени[102] той храмъ забраломъ огради и нача собирати братию. И видѣвше[103] его[104] богоподвижное житие, начаша собиратися братия и собрашася братия, и волею и человѣколюбиемъ великаго, въ Троицѣ славимаго Бога, [105]той прежде упомянутыи[106] строитель, священноинокъ, зовомый именемъ Антоний, [107]по богоугодному житию[108] учинися того Богомъ спасаемаго мѣста наставникъ и строитель, и нача нарицатися то святое [109]богоустрояемое мѣсто[110] [111]по имени того прежде

помянутаго отца и началоздателя, старца именемъ Антония[112], Городецкаго уѣзда[113] [114]Николаевской Антониевъ[115] монастырь. [116]И волею всемогущаго, въ Троицѣ славимаго Бога, [117]подающаго всѣмъ вся благая, [118]тая[119] святая обитель распространяшеся, и мнозии[120] народи прихождаху, отъ имѣния своего приносяще и молящеся и вся благая съ вѣрою [121]по прошению чрезъ молитвы великаго [122]чудотворца Николая обрѣтающе[123], и[124] тако[125] та святая обитель [126]прославляшеся.

И по лѣтѣхъ мимошедшихъ, по волѣ и по устроению въ Троицѣ славимаго Бога и молитвами великаго архиерея и чудотворца Николая, и тщательнымъ трудоположениемъ того прежде упомянутаго[127] строителя, старца именемъ Антония, лѣта отъ сотворения мира 6989 [128]года нача въ томъ Антониевѣ[129] монастырѣ созидатися церковь каменная во имя великаго архиерея и чудотворца Николая и[130] въ придѣлѣ того храма другий[131] храмъ во имя Благовѣщения Пресвятыя Богородицы. И не по мнозѣ времени той прежде у/(с. 69) помянутый[132] отецъ, именемъ Антоний, по неизреченнымъ праведнымъ судьбамъ великаго Бога учинися прискорбенъ, и не по мнозѣхъ днѣхъ[133] прииде[134] воля всемогущаго Бога и той отецъ, священноинокъ Антоний, преселился въ вѣчный оный покой вѣчныхъ ради[135] и неизреченныхъ благъ восприятия[136], и погребенъ бысть собранною имъ братиею честнѣ въ томъ Антоновѣ монастырѣ.

[137]По немъ, чрезъ волю всемогущаго Бога, [138]вся благая устрояющаго[139] и по избранию[140] того монастыря братии, поставленъ[141] бысть в томъ монастырѣ [142]на мѣсто того прежде упомянутаго и богоподвижнаго отца, строителя именемъ Антония, собраннаго имъ стада наставникомъ и строителемъ[143] изъ братии того Антонова монастыря священноинокъ, нарицаемый именемъ Германъ. И той священноинокъ Германъ, благодарение и хвалу Богу возсылающи[144] и славя милость и предстательство великаго архиерея и Чудотворца Николая и зря на подвизи и трудоположение богоподвижнаго жития прежде упомянутаго[145] началоздателя[146] и строителя того Антонова монастыря, старца именемъ Антония, и самъ подвизашеся богоугоднымъ житиемъ и распаляшеся о Бозѣ душею, и [147]нача паки[148] то святое мѣсто на славу впредь будущимъ родомъ распространяти[149], и соверши ту прежде помянутую каменную церковь и[150] святыми иконами [151]благолѣпно украси[152], и божественными книгами паки снабди и той святый храмъ освяти. [153]И по благоустроению начинания того преждебывшаго отца, именемъ Антония, той по немъ бывый въ томъ Антоновѣ[154]

монастырѣ строитель и братия паки непрестанное[155] моление возсылаху[156] всемогущему въ Троицѣ славимому Богу, дабы волею своею святою и неизреченными человѣколюбными[157] щедротами то святое мѣсто во славу святыя и нераздѣлимыя Троицы и за молитвъ Пресвятыя Богородицы[158], и предстательствы великаго архиерея и Чудотворца Николая и за непрестанное и трудоположное житие того прежде помянутаго отца, именемъ Антония, и прошения ихъ и мольбы, не презрилъ, но свыше милостию своею [159]назиралъ[160], дабы та святая обитель большимъ расширениемъ[161] распространилась. И по [162]неизрѣченнымъ судьбамъ[163] п<ра>веднаго,** въ Троицѣ славимаго Бога, [164]устремишася[165] сердца того Антонова монастыря братии, дабы учинити въ томъ Антоновѣ монастырѣ того[166] прежде помянутаго строителя, старца именемъ Германа, игуменомъ, и начаша молити Новгородскаго[167] архиепископа, дабы поставилъ имъ[168] того монастыря строителя, старца Германа, игуменомъ, и послаша того строителя съ молениемъ къ[169] архиепископу въ Новъградъ[170], дабы ево[171] благословилъ во[172] игумена; и той строитель, по хожении своемъ, восприя вскорѣ отъ владыки благословение и бысть въ томъ[173] Антоновѣ монастырѣ игуменомъ. И по лѣтѣхъ мимошедшихъ, [174]той игуменъ[175] благодарение Богу возсылающи[176] и во всякое благоустроение имя Его святое призывающи[177], [178]поживъ довольна лѣта, скончался[179] о Господѣ.

И по немъ въ томъ Антоновѣ монастырѣ быша иные игумены и святую обитель добрѣ пасяху и благодарение всесильному, въ Троицѣ славимому Богу и Пречистѣй Его Матери[180] и угоднику ихъ, великому Чудотворцу, непрестанно воздаваху, и святыми ихъ молитвами то святое мѣсто распространяше/(с. 70)ся. И многие великие князи и боляре[181] отъ имѣния своего въ тотъ Антоновъ монастырь [182]деньги и всякую[183] церковную[184] утварь непрестанно даваху[185] и вотчины своя въ [186]предбудущая[187] лѣта, [188]ради наслѣдия[189] вѣчныхъ[190] благъ и [191]вѣчнаго поминовения родителей своихъ, [192]на пропитание игумена и братии въ тотъ Антоновъ монастырь отдаваху, и благодатию всесильнаго, въ Троицѣ славимаго Бога и молитвами[193] Пречистыя Его Матери[194] и [195]угодника ихъ, великаго во иерарсѣхъ Чудотворца Николая, та святая обитель [196]вельми распространяшеся.

Лѣта 7002 [197]года[198] нача въ томъ Антоновѣ монастырѣ въ преславное украшение той всечестной обители созидатися[199] церковь каменная[200] съ трапезою во имя Пресвятыя Богоматере[201] Покрова и со иными палаты[202] во употребление монастырскихъ ради служебъ. И Богъ милостивый, призирая на дѣла руку Своею,

человѣколюбия ради Своего, желая всѣмъ человѣкомъ спасение получити и вѣчныхъ Его [203]благъ сподобитися и во всемъ всѣмъ человѣкомъ благоначинающимъ и призывающимъ имя его святое поспѣшествуя[204], благослови и сие благое начинание, и милостию его святою и молитвами Пресвятыя Богоматери[205] и предстательствы великаго архиерея и Чудотворца Николая та святая Церковь совершися не по мнозѣхъ лѣтѣхъ, трудоположениемъ и тщаниемъ[206] того Антонова монастыря игумена, старца [207]Паисия, иже въ преславное украшение тоя святыя[208] обители создавъ ю и добрѣ устроивъ, святыми благолѣпными[209] иконами ту святую церковь благолѣпно[210] украси и святыми божественными книгами довольно учреди на память и на славу впредь будущимъ того Антонова монастыря началопастыремъ и всѣмъ приходящимъ народомъ въ достойное похваление, дабы и впредь будущие началопастыри в томъ Антоновѣ монастырѣ, зря на преславное ихъ трудотщательное украшение, и сами подвизалися на[211] вся благоустроительная дѣла, и приходящии [212]в ту святую обитель народи[213] всѣмъ благимъ ее снабдѣвали, желая [214]всѣмъ преставльшимся[215] и в томъ Антоновѣ монастырѣ погребеннымъ [216]вѣчныхъ благъ наслаждения и себѣ во всемъ своемъ жительствовании благоустроения.

Лѣта 7002 [217]году[218] мѣсяца ноября [219]преставися благовѣрныи князь Андрей Углицкий; а далъ в домъ Чудотворцу Николѣ[220] и страстотерпцу Христову [221]Димитрию по своихъ родителѣхъ[222] и по своей душѣ, въ наслѣдие благъ вѣчныхъ, изъ вотчинъ своихъ деревню Костычево, д(еревню) Нави, д(еревню) Коробово, д(еревню) Мокравицы, д(еревню) Пикалово съ лѣсы и съ луги и со всѣми угодьи.

Лѣта 7008 [223]году[224] бѣ нѣкто отъ рода [225]прежде помянутаго пречестнѣишаго мужа, вельможи зовомаго именемъ Михаила, нарицаемаго Меледцкаго, мужъ честнѣйший, зовомый именемъ Василий Андреевичь[226] [227]Нелединский[228], иже живяше богоугоднѣ и имѣяше вѣру великую[229] къ[230] Господу Богу и зѣло почиташе угодника Христова, архиерея Божия, Чудотворца Николая, и о томъ богосозидаемомъ[231] мѣстѣ, Городецкаго уѣзду [232]Николаевскомъ Антоновѣ монастырѣ[233], зѣло тщашеся, – и той святый нарицаемый Антоновъ монастырь зѣло всякими[234] приношениями и всякимъ благодѣяниемъ снабдѣваше; наипаче же желая свыше отъ Бога[235], въ Троицѣ славимаго, [236]милость получити, и [237]поминовение[238] прежде почившихъ рода своего [239]имѣти, и самому[240] вѣчныхъ благъ Христа Бога наше /(с. 71)го сподобитися[241], даде [242]той мужъ[243] въ

домъ [244]чудотворцу Николѣ[245] въ Антоновъ монастырь отчины и удѣлу прежде помянутыхъ родителей своихъ [246]въ Городецкомъ уѣздѣ село Сандово, деревню Загорье, д(еревню) Кунино, д(еревню) Бревенникъ, д(еревню) Зарино, пустошь Начижилинъ.

Лѣта 7026 [247]году[248] июня въ[249] 26 день преставися благовѣрныи князь Симеонъ Ивановичь Калужский[250], а далъ Николѣ Чудотворцу въ[251] Антоновъ монастырь по своей душѣ и по своихъ родителѣхъ[252]: по отцѣ своемъ, по великомъ князѣ Иоаннѣ, и по матери[253] своей,– вотчину въ Бѣжецкомъ верху: село Преображение[254] Спасово на Холму да Живоначальныя Троицы съ деревнями – деревню Анисимово, д(ер.) Чермное, д(ер.) Мокрени, д(ер). Бортницы, д(ер.) Нивы, д(ер.) Замошье, д(ер.) Григорово, д(ер.) Овсейково, [255]д. Боровское[256], д(ер). Бабино, д(ер). Фролово, д(ер). Полежаево, д(ер). Погорѣлку[257], [258]д(ер). Почечуиху[259], д(ер). Власово, д(ер). Мыченку[260], д(ер). Осинки, д(ер). Жуково, д(ер). Красное, д(ер). Пустошку, д(ер). Погорѣлку, д(ер). Муравьево, д(ер). Доръ, д(ер). Медвѣдково, д(ер). Раменье, д(ер). Рычманово[261], д(ер). Ямъ, д(ер). Черную.

Лѣта 7029 [262]году[263] маия въ 4 день далъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ[264] большой въ домъ Николѣ Чудотворцу ферези бархатные на золотѣ червчатые[265], да шубу лисью черевью подъ камкою подъ вишневою, да 50 рублевъ денегъ, да 326 четвертей хлѣба, да прежъ того далъ Иванъ же Васильевичь при игуменѣ Паисеѣ на церковное строение 50 рублевъ денегъ,– и за тотъ ево вкладъ игумену и братии написать[266] ево[267] Ивановыхъ родителей [268]въ повсядневномъ синодикѣ[269] и[270] ежеденно поминать[271] на литияхъ послѣ утреннихъ[272] и на обѣдняхъ[273] за[274] просфоромисаниемъ[275] и послѣ вечерни, доколѣ монастырь стоитъ, и за ево[276] Иваново здравье[277] Бога молить – до его живота, и братию[278] кормы кормить по двою въ годъ на его имянины – на память иже во святыхъ отца нашего Иоанна Милостиваго.

Лѣта 7056 [279]году[280] генваря въ 9 день преставися рабъ Божий, инокъ Вассианъ Шереметевъ[281], въ 6 часъ нощи, а далъ въ домъ Николаю Чудотворцу по своей душѣ, въ наслѣдие вѣчныхъ благъ, колоколъ да ризы, да стихарь, а[282] цѣна всему тому 60[283] рублевъ, при игуменѣ Иоасафѣ, и за то ево даяние игумену написать его въ Синодикъ въ вѣчное поминание[284] и на литияхъ его поминать и за просфоромисаниемъ на литургии Божией.

Лѣта 7056 [285]году[286] далъ игуменъ Ио[а]сафъ въ домъ Николѣ Чудотворцу, въ наслѣдие вѣчныхъ благъ, при своемъ животѣ, на

милостыню[287] и послѣ своего живота по своей душѣ[288] и по своихъ родителѣхъ[289], по отцѣ и по матери, и по своихъ дѣтѣхъ и роду и племени, въ вѣчное поминание: [290]Николу Чюдотворца[291] – пядницу, серебромъ[292] обложену сканью, да Евангелие въ десть на бумагѣ тетръ, а дска сребряная[293] сканая[294], а прописываны златомъ строки и заставицы и евангелисты – вси писаны на золотѣ и статьи, да крестъ воздвизальной на престолѣ сребромъ обложенъ, да кадило сребреное[295], а вѣсу тянетъ противу[296] 15 рублевъ, да ризы камчатые, а оплечье бархатное, да другия постныя, тафта таусинная двоеличная, да стихарь подризной, тафта таусинная, [297]оплечье камка цвѣтная, да патрахель атласная[298], /(с. 72) а[299] поясъ крещатъ шелковой игуменской, да поручи атласные[300], да другие бархатные, да ширинку золотомъ шиту, подкищеванную[301] шелкомъ чернымъ, да паникадило мѣдное большое о дванадесяти[302] свѣчахъ, а яблоко обложено сребромъ, да колоколъ большой, [303]а цѣна ему 80 рублевъ, да свѣчу мѣстную большую, и за [304]его даяние игумену Паисею, – [305]и кто по немъ иный игуменъ будетъ[306],– при его животѣ, молити о немъ всемилостиваго Бога соборнѣ и келейнѣ и, по его преставлении[307], [308]его и родителей его вписать въ Синодикъ въ вѣчное поминовение[309], [310]а родителей его[311] – преставление[312] и память ихъ творимъ мѣсяца марта въ 17 день, на память св(ятаго) Алексия[313], человѣка Божия, а по матери его, инокѣ[314] Евгении, – [315]мѣсяца сентября въ 25 день на память преподобные матере[316] нашея Евфросинии, и игуменъ тѣхъ на литияхъ поминаетъ и на просвиромисании[317] на литургияхъ Божиихъ и на ихъ преставления[318] и память ихъ творитъ кануны[319], и [320]братию и нищихъ кормитъ и поитъ[321], елико[322] возможно.

Лѣта 7072 [323]году[324] далъ въ домъ Николѣ Чудотворцу Богданъ, Быковъ сынъ, Нелединский[325], а во иноцѣхъ Дометианъ, по своей душѣ и по своихъ родителѣхъ сельцо Федорково съ деревнями: деревню Кишкино, д(ер). Гору, д(ер), Подолъ, д(ер). Заборье, д(ер). Козодавль, д(ер). Хрущи большие, д(ер). Хрущи меньшие, д(ер). Латино, д(ер). Оксениху, д(ер). Гузениху, д(ер). Дорки, д(ер). Михалиху, д(ер). Илейцино[326], д(ер). Колмачиху, пустошь Шувандино, и за тотъ ево вкладъ [327]его, Богдана, и родителей его[328] поминать, понахиды пѣть и обѣдни служить и братью кормить двою въ годъ кормомъ большимъ: на память его и [329]преставление[330], а память и преставление[331] писано во[332] уставѣ, – на кои дни поминать и братию кормить.

Лѣта 7101 [333]году[334], при игуменѣ Константинѣ, далъ вкладу въ домъ Николаю Чудотворцу Алексѣй Ивановичь Масловъ по своей

душѣ и по своихъ родителѣхъ вотчинную свою родовую деревню Маслово Раменье, д(еревню). Хрепелево, д(ер). Слядолово[335], д(ер). Якшинъ[336], д(ер). Дубровку, д(ер). Залужье, д(ер). Залѣсье[337], д(ер). Долгушу, д(ер). Пролеиху, пустошь Тетериху, и [338]игумену и братьѣ за тотъ ево вкладъ родителей ево поминать и понахиды[339] пѣть, и обѣдню[340] служить и братью кормить дважды въ годъ, [341]въ память и преставления[342], а память и преставление писано въ уставѣ, – на кои дни поминать и братью кормить.

И паки та святая и всечестная обитель большимъ расширениемъ[343] распространяшеся и многосиятельными[344] добродѣтельми цвѣтяше, и снабдѣваниемъ и всякимъ благодѣяниемъ тѣхъ честнѣйшихъ прежде помянутыхъ мужей и иныхъ многихъ отъ народа приходящихъ и вся благая той святой обители содѣвающихъ и вся потребная на употребление монастырское подающихъ удовляема[345] [346]славяшеся, и братии присовокупляшеся множае за славу имене великаго архиерея и Чудотворца Николая и за [347]благая дѣяния[348] того Антонова монастыря пастыреначальника, игумена, зовомаго именемъ Паисия, и волею всеблагаго и всемогущаго Бога, и неизреченными его судьбами, той пастыреначальникъ, игуменъ именемъ Паисий, учинися прискорбенъ, и не по мнозѣхъ днѣхъ недугу его наипаче возстающу и зѣло отъ тоя скорби ему изнемогающу, и[349] воли[350] всесвятаго Бога и [351]неизреченнымъ судьбамъ[352] [353]отъ псаломника по данной ему благодати Духа изглаголаннымъ[354]: /(с. 73) предѣлъ положилъ еси, его же не прейдутъ (Псал. 103, 9)[355] и [356]кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти[357] (Псал. 88, 49)[358] на немъ исполняющимся[359], и той прежде помянутый инокъ, пастыреначальникъ, игуменъ именемъ Паисий, преселися [360]отъ сея временныя жизни[361] въ вѣчный оный покой, и погребенъ бысть[362] честнѣ.

А по немъ в томъ Антоновѣ монастырѣ, по волѣ[363] праведнаго Бога и по совѣту того Антонова монастыря братии, [364]избранъ бысть тому Антонову монастырю иной пастыреначальникъ, игуменъ[365], изъ братии того монастыря мужъ[366] зѣло постный[367] и богоугодной[368] и во всемъ [369]доброподвижный инокъ, старецъ Вонифатий[370]. И той инокъ пастыреначальникъ [371]паки стадо Христово зѣло добрѣ пасяше и во всемъ добрѣ[372] правяше, и о святѣмъ томъ Богомъ [373]созидаемѣмъ дѣлѣ[374] зѣло печашеся, еже[375] и паки во славу святыя Троицы то святое мѣсто зѣло украсити и всякими благопотребными достоинствы[376] довольно ублагопотребити, и мнозѣхъ мужей [377]умоли къ той святой обители благоснабдѣвателями быть[378], и[379]

по его [380]зѣло неудержимому[381] отъ распаления душевныя любви[382] къ Богу усердию, и за молитвъ угодника Христова Николая и ради добродѣтельнаго жития началопастыря, дойде о сей пречестнѣй обители слухъ и до великаго князя и возвѣщено[383] бысть [384]ему о его добродѣтельномъ житии[385], и великий князь, добродѣтельнаго его ради жития, то святое мѣсто паки повелѣваше снабдѣвати и, посѣщающи [386]тотъ монастырь[387], на поминовение душъ прежде почившихъ родителей своихъ государевыхъ [388]денежными милостынями и всякимъ благодаяниемъ снабдѣваше[389], и тако[390] та святая обитель паче[391] распространяшеся и славяшеся за молитвы Богоматере и предстательствы[392] великаго святителя и чудотворца Николая и [393]доброподвижное житие[394] того пастыреначальника. И милостию [395]великихъ государей и снабдѣниемъ прежде помянутыхъ[396] вельможъ и иныхъ богоизбранныхъ честнѣйшихъ мужей [397]та святая пречестнѣйшая[398] обитель Николаевскаго Антонова монастыря обогащашеся[399], и отъ рода [400]прежде помянутыхъ[401] вельможъ Нелединскихъ[402] мнозии многими [403]ко употреблению во св. церкви и[404] на службы того Антонова монастыря потребами[405] незабытно[406] снабдѣваху, игумена и братию и св(ятое) мѣсто почасту присѣщаху и всякими довольствы благопотребно упокоеваху. И инии[407] мнозии честнии[408] мужие то св(ятое) мѣсто паки снабдѣваху и вотчинами довольно удовольствоваша[409] на поминовение[410] душъ прежде почившихъ родителей своихъ и желая согрѣшениямъ своимъ отпущения и всякаго себѣ отъ Бога [411]за добродѣтели[412] воздаяния и впредь будущимъ родомъ на славу и на преславное украшение того Богомъ спасаемаго мѣста, дабы и прочии по нихъ людие тако же зря на ихъ тщательное снабдѣние Богомъ спасаемаго того мѣста и паки на преславное украшение и устроение[413], [414]и сами святыя мѣста добрѣ снабдѣвали [415]всякими благоподаяниями[416].

Примечания

* Заглавие Летописца указано в публикации А.К. Жизневского перед текстом; в списке, опубликованном в книге «Историческая библиотека Тверской епархии», заглавие вынесено на отдельную страницу, а перед текстом напечатано «Лѣтописецъ».

**опечатка, в тексте «парведнаго»

[1]нет [2]нет [3]бояръ [4]доп.: (1461) [5]нет [6-7]по образу своему и по подобию человѣка [8]благоустроитель [9]доп.: его же святая воля во всѣхъ благихъ состоится [10]нет [11]доп.: вся [12]василья [13]меледский [14]двѣсти [15]поволилъ [16]православия [17]христианску [18]купели [19]а [20]купели [21-22]нет [23]наречено [24]купели [25]велможи [26]меледскому [27](михаила) [28]доп.: чрезъ свидѣтельство [28-29](по засвидѣтельствовании) [30]нет [31-32](и его и) [33]ево [34]боярехъ [35]мѣстахъ [36]с [37]меледский [38]нет [39]нареченный [40]доп.: (1461) [41]бѣлоозерския [42]доп.: страны [43]въ [44]василья [45]меледскаго [46]нелѣдинскому [47-48]чрез волю [49]неизреченнымъ [50]ево [51]доп.: его же святыя очи и не содѣланная впредбудущая видѣста, бѣ сие: [52-53]по волѣ праведнаго бога не по мнозѣхъ днѣхъ [54-55]учинися тому иноку антонию [56]свобождение [57]помянутаго [58-59]ему повелѣлъ [60]доп.: и [61]пропитания [62-63]себѣ поставити для упокоения [64]келью [65]поволилъ 66въ [67]рекомаго [68]василья [69]пропитания [70]доп.: ему [71]келью [72-73]нарицаемыя рѣчки [74]пропитания [75]себѣ [76]келью [77]моления [78]доп.: приносяще господеви богу благодарения, и тому пустынножителю, иноку именемъ антонию, тѣ приходящии мирстии народи [79]доп.: ево [80-81]нет [82]воздаяния [83-84]въ употребление (себѣ) сокрыти [85-86]нет [87-88]богоматери пресвятѣи богородицѣ [89]нет [90]иерарсехъ [91]доп.: николая [92]доп.: неизрѣченнымъ праведнымъ [93-94]именемъ старца [95-96]и нача богомъ созидаемо и распространяемо быти [97]древянну [98]ю [99]доп.: и [100]богоподобнѣ [101-102]мнозѣхъ временехъ [103]видѣша [104]нет [105]доп.: и видѣ его богоугодное житие [106]помянутыи [107-108]нет [109-110]мѣсто богостроительное [111-112]нет [113]уѣзду [114-115]николаевский антоновъ [116]доп.: по имени того прежде помянутаго отца и началосоздателя, именемъ старца антония [117]доп.: и [118]доп.: и паки [119]та [120]мнози [121]доп.: приходящии [122]доп.: архиерея [123]обрѣтаху [124]а [125]нет [126]доп.: паче [127]помянутаго [128]доп.: (1481) [129]антоновѣ [130]нет [131]другой [132]помянутый [133]днехъ

[134]приидѣ [135]нет [136]нет [137]доп.: а [138-139]его же воля всѣмъ благимъ повелительствуетъ [140]избрании [141]избранъ [142-143]наставникомъ и строителемъ на того прежде помянутаго и богоподвижнаго отца строителя, именемъ антония, мѣсто собраннаго его стада [144]возсылающе [145]помянутаго [146]начало-создателя [147-148]паки нача [149]разспространяти [150]нет [151-152]благочинно украсивъ [153]доп.: и паки непрестанное хваление и благодарение богу возсылающе [154]антоновомъ [155]непрестанно [156]возсылаша [157]человѣколюбивыми [158]богоматере [159]доп.: святою [160]призрилъ [161]разширениемъ [162-163]судьбамъ не изреченнымъ [164]доп.: положи богъ волю свою святую и [165]устреми [166]нет [167]новогородскаго [168]нет [169]ко [170]новгородъ [171]его [172]въ [173]нет [174-175]нет [176]возсылающе [177]призывающе [178]доп.: и [179]скончася [180]богоматерѣ [181]бояре [182]доп.: и съ пожитковъ своихъ [183]всяку [184]церковну [185]даяху [186]доп.: предъидущия [187]слово в скобках [188–189]для своего душевнаго спасения [190]будущих [191]доп.: для [192]доп: и [193]нет [194]богоматерѣ [195]доп.: молитвами [196]доп.: повсюду [197]доп.: (1494) [198]нет [199]созидати [200]каменну [201]богоматерѣ [202]полаты [203]доп.: святыхъ [204]поспѣшитель [205]богоматере [206]устроениемъ [207]доп.: именемъ [208]пресвятыя [209]богоподобными [210]благочинно [211]во [212-213]народи въ ту святую обитель [214-215]преставльшимся всѣмъ [216]доп.: душамъ ихъ [217]доп.: (1494) [218]нет [219]доп.: въ 5 день [220]николаю [221]доп.: мученику [222]родителяхъ [223]доп.: (1500) [224]нет [225]доп.: суща [226]андрѣевичь [227]доп.: нарицаемый [228]нелѣдинский [229]велию [230]ко [231]богосозданномъ [232-233]николаевскаго антонова монастыря [234]всяческими [235]господа [236]доп.: бога [237]доп.: на [238]память [239-240]и впредь желая себѣ неотлучену быти [241]нет [242-243]нет [244]доп.: великому [245]николаю [246]доп.: и свои [247]доп.: (1518) [248]нет [249]нет [250]калужской [251]во [252]родителехъ [253]матере [254]преображенье [255]доп.: дер. погорѣлецъ [255-256]нет [257]погорѣлка [258]доп.: д(ер). Боровское [259]почечуиха [260]мыченка [261]рачманово [262]доп.: (1521) [263]нет [264]шереметьевъ [265]червонные [266]поминать [267]нет [268-269]по всядневному синодику [270]нет [271]нет [272]утренней [273]обѣдни [274]на [275]просфоромисании [276]нет [277]здравие [278]нет [279]доп.: (1548) [280]нет [281]шереметьевъ [282]и [283]шестьдесятъ [284]воспоминание [285]доп.: (1548) [286]нет [287]милостину [288]души [289]родителехъ [290]доп.: далъ [291]чудотворца [292]сребромъ [293]сребрянная [294]сканная [295]сребрянное [296]слово в скобках [297]доп.: двойная

[298]отласная [299]да [300]отласные [301]подкищену [302]двунадесяти [303]доп.: благовѣстной [304]доп.: то [305-306]нет [307]представлении [308-309]вписать въ вѣчное поминовение и его и представшихся его родителей [310-311]нет [312]представления [313]алексѣя [314]инокинѣ [315]доп.: память творимъ [316]матери [317]просфоромисании [318]представлении [319]нет [320-321]братию кормитъ и нищихъ поитъ и кормитъ [322]воели [323]доп.: (1564) [324]нет [325]нелединской [326]илейцыно [327-328]нет [329]доп.: на [330]представление [331]представление [332]въ [333]доп.: (1593) [334]нет [335]слѣдоловъ [336]якшино [337]заселье [338]доп.: мнѣ [339]панихиды [340]обѣдни [341-342]нет [343]разширениемъ [344]многочисленными [345]нет [346]доп.: и паче же богомъ та святая обитель распространяема [347-348]благодѣяния [349]нет [350]волею [351-352]неизреченными судьбами [353-354]по благодати духа даннѣй реченное чрезъ псаломника [355]нет [356-357]никто же можетъ прейти, еже не узрѣти смерти [358]нет [359]исполнися [360-361]нет [362]нет [363]воли [364-365]избраша того антонова монастыря иного себѣ пастыреначаль[ни]ка игумена [366]мужа [367]постна [368]богоугодна [369-370]доброподвижна инока, старца Вонифатия [371]доп.: и [372]нет [373-374]созидаемомъ домѣ [375]дабы [376]достоинствами [377-378]къ той святой обители умоли благоснабдѣватели быти [379]нет [380]доп.: же [381]не утерпимому [382]любвѣ [383]извѣщено [384-385]добродѣтельное его житие великому князю [386-387]въ снабдѣние того монастыря и [388-389]денежные милостыни и всякое благоподаяние даяше [390]нет [391]паки [392]предстателя[393-394]доброподвижнымъ житиемъ [395]доп.: и молитвами [396]упомянутыхъ [397-398]снабдѣвающихъ ту святую пречестнѣйшую [399]нет [400]доп.: суща [401]упомянутыхъ [402]нет [403-404]приношении достойными употребления святыя церкви и потребами [405]нет [406]не забытна [407]ины [408]святыи [409]благоудовольствоваша [410]память [411-412]добродѣтельнаго [413]употребление [414]доп.: и желая душамъ своимъ отъ бога благопотребная воздаяния и упокоение [415-416]всякимъ благодаяниемъ

Салимов Алексей Маратович
Кандидат искусствоведения.
Государственная академия славянской культуры.
Тверь

Булкин Валентин Александрович
Кандидат искусствоведения.
Санкт-Петербургский университет

Архитектурно-археологическое исследование Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря

Никольский собор Антониева монастыря находится в 5 км от города Красный Холм на северо-востоке Тверской области. Местные монастырские источники относят основание обители к 1461 г. и связывают это с именем белозерского монаха Антония[1].

Возник монастырь во владениях боярина А.В. Нелединского-Мелецкого. Территория Бежецкого Верха была получена его дедом от Василия Темного[2].

Согласно свидетельству монастырского летописца, закладка каменного собора состоялась в 1481 г.[3].

Основатель собора Антоний не дожил до освящения храма. Он умер на следующий год после начала строительства. Постройка была

завершена при его преемнике — Германе. Последний был настоятелем монастыря до 1493 года[4].

Ко времени начала архитектурно-археологического изучения памятника от постройки кон. XV в. сохранились лишь три стены основного объема и небольшие фрагменты северной и южной апсиды. Уцелевшие на всю высоту южная, западная и северная стены венчаются остатками закомар, сохранивших в ряде случаев до трети своей первоначальной высоты. Такое состояние здания — результат его частичной разборки в 1930-е гг., когда была уничтожена глава, сводчатая система, столбы и алтарная часть. Однако, принимая во внимание существующий графический материал, зафиксировавший Никольский собор как до разрушения, так и после, определимы типологические особенности храма. Это было крестово-купольное, четырехстолпное, трехапсидное сооружение, не имевшее подклета. Длина здания без апсид (по внешнему контуру) — 16,4 м, ширина — 162 м, высота до закомар — 9,6 м. Апсиды, примыкавшие с востока к четверику, равнялись по высоте почти 3/4 его объема. Венчал здание мощный цилиндрический барабан с узкими щелевидными проемами и большой луковичной главой. Собор сложен в смешанной технике кладки. Стены четверика выполнены из белого камня. В качестве забутовки между внутренней и наружной верстой использованы залитые известковым раствором различных размеров белокаменные блоки и щебень.

Вид Антониева Краснохолмского монастыря.
Фото нач. XX века

Обломки кирпича единичны и, как правило, небольшого размера. Последние фиксируются в обнажившихся после разрушения апсид восточных торцах северной и южной стен. Своды были полностью сложены из кирпича, и, вероятно, из того же материала был сложен и барабан. Ко времени разрушения в 30-е гг. строительная биография храма насчитывала уже более пяти с половиной столетий. Если документы 2-й пол. XVI в. лишь фиксируют состояние здания[5] и не позволяют выявить какие-либо изменения, произошедшие с ним за предыдущее столетие, то источники XVII в. содержат свидетельства не только о ремонтах основного объема, но и о пристройках, возведенных рядом с собором. В XVI столетии в монастыре продолжала существовать «церковь Николы Чудотворца каменная, а в ней придел Благовещенье Пречистые Богородицы; крыша и две главы на церкви деревянные, опаяны жестью...»; малая глава над юго-восточным углом компартиментом, где находился Благовещенский придел[6], сохранялась и в 1-й половине XVII в., поскольку в 1631 г. «значатся обитыми белой жестью... две главы — на храме и приделе»[7].

В 1634 г. после сильного пожара вновь отмечаются «две деревянные главы», обитые белой жестью[8].

В середине XVII столетия появляются западные и южные притворы[9].

В 1683 г. «иждивением стольника Якова Васильевича Нелединского» собор был расписан[10], а в 1685 г., в связи с устройством на северной стороне монастыря больничных келий «с церковью в честь Благовещения Пресвятыя Богородицы», перестал существовать одноименный придел в Никольском храме[11].

По всей видимости, ликвидация придела повлекла за собой разборку малой главы, и в 1763 г. монастырская опись отмечает одноглавие Никольского собора[12].

Не исключено, что разобрана она была между 1685 и 1690 гг. Последняя дата фиксирует пристройку к юго-западному углу храма Всехсвятского придела[13].

В древнейших монастырских описях содержатся сведения о каменной невысокой поперечной стенке, отделяющей жертвенник от наоса. В стене имелся входной проем с полуциркульным верхом[14].

Наряду с алтарной преградой, связывающей северо-восточную подкупольную опору с северной стеной, источники отмечают существование четырехъярусного иконостаса[15].

В 1693 г. его сменил «новый... прямой, в 5 ярусов»[16].

С небольшими изменениями этот иконостас сохранялся еще в 80-е годы XIX в.[17] и был, по-видимому, уничтожен в советское время. В 1754 г. у собора появилась северная паперть. В свою очередь, южная в 1814 г. была разобрана[18].

В середине XVIII в. был сделан новый чугунный пол, который в 1858 г. заменили деревянным. В 1763 г. «церковь и алтарь в первый раз были покрыты железом по железным стропилам»[19].

В ходе археологического исследования здания предполагалось уточнить его технико-технологические и типологические особенности, получить новый материал для суждения о датировке и атрибутике памятника. В опубликованной недавно статье В.П. Выголов пытался объяснить несоответствие отдельных архитектурных элементов Никольского собора, получивших распространение лишь с начала XVI столетия, и даты, сообщаемой летописцем (1481 г.). Появление у провинциальной постройки явно выраженных «итальянизмов» и иных особенностей, предвосхищающих архитектуру XVI в., исследователь склонен объяснять работой в Бежецком Верхе в начале 80-х гг. XV в. итальянского зодчего[20].

Наиболее вероятной В.П. Выголов считает датировку собора 1-й пол. 80-х гг. XV в.[21].

В ходе проведенных работ от завалов строительного мусора была расчищена алтарная часть здания и заложено 16 шурфов внутри и снаружи основного храмового объема[22].

Стремлением выяснить планировку южного притвора и придела Всех Святых была обусловлена закладка раскопа к югу от собора. В процессе исследования было расчищено более 40 % площади собора XV в. Сюда вошла алтарная часть, состоящая из 3-х апсид, восточные подкупольные опоры и алтарная преграда. Кладка апсиды сохранилась до высоты первого или второго цокольного ряда. У восточных торцов северной и южной стены высота выявленной кладки больше. В забутовке, помимо известковых блоков и щебня, встречаются отдельные фрагменты кирпича толщиной 5,76 см, что вполне соответствует размерам кирпичей, использованных в верхних частях здания. Высота блоков в сохранившихся рядах 16—20 см, длина 24—70 см, швы между блоками — до 2 см. Раствор в кладке известковый с незначительным добавлением песка. Толщина апсид по нижнему цокольному ряду 160—165 см (северная и южная), 185—190 см (центральная). Вынос апсид по отношению к восточной стене четверика составляет: северная — 365 см, центральная — 390 см, южная — 350 см. Сна-

ружи между северной и центральной апсидами обнаружен прямоугольный выступ — основание лопатки, сохранивший один ряд кладки. Ее ширина 83 см, вынос составляет 30 – 37 см. Подобная лопатка между центральной и южной апсидами была выбита до фундамента при разборке храма. Нижняя цокольная часть собора состоит из 7 рядов кладки: трех верхних профилированных (два валика с полочками и скоцией) и четырех с общей вертикальной плоскостью, служащих основанием декоративного пояса. Расчистка разобранных апсид показала тщательность обработки лицевой поверхности всех четырех непрофилированных цокольных рядов снаружи и только двух изнутри здания. К тому же два нижних интерьерных ряда расположены уступами. Неравноценное отношение к различным частям цоколя изнутри храма свидетельствует в пользу изначального создаваемого перепада высот. Из этого следует, что пол собора планировалось поднять по отношению к древней поверхности, как минимум, на два ряда кладки. Интересны технико-технологические особенности фундамента. Под нижним стеновым рядом расположена своеобразная белокаменная платформа, сложенная в той же технике, что и основной храмовый объем, ее высота в среднем 20 см, а вынос по отношению к нижнему цокольному ряду (особенно изнутри в центральной апсиде) достигнет 70 см.

Вид Антониева Краснохолмского монастыря.
Фото нач. XX века

На платформу опирались междуапсидные лопатки. У центральной апсиды был заложен шурф I, который выявил мощный фундамент с глубиной заложения 230 см. Фундамент сложен из мелких и средних валунов (20—35 см в поперечнике), в качестве связующего использована красно-коричневая глина. Верхний ряд фундамента, состоящий из белокаменных неправильной формы блоков, можно назвать выравнивающим. Стратиграфия шурфа представлена следующими напластованиями. Культурного слоя, отложившегося до строительства каменного собора, практически не существует. На материковом, желтого цвета песке, покоится тонкая углистая прослойка (0,5—1 см), являющаяся частью глинистого слоя толщиною 10—18 см, Помимо угля в состав суглинка входит кирпичная крошка. Слой по высоте соотносится со вторым фундаментным рядом и фиксирует существование, надо полагать, деревянного храма-предшественника. Погорелости указывают на то, что деревянное здание было уничтожено пожаром, кирпичная же крошка свидетельствует об использовании кирпича в интерьере (пол) или снаружи (мощение). Над горелым слоем лежит выброс из фундаментного рва, его толщина 24—25 см. Верхний уровень этого пласта фиксируется по середине верхнего фундаментного ряда тонкой (1—1,5 см) прослойкой, содержащей известковую крошку. Наличие щебня на этом уровне свидетельствует об использовании белого камня при закладке фундамента. Расположенный выше щебня песчаный слой (толщиной 10—12 см) по характеру близок выбросу из фундаментного рва. Вероятно, он является результатом нивелировки территории вокруг собора перед укладкой платформы. Слой строительства, состоящий из белокаменной крошки и кирпичного щебня, по отметке соответствует платформе. Над этим слоем, перекрывая на всю высоту первый цокольный ряд, лежит культурный слой (15—25 см) времени существования каменного храма. Все остальные напластования связаны с разрушением Никольского собора в советское время (строительный мусор и дерн над ним). Обращает на себя внимание довольно значительная глубина заложения фундамента. Принимая во внимание сообщение летописца о создании насыпной площадки перед строительством собора еще во времена Антония[23], такую глубину заложения фундамента можно рассматривать как страховочное мероприятие, нацеленное на создание надежного основания в искусственно сформированном грунте. Отсутствие в стратиграфическом разрезе даже незначительных следов жизнедеятельности на этой

территории в домонастырский период (помимо пожарной прослойки) не исключает постановки каменного храма на насыпной площадке. Междуапсидные стенки, доходящие до восточных подкупольных столбов, местами сохранили два ряда стеновой кладки. В центральной части они имеют уступы и сужаются к западу, фиксируя, по всей видимости, основания арочных проемов. Отсутствие проемов на данном уровне свидетельствует о том, что они могли начинаться, в лучшем случае, лишь с сохранившейся после разрушения храма отметки. Фрагменты кирпичного пола в жертвеннике на этом же уровне подтверждают высказанное предположение. Междуапсидные стенки ограниченно переходят в восточные подкупольные опоры. Последние, в свою очередь, связаны с остатками алтарной преграды, основание которой пересекает здание по всей ширине. Судя по раскреповкам раскрытых частей междуапсидных стенок в жертвеннике и дьяконнике, местоположению кирпичного пола в алтарной части и хорошо читаемой западной границе преграды, сторона практически квадратных в плане восточных столбов равнялась 150—155 см. Этот вывод находит свое подтверждение при рассмотрении северо-западной опоры, сохранившейся на большую высоту (см. шурф 3). Расчистка храмового интерьера от строительного мусора позволила выявить своеобразный гидроизоляционный слой. Он состоит из известковой заливки толщиной 2—4 см, перекрывающей всю площадь собора в уровне верхнего обреза надфундаментной платформы. Алтарная преграда сохранилась неравномерно. Наименее разобранной оказалась та ее часть, которая расположена между северной стеной и основанием северо-восточного столба. С севера уцелевший фрагмент преграды напоминает сильно выступающую лопатку. Здесь вполне определенно читается первоначальная высота алтарной преграды. Со стороны алтаря ее высота равна 325 см, со стороны наоса — 331 см. Данное несоответствие объясняется устройством кирпичных полов на разных уровнях с востока и запада. Южная плоскость сохранившегося фрагмента преграды является одновременно северным откосом (четвертью) входного проема, связывавшего жертвенник с пространством для молящихся. Проем имел полуциркульное завершение, о чем свидетельствует сохранившаяся пята. Она расположена на расстоянии 189 см от фиксируемой горизонтальной плоскости. Так как на последней сохранились следы известкового раствора, есть основания считать, что утрачена плита (или плиты) порога. Не исключено, что с сер. 18 в. плиты пола

Никольский собор.
Фото нач. XX века

были чугунными. Фрагмент такой плиты обнаружен in situ в проеме, соединяющем западный притвор с северной папертью. Таким образом, пол в алтаре (жертвеннике) оказывался на 18—20 см ниже порога, в наосе — на 23—25 см. Толщина алтарной стенки в северной части 72 см. В центральном нефе алтарная преграда выбрана почти везде до верхнего обреза фундамента, его технико-технологические особенности, изученные в этом месте, аналогичны фундаментной кладке под центральной апсидой. Близкой по высоте оказалась и глубина заложения (шурф 2). Следовательно, можно утверждать, что фундамент под алтарную преграду был заложен с одной отметки одновременно с фундаментом под основной объем. С юга алтарная преграда не сохранилась даже в виде интерьерной лопатки. Однако ее высота и толщина читаются на южной стене храма. Здесь преграда была отесана заподлицо со стеновой плоскостью. Два срубленных металлических подпятника в южной стене храма и следы стенки южной четверти на горизонтальной плоскости свидетельствуют о местоположении южного проема в алтарной преграде. Проход из дьяконника в наос находился фактически рядом с южной стеной собора. При этом вынос южной четверти по отношению к стене здания составлял 11—13 см. Над штрабой толщиной 56—70

см, фиксирующей примыкание южной трети алтарной преграды, читается более узкая штраба от надкладки над преградой. По высоте она заканчивается на расстоянии метра от импоста. В отличие от нижней половины, надкладка не была перевязана с основным объемом. Ее появление следует, по-видимому, связывать с желанием клира изолировать полати над Благовещенским приделом. Наличие второго яруса в дьяконнике отмечено летописцем[24].

В итоге алтарная преграда в Никольском соборе выглядела следующим образом: это была белокаменная, толщиной 70—72 см и высотою 330 см сплошная стенка, пересекающая храм по всей ширине. Арочными проемами все части алтаря объединяются с основным храмовым пространством. Западные грани восточных подкупольных опор находились, вероятно, в одной плоскости с западной лицевой поверхностью алтарной преграды. Данные археологии позволяют, на наш взгляд, исключить предположение о примыкании столбов к поперечной алтарной стенке с востока. Источники XVI в. свидетельствуют о существовании в соборе четырехъярусного иконостаса[25].

Те гнезда, в которых вставлялись тябла, не одновременны храму. Они вторичны. Проблема датировки первоначального иконостаса, по-видимому, тесно связана с определением времени разборки части алтарной преграды, поскольку во второй половине XVI в. каменная стенка сохранилась между северо-восточным столбом и северной стеной храма[26].

Не исключено, что четырехъярусный иконостас появился в Никольском соборе между 1558 и 1564 гг., потому что именно в этот период юрьевский игумен Варфоломей передал в храм новые царские двери[27].

Устройство иконостаса могло сопровождаться разборкой алтарной преграды. Правда, такому выводу противоречит штраба на южной стене храма, свидетельствующая о существовании южной трети преграды после 1683 г. В этом году всё здание было расписано[28], но штукатурка с красочным слоем не перекрыла место примыкания алтарной преграды к южной стене, напротив, хорошо читается ее напоминание на некогда выступавший архитектурный элемент. Однако, учитывая документальное свидетельство XVI в., фиксирующее отсутствие каменных стенок между подкупольными опорами и в дьяконнике, остается предположить, что небольшой выступ (южная четверть дверного проема — 11—13 см) сохранялся до 1683 г. и был, возможно, окончательно стесан в 1693 г. в период устройства нового пятиярусного иконостаса[29].

В шурфах 3 и 4 были выявлены остатки западных столбов. Северо-восточный сохранился на большую высоту и имеет два ряда кладки с хорошо обработанной лицевой поверхностью. Столб квадратный. Его сторона равна 150 см. У юго-западного столба надземные ряды кладки полностью отсутствуют. Однако в шурфе 4 была выявлена значительная по площади уступчивая платформа, служившая до разрушения столба его основанием. Фрагментарно такая конструкция была расчищена и под северо-западным столбом. Основанием юго-западного столба служила, как минимум, трехслойная платформа. Размеры второго снизу белокаменного (фундаментного) ряда 250 х 210 см. Расстояние между подкупольными опорами по оси восток – запад в среднем равно 490 см, по оси север – юг — 410—440 см. При раскопках было обнаружено несколько тысяч фрагментов фресок. Встречаются белокаменные блоки, лицевая поверхность которых полностью сохраняет фресковое покрытие. Храмовые кирпичи конца XV века, извлеченные из строительного мусора, имеют следующие размеры: 25—29 х 12—14 х 5,3—7 см. Как правило, они меньше и тоньше тех, что использовались на северо-востоке Руси, начиная с XVI столетия. В раскопе к югу от собора обнаружены остатки южного притвора, впервые упомянутого источниками в 1663 г.[30].

Стеновой кладки притвора не сохранилось. Фрагментарна сохранность и незначительного по глубине заложения фундамента. Реконструируются размеры южной паперти. По оси север – юг она равна 5 м, по оси восток – запад — 6,5 см. Фундаментная основа западной стены паперти стыкуется с аналогичной конструкцией апсиды придела Всех Святых (1690 г.). Последний примыкает к притвору. В северной половине апсиды сохранилось до десяти рядов стеновой кирпичной кладки. В остальных частях стена выбрана до верхнего обреза фундамента. Размеры кирпичей 30—31 х 15—16 х 8—8,2 см. Алтарная часть придела имеет криволинейное очертание в виде четверти круга. Глубина заложения фундамента 140 см, пустоты заполнены кирпичным боем, ширина фундамента 140—160 см. Длина придела (по фундаменту) 11,5 м, он примыкает к юго-западному углу собора и расширяется по западной стене. В этой части ширина придела равна 8—8,4 м. На основе данных, полученных в процессе исследования, можно говорить об одновременном существовании придела и иного притвора между 1690 г. (время строительства придела) и 1814 г. (дата разборки южной паперти). В конце XVII в. придел примкнул к западной паперти. Шурф 9, заложенный на месте ее южной стены, зафиксировал ос-

татки цоколя, оказавшиеся после пристройки придела в его интерьере. В шурфе 10 было расчищено основание портала в западной стене притвора. Ширина проема 200 см. Порогом служит белокаменная надгробная плита. В шурфе 12 обнаружены остатки северной стены притвора. На ее северной лицевой поверхности фрагментарно сохранилась профилировка цоколя (валик и поребрик). Размеры западного притвора 13 х 5,2 м. Шурфами 13—15 были зафиксированы плановые габариты северной паперти (16,6 х 4,7). В шурфе 14 стена сохранилась на высоту более метра. Толщина стенок 85—89 см. Напротив северного портала собора выявлен дверной проем притвора. Его ширина 205 см. Порогом служит могильная белокаменная плита. В шурфе 13 обнаружен фрагмент портальной «дыньки». В результате есть основание считать, что западный растесанный портал собора был декорирован аналогично северному и южному. Как отмечалось выше, датировка собора 1481 годом (начало строительства) была зафиксирована монастырской летописью, изданной по сохранившейся копии в конце прошлого века. У нас нет оснований ставить под сомнение предлагаемую дату, хотя ее соотнесение со стилистикой архитектурных форм выявляет определенное противоречие между привычными представлениями об особенностях каменных сооружений 80-х – 90-х гг. и некоторыми формами краснохолмского собора. Последние как бы опережают время и легче вписываются в архитектурный ряд начала — первой половины 16 века, что и было отмечено С.С. Подъяпольским[31].

Впрочем, такое впечатление создается, возможно, из-за того, что постройки Москвы середины – третьей четверти XV в. нам очень плохо известны, а между тем начало некоторым особенностям московского зодчества первой половины XVI в. могло быть положено именно в это время. Следует учесть и такой момент: облик московской архитектуры конца 15 в. формируется постройками зодчих, приглашенных в Москву из других земель (итальянцы, псковичи). Как бы ни велика была роль заказчика, как бы ни старались мастера приспособиться к местному художественному запросу, собственно московская строительная традиция не может быть реконструирована, особенно в стилистических нюансах, только на основе работ приезжих зодчих. Сложность возникает и из-за того, что при плохой сохранности памятников стилистический анализ, как аргумент в пользу той или иной датировки, с трудом работает в коротких хронологических диапазонах, как это имеет место в данном случае, когда речь идет о выборе между концом XV и нач. XVI вв. С учетом

этого предпочтительнее, на наш взгляд, при решении вопроса о времени постройки исходить из даты, сообщаемой монастырским летописцем. Никольский собор возводили в период интенсивного каменного строительства на Руси. Причем наиболее содержательная архитектурная коллизия имела место в Москве, где наряду с местными и псковскими зодчими активно работали мастера из Италии, чьи художественные новации имели довольно заметный резонанс в среде местных строителей. Объясняя некоторые особенности Никольского собора, В.П. Выголов высказал мысль о том, что его строителем мог быть итальянский мастер[32].

Заметим, что монастырская летопись о таком важном событии не сообщает, хотя в это время упоминание об участии в строительстве иноземного мастера было своего рода правилом. И всё же постановка вопроса об итальянском строителе краснохолмского собора является оправданной некоторыми особенностями постройки (употребление в перекрытии крестовых сводов, пояс-карниз в основании закомар, их полуциркульная форма и др.). Можно ли эти черты считать достаточными для положительного ответа на вопрос об авторе-итальянце? Подобный вопрос может быть поставлен и по отношению к значительному числу построек конца XV — первой пол. XVI вв., в стилистике которых присутствуют итальянизмы[33].

Его важность для истории древнерусской архитектуры и шире — отечественной культуры определяется тем, что вопрос о национальной принадлежности строителя того или иного здания в этот период перерастает локальные рамки обычной атрибуции и должен рассматриваться в контексте взаимодействия двух своеобразных культур — русской и итальянской,— принадлежавших разным ступеням историко-социального развития. «Итальянское направление» в русском зодчестве кон. XV — нач. XVI вв. представлено как постройками итальянцев, так и их русских собратьев по профессии, творчески осваивавших новые для них приемы и формы. Это обстоятельство существенно осложняет проблему атрибуции и выдвигает на передний план вопрос об ее критериях. Однажды выявившись, итальянизмы в древнерусском зодчестве уже с конца XV — начала XVI вв. начинают жить самостоятельной жизнью, указывая по большей части на свое происхождение и реже на строителя-итальянца. Персональные упоминания в летописях об итальянских зодчих со второго десятилетия XVI в. становятся всё реже, а итальянизмы в архитектуре как бы стушевываются, по крайней мере, утрачивают неожиданность и новиз-

ну и вряд ли могут быть безусловными критериями итальянского происхождения строителя. Итальянские формы, оказавшись в арсенале местных мастеров, упрощаются и, всё более оригинальные, включаясь в древнерусскую архитектурную систему, с неизбежностью русифицируются[34].

Происходит отбор и закрепление в практике строительства приемов и форм внутренне близких древнерусскому архитектурному мышлению, неразрывно связанному с традиционными ценностями культуры. Новации прививались главным образом в сфере техники и декора и именно там, где улучшение не носило конфессионального оттенка. Тип культового здания, в своей полноте и цельности воплощающий языком архитектуры высшие ценности православия, оказался незыблем, а его художественный облик обогатился лишь стилистическими оттенками, итальянское (тем более ренессансное) происхождение которых различимо далеко не сразу. Вообще ренессансный характер многих итальянизмов практически игнорируется русскими заказчиками и строителями. Обращение к итальянской культуре не обнаруживает с русской стороны ренессансного художественного запроса. Расчет был на мастерство, на техническую сноровку приглашаемых итальянских мастеров. У другой культуры заимствовалось полезное и красивое, но отбор производился исходя из собственных, древнерусских представлений о художественной ценности и религиозной допустимости нововведения. Внутренние коллизии итальянской культуры, которые определяли смысл и направление ее развития, не привлекали сколько-нибудь заметного интереса со стороны московских заказчиков. Это не мешало москвичам, как о том свидетельствуют летописи, с пристальным вниманием относиться к личности фряжского мастера, формам и приемам, которыми он пользовался при строительстве. На фоне сложившейся древнерусской архитектурной системы итальянизмы резко выделялись своей необычностью и на первых порах могли служить критерием определения национальной принадлежности автора-строителя. Такова разбивка плана Успенского собора с ее последствиями для объемно-пространственного и конструктивного решения, рустовка фасадов и позднеготические окна Грановитой палаты, ордерная система фасадов Архангельского собора. Все эти особенности не выводимы из местной архитектурной традиции и служили бы безусловным опознавательным знаком другой культуры при отсутствии летописных известий о мастерах-итальянцах, возводивших эти здания. Даже традиционные элементы под рукой

итальянского строителя получают особую стилистическую окраску и вызывают ассоциации с другой архитектурной традицией (порталы и аркатурный пояс Успенского собора). Со второго десятилетия XVI в. употребление итальянизмов утрачивает новизну и неожиданность, вырабатывается в своем роде стандартный набор приемов итальянского происхождения (среди них карнизный пояс под закомарами, крестовые своды, круглые окна, мотивы орнаментики), которые уже не могут рассматриваться (как это было прежде) в качестве безусловного свидетельства в пользу работы итальянского зодчего. Итальянизмы этого периода могут быть объяснены и как результат освоения иноземных форм русскими мастерами и как итог приспособления к местным условиям оставшихся на Руси итальянских зодчих. К тому же авторский замысел в процессе его воплощения получал вполне конкретную стилистическую корректировку со стороны непосредственных исполнителей, среди которых могли быть как русские, так и итальянцы. Так, при постройке Успенского собора под руководством Фиораванти работали русские мастера, а при возведении Архангельского собора в составе алевизовской артели явно преобладали итальянцы. В дальнейшем и среди мастеров-исполнителей доминирующее положение должны были занять местные мастера, усвоившие определенный набор итальянских технических и художественных приемов на той огромной строительной площадке, какой в кон. XV — нач. XVI вв. был Московский Кремль. Процесс освоения и практического использования новых форм мог начаться после первых итальянских архитектурных опытов на московской земле, хотя восприимчивость к ним со стороны разных групп местных строителей могла быть неодинаковой. К таким постройкам русских мастеров, испытывающих итальянское влияние, относится, по нашему мнению, и краснохолмский собор. В его архитектуре наметился тот путь переработки итальянских новшеств, который станет обычным для русских мастеров в XVI в., например, для ростовских строителей круга Григория Борисова. В краснохолмском храме, как и в постройках ростовских зодчих XVI в., итальянизмы присутствуют в редуцированном виде, утратив непосредственно итальянскую стилистическую окраску, а использованные новые формы представляют собой почти стандартный набор, известный по практике работ русских мастеров в XVI в. К тому же архитектурно-типологическая основа, на которую они наложены, вполне традиционна[35].

Показательны для местного архитектурного мышления не только план

и объемно-пространственная структура собора, но и такие с архаическим оттенком черты как неполное соответствие фасадных членений внутренней структуре здания, отсутствие лопаток в интерьере, вторая глава над дьяконником, килевидная форма архивольтов в порталах и сноповидные капители. Объяснить их появление в работе итальянского мастера много труднее, чем итальянизмы собора, если считать его строителем русского зодчего. Вполне традиционным для московского строительства является и сочетание белого камня в кладке стен и кирпича в верхних частях, близкого по размерам кирпичу других доитальянских построек Руси. Устойчивая повторяемость традиционно-местных строительных приемов и форм, на наш взгляд, в большей степени, чем используемые итальянизмы, свидетельствуют о национальной принадлежности строителя. Нанятые в службу великого князя мастера из Италии в кон. XV в. работали только в Москве. Это не удивительно, учитывая грандиозный размах работ в Кремле, которые постоянно требовали всё нового притока зодчих из Италии, о чем свидетельствует и последний большой вызов мастеров в нач. XVI в. (среди приехавших был и Алевиз Новый). Поэтому представляется маловероятным, чтобы на строительство каменного храма в малоизвестный, далекий от Москвы монастырь был направлен зодчий-итальянец, столь необходимый в этот период в столице. Итак, имеющиеся в архитектуре собора итальянизмы не дают, на наш взгляд, достаточных оснований для безусловного отнесения постройки к творчеству одного из итальянских мастеров. Впрочем, русское происхождение зодчего, хотя и представляется нам более доказательным, также может рассматриваться как вариант ответа на поставленный вопрос. Среди других групп строителей, активно работавших на Руси в кон. XV в., следует выделить псковичей, известных своими постройками в Москве, и ростовчан, строивших в Белозерском крае. Возведенные ими храмы хорошо изучены и потому нет необходимости специально доказывать их принадлежность совсем другим направлениям древнерусского зодчества, нежели краснохолмский храм. Технические и стилистические особенности Никольского собора позволяют искать построивших его мастеров в русле московской традиции. Как показал В.П. Выголов, в 50-е — 70-е гг. в Москве велось значительное по объему каменное строительство. Можно с уверенностью утверждать, что неудача Кривцова и Мышкина при возведении Успенского собора, а также наплыв итальянских зодчих в Москву способствовали оттеснению местных мастеров на второй план и частичному, по крайней мере, устранению их от строительства в столице. Часть из них могла

найти работу в удельных княжествах и периферийных монастырях. Нет ничего необычного в том, что традиционный опыт каменного дела именно в работах московских мастеров более всего корректировался итальянским влиянием. В этот период довольно активно строили братья Ивана III Андрей Углицкий и Борис Волоцкий. Постройки первого убедительно связываются с творчеством мастеров ростовского круга[36].

Ближе краснохолмскому храму в техническом и стилистическом отношениях Воскресенский собор в Волоколамске, выстроенный по заказу Бориса Васильевича в 80 – 90-е гг.[37].

В середине 80-х годов началось каменное строительство в соседнем Иосифо-Волоколамском монастыре. Характерно, что смерть Бориса Волоцкого, наступившая в 1494 г., совпадает с датой закладки в Краснохолмском монастыре каменной трапезной с церковью Дмитрия Солунского[38].

Таким образом, вероятнее всего, что одной из периферийных линий московской ориентации и обязаны своим происхождением архитектурные особенности Никольского собора в Красном Холме.

Примечания

1. Анатолий. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. С. 3.
2. Там же.
3. Там же. С. 5.
4. Там же. С. 33.
5. Анатолий. Историческое описание. С. 6—9.
6. Там же. С. 8—9; Выголов В.П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (посл. четверть XV в.) Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.,1991. С. 11.
7. Анатолий. Историческое описание. С. 18.
8. Там же. С. 20.
9. Там же.
10. Там же. С. 19.
11. Там же. С. 14.
12. Там же. С. 19.
13. Там же. С. 14.
14. Там же. С. 7.
15. Там же. С. 6.
16. Там же. С. 19.

17. Там же.

18. Там же. С. 21.

19. Там же. С. 19.

20. Выголов В.П. Никольский собор. С. 22, 25—26.

21. Там же. С. 6.

22. Исследование памятника велось «Тверьпроектреставрацией» совместно с архитектурно-археологической экспедицией кафедры С.-Петербургского университета. Обмеры выполнены сотрудниками ПСБ «Тверьпроектреставрация» Кондаковой Е.В., Прусевичем Е.В., Токмановым О.Н. и ст. науч. сотр. Тверского университета Малыгиным П.Д.

23. Анатолий. Историческое описание. С. 33.

24. «Да в Благовещенье книг в верху на полатех ветхих 35 книг» (Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 54.)

25. Анатолий. Историческое описание. С. 6.

26. Там же. С. 7.

27. Там же. С. 24, 35; Жизневский А.К. Древний архив. С. 47.

28. Анатолий. Историческое описание. С. 19.

29. Там же.

30. Там же. С. 20, прим. 1.

31. Советское искусствознание. М., 1985. Вып. 19. С. 399.

32. Выголов В.П. Никольский собор. С. 22—26.

33. Мельник А.Т. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. М., 1991. С. 131—132.

34. Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М. 1980. С. 131.

35. Выголов В.П. Никольский собор. С. 20.

36. Там же. С. 22.

37. Ильин М.А. Подмосковье. М., 1974. С. 232—233; Машков И. Воскресенский собор в Волоколамске // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 296—310; Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1. С. 23—24.

38. Анатолий. Историческое описание. С. 5.

Выголов
Всеволод Петрович
Доктор искусствоведения,
научный сотрудник
Государственного института
искусствознания

Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.)

В русской архитектуре XV в. 70—90-е гг. проходят под знаком бурного развития московского зодчества, которое в это время не только играет ведущую роль, но и превращается из сугубо регионального в общерусское. Этот процесс тесно связан с общим развитием Московского княжества, стоящего во главе объединения русских земель, которые в указанное время превращаются в единое централизованное Русское государство. В этих условиях великий князь Иван III предпринимает коренную перестройку своей резиденции — Московского Кремля, уже не отвечавшей его новому положению как государя всея Руси. Кремлевское строительство, развернувшееся в исключительно широких масштабах в последней четверти XV в., сосредоточило вокруг себя основные архитектурно-строительные кадры Руси, привлекаемые из разных земель. Более того, в нем приняли самое активное участие иностранные, «фряжские» зодчие, выписанные специально по распоряжению Ивана III из Италии, наиболее передовой тогда в архитектурно-строительном деле страны Западной Европы. На этом фоне гораздо скромнее выглядело строительство, которое велось в других землях Московской Руси в тот период. Здесь необходимо

назвать, прежде всего, такие удельные центры, как Волоколамск, Углич, Можайск, Боровск и Серпухов, а также северные земли, охваченные монастырской колонизацией. И если московская архитектура уже давно стала предметом тщательного изучения, то памятники периферийных центров лишь в последнее время начинают привлекать к себе внимание исследователей[1]. В этом отношении сделаны еще только первые шаги, причем ряд сооружений остается, по сути дела, не только не исследованными и не введенными в научный обиход, но и почти совсем неизвестными. Одной из таких малоизвестных построек, до сих пор практически остававшейся вне поля зрения ученых, является Никольский собор Антониева Николаевского Краснохолмского монастыря[2]. Построенный в 80—90-е гг. XV в., он представляет собой очень интересное для своей эпохи сооружение. Находится собор на окраине небольшого города Красный Холм, районного центра на востоке Тверской области. К настоящему времени здание сохранилось в сильно руинированном виде, однако имеются данные, как документальные, так и иллюстративно-графического характера[3], которые позволяют достаточно точно воссоздать его архитектурный облик и провести анализ его художественно-стилистических форм. Тем более что собор, как мы убедимся далее, исключительно своеобразен и при этом дает возможность гораздо глубже проникнуть в процесс развития русской архитектуры последней трети XV в., особенно в удельных центрах Московского государства. Итак, прежде всего, необходимо ответить на вопросы, когда, где и в связи с чем был построен этот памятник. Ответ на них в основном содержится в хранившейся в Антониеве монастыре рукописи, которая имела следующее название: «Летописец о зачатии Бежецкаго Верху Николаевскаго монастыря и о строении церквей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей и бояр и прочих благодетелей». Писанная полууставом на 9 листах рукопись явно относилась к концу XVI в., о чем свидетельствуют изложенные в ее тексте события, доведенные именно до указанного времени. Правда, известна летопись в копии. До 1778 г. подлинник находился в монастырском архиве, а 21 декабря был отослан в Тверскую консисторию, где к концу XIX в. его не оказалось. По оставшейся в монастыре копии летопись и была дважды издана[4].

Согласно летописи, монастырь был основан в 1461 г. при Василии Темном неким выходцем из Белозерья старцем Антонием, иноком и пустынножителем одного из тамошних монастырей. Придя в град Городец (так именует летопись местный центр Бежецк, в

действительности называвшийся тогда Бежецкий Верх), Антоний испросил разрешения у владельца окружающих земель, боярина А.В. Нелединского-Мелецкого, создать в его вотчинах часовню «для пропитания» и келью «для упокоения». Согласие было дано, и на берегу речки Нелединьі, при впадении ее в р. Могочу, возникла маленькая пустынька. Основание пустыни, как и дальнейшая ее история, очень характерны для возникновения большинства монастырей на Руси в XIV—XVI вв., в эпоху широкой монастырской колонизации северных земель[5]. Уединение Антония продолжалось недолго. К старцу стали стекаться различные люди, привлеченные его святостью. В результате вскоре здесь по инициативе Антония создается деревянный храм Николы и возникает монастырь, обнесенный деревянной оградой. Основанный монастырь пользовался благосклонностью и щедротами не только покровителей Антония, семьи Нелединских-Мелецких, но и самого угличского князя Андрея Большого, брата Ивана III, который получил Бежецкий Верх в числе прочих земель в удел в 1462 г., после смерти Василия Темного. Об этом прямо говорит приобретение монастырем в качестве вклада от князя после его кончины в 1493 г. ряда крупных земельных пожертвований[6]. Наличие значительных средств позволило Антонию приступить к сооружению в монастыре каменного соборного храма во имя Николы. Здание было заложено в 1481 г., однако старец не дождался окончания работ. В 1482 г. он умер, а строительство продолжил избранный из числа братии его преемником Герман. Стараниями Германа строительство собора было закончено, причем здание было украшено многими иконами, обильно снабжено книгами и богатой утварью, после чего освящено. В летописи, вообще довольно скудной на подробности и детали, не приведено ни даты окончания строительства собора, ни его освящения. Опираясь на то, что это произошло при Германе, можно считать крайней границей создания памятника время окончания его настоятельства, т. е. 1493 г. Вероятнее всего, здание было сооружено в 80-е гг. XV в. или даже в первой половине 80-х гг. Четырех-пяти лет было вполне достаточно для его постройки, исходя из строительной практики тех лет[7].

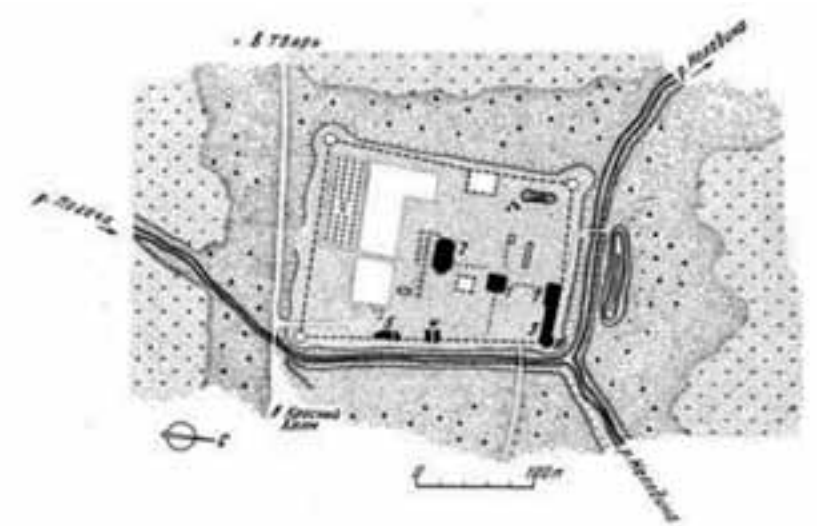
Сам монастырь при Германе явно процветал. Недаром этот настоятель получает от новгородского владыки, в подчинении которого находилась тогда обитель и вся округа, титул игумена вместо прежнего «строителя». Свое благосостояние монастырь сохраняет и в течение конца XV и всего XVI в., о чем велеречиво сообщает летопись: «И многие великие князи и бояре от имения своего в тот Антонов монас-

тырь деньги и всякую церковную утварь непрестанно даваху и вотчины своя в предбудущия лета, ради наследия вечных благ и вечнаго поминовения родителей своих, на пропитание игумена и братии в тот Антонов монастырь отдаваху и благодатию всесильнаго, в Троице славимаго Бога, и молитвами Пречистыя Его Матери и угодника их, великаго в иерархах Чудотворца Николая, та святая обитель вельми распространяшеся»[8]. Действительно, вскоре после возведения собора в монастыре было начато сооружение еще одного здания — трапезной палаты с церковью Дмитрия Солунского[9]. «Лета 7002 года (т. е. в 1494 г.— В.В.) нача в том... монастыре в преславное украшение той всечестной обители созидатися церковь каменная с трапезною... и со иными палаты, во употребление монастырских ради служб». Исходя из замечания в тексте, что здание «совершися не по мнозех летех», можно считать его полностью возведенным к концу 1490-х гг. Наличие в монастыре к концу XV в. двух каменных зданий — собора и трапезной палаты с теплой церковью — ставит его в один ряд с наиболее крупными и известными московскими обителями тех лет. Не многие из них могли в то время «похвастать» несколькими каменными зданиями. Лишь такие крупнейшие монастыри, как Троице-Сергиев, Чудов и Симонов, имели тогда кроме собора еще и каменную палату для трапез с храмом при ней. Последующее монументальное строительство в Антониеве монастыре относится к гораздо более позднему времени — к концу XVI и XVII вв. Другие строения его, известные по целому ряду сохранившихся монастырских описей XVI–XVII вв., в интересующий нас период оставались деревянными. Мы не будем их перечислять, так как рассмотрение истории сложения монастырского ансамбля не входит в нашу задачу. Укажем лишь на те изменения и перестройки, которые касались зданий XV в. — собора и трапезной. Трапезная палата с церковью Дмитрия Солунского, видимо, уже к концу XVI в. обветшала и была разобрана. Вместо нее грамотой царя Федора Иоанновича было разрешено строить новое здание трапезной с церковью Покрова и приделом Дмитрия при ней. К приготовлению материалов для этого здания приступили в 1587 г., когда начали ломку на Могоче белого камня для фундаментов и извести. А около 1592 г. вся постройка была уже полностью завершена[10].

Собору посчастливилось гораздо больше. Несмотря на отдельные переделки и достройки, он сохранялся в сравнительно хорошем состоянии вплоть до 1930-х гг. В эти годы здание сильно пострадало,

Общий вид Антониева Краснохолмского монастыря с собором, кельями, трапезной и церковью Вознесения

лишившись всех сводов с главой, апсид алтаря и столбов внутри. К настоящему времени от него остались только три стены — северная, западная, южная – почти на всю свою высоту. От завершающих их закомар сохранились нижние части примерно на половину-треть прежней своей высоты. А от апсид остались лишь небольшие фрагменты северной и южной стен, примыкающих к соответствующим стенам храма.



Антониев Краснохолмский монастырь. План

1 – Никольский собор. 1480-е годы;

2 – церковь Покрова (трапезная). 1590—1594 гг.;

3 – братские кельи. 1685 г.;

4 – церковь Вознесения. 1690 г.;

5 – братский малый корпус над проездными воротами. 1690 — 1697 гг.;

6 – северо-восточная башня. 1697 г.;

7 – настоятельские кельи. 1748 г.

Для того, чтобы правильно представить первоначальный облик собора, охарактеризуем вкратце те изменения, которые были внесены в его архитектуру в течение всего существования здания вплоть до его частичного разрушения в 1930-е гг. Древнейшие монастырские описи XVI в.[11] хранят молчание о каких-либо перестройках собора, которые, как показывают документы, активно предпринимаются лишь с XVII в. Сопоставление этих описей с монастырской летописью, которая также охватывает весь XVI в. и ни словом не упоминает о каких-либо работах по собору, дает основание считать, что в указанном столетии здание не подвергалось существенным изменениям. Известно лишь по описи 1585 г., что в собор были пожертвованы резные Царские врата для иконостаса архимандритом новгородского Юрьева монастыря Варфоломеем (1558—1564), который перед этим был игуменом

Краснохолмского Антониева монастыря[12]. Всевозможные переделки начинаются с 1606 г., когда была устроена новая тесовая кровля собора, а его главы обиты белым немецким железом, купленным в Вологде[13]. После пожара 1634 г. в течение двух лет собор был вновь покрыт тесом, сделаны новые «деревянные главы», обитые белой жестью, а большой крест вызолочен. В середине XVII в. с западной и частично южной сторон пристроена паперть, впервые упомянутая в описи 1663 г., а в 1690 г. в ее угловой части сооружен небольшой придельный храм Всех Святых. К этому времени интерьер собора был украшен стенописями, выполненными в 1683 г. на средства стольника Я.В. Нелединского-Мелецкого. В 1685 г. в связи с сооружением в монастыре каменных казенных палат с больничными кельями и церковью Благовещения при них одноименный придел в соборе упразднили. В 1693 г. в соборе создан «иждивением» П.И. Нелединской, жены вышеупомянутого стольника, новый пятиярусный иконостас[14].

Различные переделки собора продолжались и в XVIII—XIX вв. В 1751 г. устроен новый, чугунный пол, замененный позднее, в 1858 г., на деревянный. В 1754 г. с северной стороны собора сооружена паперть; в 1763 г. на храме вместе с алтарем впервые сделана железная кровля по железным стропилам, а деревянную главу на барабане заменили железной. В 1799 г. расширены оконные проемы, один — в средней апсиде алтаря и другой — в северной стене. Около 1814 г. разобрана паперть с южной стороны[15]. Остальные переделки в XIX в. были незначительными. В таком виде собор существовал до 1930-х гг., когда в результате варварского разрушения значительной части здания все примыкавшие к нему паперти с притворами, а также придел Всех Святых оказались также полностью разобранными[16].

Итак, время все-таки пощадило этот древний и довольно редкий памятник, кстати говоря, явно нуждающийся в скорейшем восстановлении. Архитектура его отнюдь не заурядна и, как мы уже указывали, представляет собой исключительно интересный образец русского зодчества последней четверти XV в. Несмотря на свое нынешнее местоположение в пределах Тверской области (бывшая Тверская губерния), собор, тем не менее, не имеет никакого отношения к тверской архитектуре, а является произведением московского зодчества. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что Бежецкий Верх в XV в. принадлежал к землям Московского княжества, обязательно упоминаясь в духовных великих князей[17]. Полностью подтверждает это и сам характер

архитектурных форм собора, к описанию и анализу которых мы и переходим. Прежде всего, обращает на себя внимание строительный материал, из которого сооружен собор. Построен он в технике смешанной кладки: стены сложены из белого камня, а своды — из кирпича. Белокаменные блоки прямоугольной формы образуют две параллельные стенки, не перевязанные между собой; пространство между ними заполнено обломками камня, щебнем и залито известью. Эта так называемая полубутовая кладка хорошо видна в местах разрушения стен — фрагментах алтарных апсид. Сохранившиеся же остатки сводов, а также фрагменты пят арок на внутренней стороне стен свидетельствуют о кирпичной кладке этих частей здания. Из кирпича был возведен также барабан главы, что хорошо заметно на ряде старых фотографий.

Такая строительная техника была свойственна целому ряду московских построек второй половины XV—начала XVI в. Она встречается в самых различных памятниках, среди которых такие крупнейшие сооружения, как Успенский собор Московского Кремля (1475—1479), и одновременно небольшие здания, как, например, церковь Трифона в Напрудном (начало XVI в.). В смешанной технике возводились постройки и в подмосковных резиденциях великих князей (Покровский собор Александровской слободы 1512 г.), и в удельных центрах (Воскресенский собор в Волоколамске 80—90-х гг. XV в.). Летописи сообщают, что из белого камня и кирпича были сооружены еще ранее, в 50—70-х гг. XV в., церковь Воздвижения Креста (1450), собор Вознесенского монастыря (1467) палаты Геронтия на митрополичьем дворе (1473—1474) в Кремле и трапезная палата в Троице-Сергиеве монастыре (1469)[18].

Московская архитектура, как известно, в середине XV в. отказывается от прежней, белокаменной техники возведения зданий, типичной для раннемосковского зодчества, заменяя ее новой, кирпичной. Этот переход к кирпичному строительству, однако, не был столь быстрым и резким; он значительно затянулся, захватив всю третью четверть века. В это время и появляются здания, в которых белый камень нередко сочетается с кирпичом[19]. С другой стороны, применение белого камня с кирпичом в постройках последней четверти XV—начала XVI в., особенно возводимых приезжими зодчими – «фрязинами», уже нельзя обусловливать просто возвращением к московской традиции. Оно скорее зависит от каких-либо особых условий строительства, как это можно заключить по кремлевскому Успенскому собору. Поэтому сама по себе смешанная техника кладки

зданий указанного периода еще ни о чем не говорит, а нуждается в дополнительном изучении других сторон их архитектуры, чтобы конкретно решить вопрос о причинах ее появления. Очевидно, именно так обстоит дело и в отношении Никольского собора, строительная техника которого может свидетельствовать только в пользу указанной в описи его датировки. Белокаменные блоки собора имеют прямоугольную форму и различные размеры. Кладка их порядовая, с обращенными на лицевую сторону «ложками». Внизу стен использованы по преимуществу более крупные камни, а выше они становятся значительно меньше. Сами стены снаружи первоначально не имели ни обмазки, ни штукатурки. Поэтому уменьшение размеров камня зрительно создавало впечатление облегчения стены кверху, придавая «основанию» всей постройки большую прочность и незыблемость. Такой прием, между прочим, неоднократно использовался в раннемосковских храмах рубежа XIV—XV вв. Важной конструктивно-технической особенностью собора является форма использованных в нем связей. Разрушения восточной стены сделали хорошо заметными пустые каналы внутри кладки южной и северной стен здания. Эти каналы — явные остатки прежде находившихся, затем сгнивших деревянных связей. Они имели форму брусьев, которые проходили внутри стен в двух уровнях: один — по линии подоконников основных оконных проемов западной и южной стен, а другой — по линии верха внутренних откосов северного оконного проема, ниже наружного карниза на два ряда кладки. Эти последние хорошо видны и по каналам, которые находятся в оставшихся частях малых подпружных арок на внутренней поверхности стен. Деревянные связи подобного типа широко использовались в русской архитектуре с древнейших времен. Применялись они и в большинстве построек второй половины XV—начала XVI в. Правда, в эту эпоху появляются железные кованые связи, впервые введенные Аристотелем Фиораванти в конструкции кремлевского Успенского собора (1475— 1479)[20]. Но они далеко не сразу находят повсеместное распространение, завоевав широкое признание в практике русских зодчих только со второй половины XVI в. Да и в сооружениях, выполненных приезжими «фрязинами» на московской почве, не всегда использовались железные связи. Переходя к рассмотрению общих типологических особенностей собора Антониева монастыря, прежде всего, отметим, что по своему архитектурному типу он представляет собой крестовокупольный храм, четырехстолпный и трехапсидный, без

подклета и с одной световой главой. Его основной объем — крупный, но сравнительно невысокий четверик, в плане близкий к квадрату. Общая длина здания без апсид (по внешнему контуру) – 16,43 м, ширина — 16,20 м, высота до закомар — 9,60 м. Поставленный прямо на землю, с массивными стенами, толщина которых достигала 1,72 м, собор производил впечатление несколько грузного и приземистого здания, исполненного в то же самое время какой-то особой внутренней собранности, мощи и силы. Большие полукруглые апсиды примыкали с востока к четверику, равняясь по высоте почти 3/4 его объема. Мощный цилиндрический барабан с узкими щелевидными проемами и большой луковичной главной венчал здание. Подобный тип храма был самым распространенным в московском зодчестве XIV—XV вв. Да и в строительстве ближайшей собору Антониева монастыря эпохи — второй половины XV—начала XVI в.— такие культовые здания составляли большинство. Достаточно назвать Благовещенский собор и церковь Ризоположения в Московском Кремле, соборы в Волоколамске и Угличе или в северных монастырях — Спасо-Каменном и Ферапонтове. Правда, обычно эти храмы были водружены на подклет или высокое подцерковье, которое отсутствовало у нашего собора. Но это отнюдь не делало его уникальным, подклетов не имел целый ряд построек рассматриваемой эпохи, в том числе соборы монастырей Кирилло-Белозерского, Покровского Паисиева в Угличе и Рождественского в Москве и Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры. Истоки подобных решений ведут нас к памятникам раннемосковского зодчества, для которых отсутствие подклета было одной из характерных черт. Любопытно, что и другая особенность архитектурной композиции собора — сравнительно высокие апсиды, по-видимому, также восходит к архитектуре рубежа XIV—XV вв. Трактованные достаточно массивно и мощно, с более крупной по традиции средней апсидой, сильнее выступающей на восток своим полукружием, они все были одинаковой высоты, почти достигая своими кровлями верха четверика. Более позднее односкатное покрытие XIX в., которое существовало у собора до 1930-х гг., нивелировало прежние, первоначально посводные кровли апсид, приблизительно сохранив, однако, их общую высоту. Гораздо более низкие апсиды большинства культовых построек Москвы второй половины XV—начала XVI в. обычно не поднимались на высоту более 3/4 основного четверика, в то время как в раннемосковских храмах они, как правило, были более 4/5. Лишь такие памятники, как Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры и Благовещенский собор Кремля, оказываются близкими в указанном отношении Антониев-

скому собору. Но высота их апсид скорее обусловлена общей стройностью объемно-композиционного построения этих зданий, нежели следованием прежней раннемосковской традиции. Что же касается первоначальной формы завершения четверика собора, то судить о нем довольно сложно из-за разрушения столбов со сводами и главы. Тем более что храм в XVIII—XIX вв. имел уже новое, четырехскатное покрытие, которое запечатлели и фотографии 1910—1920 гг. Пока же остановимся на вопросе о первоначальных главах собора. Древнейшие описи монастыря 1575 и 1585 гг. зафиксировали существование у собора не одной, а двух глав, основной и малой, дополнительной. На это двуглавие указывают и все описи XVII в. Лишь начиная с 1763 г. в описях говорится об одной большой, венчающей здание главе [21], которая так и существовала у собора вплоть до разрушения его верха в 1930-е гг. Отсутствие сведений о перестройках собора в XVI в. заставляет считать малую главу изначальной. Это предположение подкрепляется обращением к другим памятникам московской архитектуры рассматриваемой эпохи. Аналогичное двуглавие с основной, более крупной главой и малой, дополнительной, мы находим в таких храмах второй половины XV в., как соборы Спасо-Каменного (1481) и Ферапонтова (1490) монастырей[22]. А в XVI в. такое венчание в архитектуре Кирилло-Белозерского монастыря превращается в своеобразную традицию, украшая большинство выстроенных здесь храмов: Архангела Гавриила (1531—1534), Иоанна Предтечи (1531—1534), Сергия Радонежского (1560) и Иоанна Лествичника (1572), а также Воскресенский собор Горицкого монастыря (1544)[23].

При этом вторая, малая глава имела у всех вышеназванных памятников вполне определенное и одинаковое местоположение. Она была поставлена над юго-восточным углом основного четверика, что было явно связано с размещением в этом месте внутри храма придела, который кроме соответствующей угловой ячейки интерьера занимал также южную апсиду. Иначе говоря, малая глава выступала своего рода венчанием именно придела, снаружи здания, выявляя его существование[24].

Исходя из всего вышесказанного, можно с полным правом говорить о первоначальном двуглавии собора Антониева монастыря. Ведь существование при нем придела Благовещения отмечено в монастырской летописи с самого начала строительства здания в 1481 г.[25].

Располагался же он, согласно древним записям, в южной апсиде[26], следовательно, малая глава собора возвышалась над ним, венчая юго-

западный угол здания аналогично остальным храмам. Если попытаться найти истоки этого двуглавия, то они опять-таки приведут нас на почву ранней Москвы. В московском зодчестве XIV—первой четверти XV в. такие «внутренние» приделы известны по целому ряду храмов (соборы Спаса на Бору 1330 г. и Чудова монастыря 1365 г., а также церковь Рождества Богородицы 1393 г. в Кремле), причем в большинстве случаев они были внешне отмечены дополнительными, малыми главами[27].

Натурные данные, а также история существования собора, зафиксированная в указанных ранее документах, свидетельствуют о том, что первоначально здание не имело никаких пониженных пристроек типа папертей, притворов и приделов[28]. Все фасады его членятся по традиции лопатками на три прясла, завершенные полуциркульными закомарами. Нижняя часть стен была несколько шире, образуя небольшой цоколь с эффектным профилированным поясом в завершении, на который и опирались лопатки. Цоколь состоит из двух валиков (большого и малого) с полочками и скоцией между ними. В настоящее время он виден лишь частично, так как почти везде скрыт слоем земли и строительного мусора. Такая система фасадных членений была характерна для московского зодчества того времени: она выступала своеобразным выражением вовне внутренней структуры храма с четырьмя столбами и перекрывающими ячейки интерьера сводами. Индивидуальный характер носила сама трактовка лопаток, отличающихся незначительной шириной, особенно сравнительно с мощными пряслами, которые, кроме того, имели различную ширину на фасадах. Так, размеры прясел на западном фасаде были 4—5—4 м, а на северном и южном, начиная с востока, 3,75—5—4,5 м. Узкие лопатки шириной всего 80—85 см еще более увеличивали размеры прясел, лишь слегка выступая над их поверхностью (вынос всего 3 см). Из-за слабой рельефности они лишь ритмически организовывали массив четверика, отнюдь не внося в него пронизывающего динамического движения по вертикали. В связи с этим здание выглядело, подчеркнуто статичным, величественно весомым, особенно прочно стоящим на земле. Столь узкие лопатки мы находим в раннемосковском зодчестве — в соборе Троице-Сергиевой лавры. Но там они расширяются кверху, что вместе с легким наклоном всех стен внутрь объема усиливает его перспективное сужение вверх, увеличивая тем самым иллюзорно размеры храма. Здесь лопатки равноширокие по всей своей высоте и своим равномерным ритмом как бы закрепляют незыблемую монументальность стен собора. Из современников собора узкие лопатки имеют два северных монастырских собора — Ферапонтов и Кирилло-

Белозерский, относящиеся также к последней трети XV в. Особенно показателен последний памятник, также отличающийся большими размерами, массивностью и грузностью форм, отчего его лопатки казались особенно хрупкими. Наиболее интересен в фасадных членениях собора Антониева монастыря, безусловно, карнизный пояс, который отделяет закомары от поля прясел. Проходя по верху прясел, он захватывает также и сами лопатки, будучи раскрепованным на них и поэтому играя роль их своеобразных венчающих капителей. Состоит карниз из двух полок со «смягченным» четвертным валом между ними и нависающего над ним гуська с еще одной полкой. Все эти профили вытесаны в одном блоке белого камня, по высоте равного двум блокам стеновой кладки собора; длина отдельных блоков карниза не одинакова, но во многом близка кладке стен. Это, пожалуй, один из самых ранних известных нам примеров подобных карнизных поясов в московском зодчестве второй половины XV в. Такие пояса становятся характерными для памятников Москвы лишь с начала XVI в., в основном утвердившись в строительной практике под влиянием итальянских зодчих. Огромное воздействие на появление подобных карнизов под закомарами оказало сооружение Архангельского собора Московского Кремля в 1505—1508 гг.

Из более ранних памятников с аналогичными деталями можно назвать собор Рождественского монастыря в Москве (между 1501 и 1505 гг.) и церкви Трифона в Напрудном и Рождества в Юркине (рубеж XV—XVI вв.). Правда, датировка этих храмов не особенно точна, и по своему типу они не тождественны собору Антониева монастыря: первый из них — со ступенчато пониженными угловыми частями, а два других — бесстолпные, с крещатыми сводами. Но это не меняет существа дела, ибо карнизные пояса во всех случаях завершают основной объем, отделяя его венчающую часть и показывая тем самым декоративность ее трактовки. Отсюда начинается прямой путь к замене закомар кокошниками, никак не отвечающими системе перекрывающих интерьер сводов. В этом отношении своего рода предтечей карнизных поясов в системе фасадного убранства второй половины XV в. можно рассматривать керамические пояса, поднятые у ряда храмов на тот же уровень, к пятам закомар. Таковы соборы северных монастырей Спасо-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского[29].

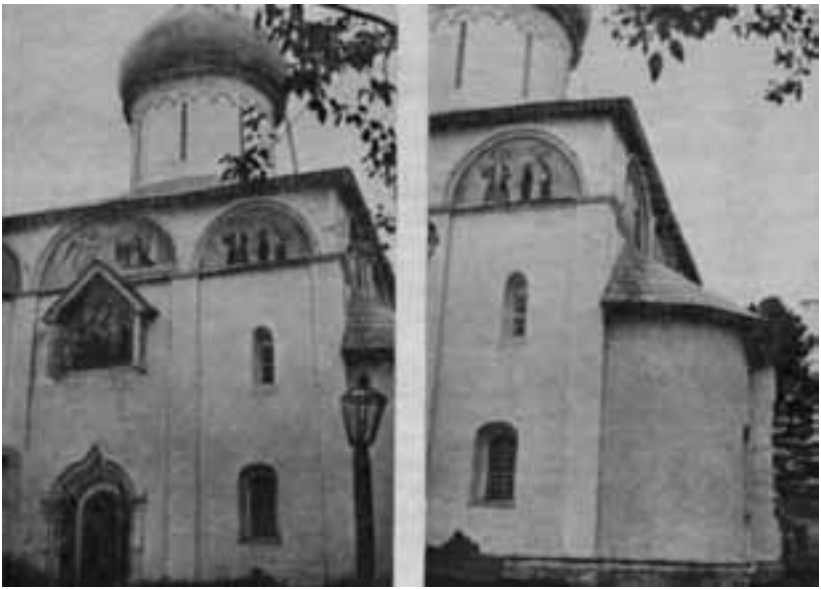
Однако карниз четверика собора Антониева монастыря, безусловно, может считаться для московской архитектуры того времени своего рода новшеством. Более ранние примеры применения подобных

карнизов пока неизвестны. Не меньшей оригинальностью для своего времени являлись также большие полуциркульные закомары, венчавшие прясла стен собора над карнизом. Поставленные по три с каждой стороны, они зрительно создавали более органичный и плавный переход от четверика к завершающей мощной главе собора. Соответственно размерам прясел средние закомары имели большие размеры и слегка возвышались над боковыми, особенно над меньшими восточными на боковых фасадах. Их крупные поверхности, заключенные в выразительные по рисунку обрамления-архивольты, по площади несколько раз превышали половину круга, усиливая монументальность звучания архитектуры собора. Поле закомар находилось в одной плоскости с поверхностью прясел стен, отделенное от нее легким карнизом. Над ним выступали профилированные дуги архивольтов красивого упругого рисунка, близкого по профилировке карнизу. Их основные обломы — четвертной вал и гусек — были явно укрупнены, а верхняя полка уширена. Опирались архивольты своими пятами на выступы лопаток с карнизными раскреповками. Между пятами, в ендовах кровли, видимо, прежде размещались водометы, не сохранившиеся из-за частых ее ремонтов. Именно полуциркульная форма закомар и придавала своеобразие завершению собора, отличавшегося тем самым от других традиционных венчаний памятников московского зодчества указанной эпохи. Хорошо известно, что в раннемосковской культовой архитектуре использовались закомары исключительно килевидного профиля, которые впоследствии были унаследованы и храмовыми зданиями Москвы второй половины XV в. Из московских построек этого времени лишь Успенский собор в Кремле имел полуциркульные закомары, форма которых, очевидно, была продиктована соответствующими деталями избранного образца – Успенского собора во Владимире. Да и в начале XVI в. подобные закомары применялись в зодчестве столицы лишь в отдельных постройках (собор Чудова монастыря 1501—1503 гг., Архангельский собор Кремля 1505—1508 гг., Покровский собор Александровской слободы 1513 г. и др.).

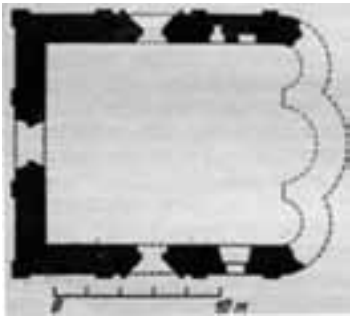
Достаточно своеобразно были трактованы у собора Антониева монастыря и разделяющие апсиды колонки. Они хорошо видны на одной из фотографий здания с восточной стороны до его разрушения. По сути дела, это не колонки, а столбики прямоугольного сечения, которые поставлены на раскреповки цокольного пояса, переходящего с четверика на апсиды. Они заменили здесь более привычные

полуколонки, традиционные для раннемосковских памятников и очень часто используемые затем во второй половине XV и начале XVI в. Подобные замены мы встречаем иногда и в начале XVI в., как это демонстрируют апсиды церкви Рождества в Старом Симонове 1509 г. К сожалению, утрата апсид не дает возможности судить об их завершающей части. Использовался ли здесь аналогичный четверику карниз или какой-либо иной профилированный пояс, раскрепованный над столбиками, сказать нельзя. Первое кажется предпочтительнее, принимая во внимание тот факт, что у большинства храмов XVI в., имеющих под закомарами карниз, он обычно повторяется и на апсидах.

В структуре фасадов собора важное значение принадлежит оконным и дверным проемам и их размещению. Как обычно, здание имеет три входных проема, расположенных традиционно в центре средних прясел трех фасадов — северного, западного и южного. Все они имеют форму широких проемов с пологими арочными перемычками, изнутри помещенных в крупные арочные ниши, а снаружи заключенных в нарядные белокаменные обрамления типа перспективных порталов.



Никольский собор
Вид с юга и юго-востока. Фото нач. XX века.
Из фондов ЛОИА и ГНИМА им.А.В. Щусева



Никольский собор. План

Западный портал не сохранился; он был утрачен, вероятно, при сооружении или перестройке примыкавшей к этому фасаду паперти. Порталы имеют типичную для московской архитектуры форму: чередование полуколонок, украшенных дыньками, и прямоугольных уступов, увенчанных так называемыми сноповидными капителями, на которые опираются килевидные архивольты соответствующего профиля. Такие порталы часто встречаются в памятниках Московской Руси второй половины XV и начала XVI в. как в самой столице, так и на ее периферии (Волоколамск, Дмитров, Коломна, северные монастыри). Свое происхождение они ведут от раннемосковского зодчества, где они представляют собой одну из характернейших деталей культовых построек (Звенигородские соборы, Можайские церкви, соборы Троице-Сергиева и Андроникова монастырей, церковь Рождества в Кремле). Порталы собора Антониева монастыря не одинаковы и различаются в первую очередь количеством обрамляющих профилей. Северный более скромен и состоит из двух полуколонок и двух уступов, а более нарядный южный — из трех полуколонок и двух уступов. «Наружные» полуколонки и их архивольты выступают над поверхностью фасадов, в то время как все остальные профили утоплены в глубь стен, имея еще один уступ непосредственно возле самого проема. Дыньки полуколонок разделены на «дольки» и фланкированы сверху и снизу двумя разнонаправленными «веревочками». Такие же «веревочки» охватывают посредине и сноповидные капители, различные у северного и южного порталов. В первом случае они образованы «ложчатыми» выемками, а во втором — бороздками с круглыми ямками на концах. Сноповидные капители — типичная деталь московского зодчества второй половины XV—начала XVI в. Они украшают порталы многих построек этого времени, в том числе соборов в Волоколамске, Киржаче и Дмитрове, в Кирилло-Белозерском и Чудовом монастырях, Благовещенского собора и церкви Ризоположения в Кремле, церкви в Старом Симонове. Однако во всех этих памятниках капители принадлежат к ложчатому типу и служат непосредственной опорой пят архивольтов. В соборе Антониева монастыря на капителях лежит

Никольский собор. Вид с юго-запада

Никольский собор. Вид с юго-востока

еще карниз, аналогичный по профилю карнизному поясу четверика. Он является своего рода импостом для каждой из капителей, и уже прямо на него опираются архивольты. Эта индивидуальная особенность порталов собора имеет много точек соприкосновения с раннемосковскими порталами, капители которых обычно также обладали импостами, но отнюдь не «карнизного», как в данном случае, характера.

Порталы были самой нарядной деталью во внешнем убранстве собора. С их подчеркнутой пышностью контрастируют ничем не украшенные оконные проемы, которые своими четкими, строго конструктивными формами великолепно соответствуют общей лаконичности архитектуры здания. Общее число окон было невелико — всего десять, причем четыре – на апсидах, а шесть – на основном четверике. Каждая из апсид имела по одному большому арочному проему в центре полукружия, а южная — еще и меньшее окно в верхней части, над нижним. Все эти проемы (за исключением малого), видимо, были расширены в позднейшее время; особенно сильно пострадал проем средней апсиды, который еще в 1799 г. для лучшего освещения храма приобрел прямоугольную форму. Окна четверика, напротив, сохранили свои прежние формы больших арочных проемов с полуциркульным верхом. Они помещены в крупные ниши с сильными откосами как изнутри, так и снаружи стен. В самих проемах существуют еще старые решетки из толстых прямых прутьев кованого железа, круглых в сечении, образующих при пересечении квадраты. Размещались эти окна в основном в верхней половине стен, составляя «второй свет». При этом каждый из фасадов имел свое особое расположение проемов. Так, на северном фасаде было лишь одно окно в среднем прясле, на западном — два в крайних, а на южном — одно в западном и два — в восточном. Последние были гораздо меньше по размерам и размещались в два яруса, одно над другим. Такое увеличение числа окон в этом восточном прясле, так же как и в южной апсиде, явно связано с размещением здесь придела Благовещения, который внутри имел, кроме того, второй ярус в виде «палатей». Различное число окон на фасадах создает совершенно иное восприятие каждого из них. В то время как северный фасад кажется более суровым, замкнутым, западный и южный выглядят более открытыми и приветливыми. Значительное число их окон, безусловно, связано также с необходимостью лучшего освещения интерьера собора. Интересно проследить некоторые особенности размещения окон

собора. На северном фасаде проем поставлен гораздо выше, чем на остальных, что явно вызвано высотой находящегося под ним киля портала. Более того, он оказался даже сдвинутым к востоку с оси портала, хотя причины этого сдвига нам не совсем понятны. Два окна западного фасада и одно (в западном прясле) южного поставлены немного ниже, причем нижний уровень их проемов определяется размещением яруса внутристенных связей. Каналы этих связей хорошо видны в основании окон.

Своеобразен сильный сдвиг окон западного фасада с центра боковых прясел к средним лопаткам. Такой сдвиг проемов мы встречаем также в ряде раннемосковских памятников (собор в Звенигороде и др.). Однако он объясняется достаточно просто: изнутри окна оказываются помещенными посредине боковых частей стены, между углами и малыми подпружными арками, перекинутыми к столбам. Все эти различия в числе и размещении оконных проемов на каждом из фасадов вносили большую свободу и живописность в четкое построение основного объема, нарушая его некоторую застылость, неподвижность и регулярность. Гораздо сложнее обстоит дело с интерьером собора, который утратил целый ряд основных деталей и с трудом поддается «восстановлению» в своем прежнем виде. Тем более что нам не удалось обнаружить его фотографий до разрушения. Но попытаемся это сделать на основе сохранившихся частей и по описаниям. Главное значение для определения структуры интерьера собора имеет система столбов и сводов, которая являлась исключительно своеобразной. Как свидетельствуют самые различные описания (включая метрику 1887 г.), столбы здания были простой четырехгранной формы, без закрестий. Ширина их была довольно значительной, видимо, достигая 1,35—1,37 м. Об этом дают представление фрагменты малых подпружных арок, перекинутых между стенами и столбами и по своей ширине, очевидно, аналогичных последним. Столбы, таким образом, почти вдвое превышали по ширине фасадные лопатки, к тому же далеко не отвечая им по своему местоположению. Оси лопаток и столбов совершенно не совпадали в связи с широкой расстановкой последних и сильным общим сдвигом их на восток, в сторону алтарной части. Об этом дают представление те же фрагменты арок на стенах. По расстоянию между ними определяется и сторона подкупольного квадрата — 4,75 м, который был довольно крупным для своего времени. Рукава креста перекрывали коробовые своды: вверху стен хорошо заметен полукруглый контур их примыкания. Попереч-

ный западный неф был гораздо шире восточного в связи с сильным приближением восточной пары столбов к соответствующей стене. Угловые западные ячейки имели крестовые своды, о чем свидетельствуют остатки их граненых пят в углах (особенно хорошо заметны на обмерных чертежах 1947 г.). Восточные ячейки, вероятно, были перекрыты коробовыми сводами с шелыгами по линии север – юг, частично сохранив аналогичные контуры примыкания сводов на боковых стенах. О перекрытии разделенных стенками апсид коробовыми сводами с конхами говорится в метрике 1887 г. и других описаниях собора. Не совсем ясным для нас остается лишь характер основных подпружных арок, несущих барабан главы. По всем московским традициям эти арки должны быть повышенными. Однако имеющиеся описания прямо противоречат этому, заставляя склоняться скорее к пониженным аркам. В древней описи XVI в. они описаны следующим образом: столбы, «сведенные под сводом арками»[30], т. е. арки явно выделялись на поверхности сводов, выступая из них. В метрике 1887 г. просто говорится о соединенных арками столбах[31]. И в том, и в другом случае речь явно идет не о ступенчато повышенных или расположенных в уровне сводов подпружных арках. Подобная система перекрытий собора Антониева монастыря является для московской архитектуры последней трети XV в. уникальной. В культовых постройках Московской Руси второй половины XV—начала XVI в. мы вообще не находим пониженных подпружных арок, которые здесь обычно повышены или, что встречается гораздо реже, сливаются со сводами рукавов креста, как в церкви Ризоположения в Московском Кремле. Единственным исключением из этого правила можно считать Архангельский собор Московского Кремля. Аналогичные московским подпружные арки применялись в эту эпоху и в псковском зодчестве. Лишь новгородская архитектура продолжала использовать в то время свои излюбленные пониженные подпружные арки. Довольно необычны для Москвы 80–90 гг. XV в. и крестовые своды. Правда, в кремлевском Успенском соборе 1475—1479 гг. Аристотель Фиораванти впервые применил подобного типа своды для всех ячеек здания. Но они, по сути дела, так и не находили до начала XVI в. сколько-нибудь широкого применения в московских храмах. По крайней мере, нам неизвестны до этого времени постройки с крестовыми сводами. С первых же лет нового столетия они встречаются в отдельных зданиях над угловыми ячейками, о чем можно судить по собору Рождественского монастыря в Москве 1501—1505 гг. и

Покровскому собору Александровской слободы 1513 г., а позднее по церквам Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила 1531—1534 гг. и Иоанна Лествичника 1572 г. в Кирилло-Белозерском монастыре. Таким образом, собор Антониева монастыря, очевидно, является первым после Успенского собора храмом на московской почве с крестовыми сводами. Хоры в соборе, как и в подавляющем большинстве московских храмов того времени, отсутствовали. В его внутреннем пространстве была выделена восточная, алтарная часть, отграниченная иконостасом, которая включала поперечный неф и апсиды. Судя по описям XVI в., иконостас состоял из четырех рядов икон — местного, деисусного, праздничного и пророческого с праотческим[32]. Иконостас примыкал к восточной паре столбов с западной стороны; это подтверждают сохранившиеся на боковых стенах, ниже западных углов пят сводов, гнезда от деревянных тябел. Остатки невысокой кирпичной стенки, примыкающей к северной стене под прямым углом в направлении северо-восточного столба (в ней, по древним описям, была северная алтарная дверь)[33], приводят к заключению, что первоначально в соборе существовала алтарная преграда, на которой располагался невысокий иконостас. Стены собора не имели внутренних лопаток против столбов. Однако все пяты арок были отмечены на стенах горизонтальными профилированными полочками-карнизами. Необычно, что полочки по своим размерам превышали ширину пят. Такие же карнизы отмечали, как о том свидетельствуют описи, пяты основных подпружных арок на столбах, выступая в качестве их завершений[34]. Детали подобного типа широко использовались в московских памятниках конца XV—XVI вв. Впервые они появились опять-таки в московском Успенском соборе 1475—1479 гг., откуда позднее перешли и в другие постройки. Назовем некоторые из них: соборы Рождественского и Чудова монастырей, Архангельский собор в Кремле, церкви Кирилло-Белозерского монастыря — Архангела Гавриила, Иоанна Предтечи и Иоанна Лествичника. Показательно, что такие полочки у пят сводов применялись не только в культовых, но и в светских зданиях, как об этом свидетельствует Грановитая палата в Кремле 1487–1491 гг. Необходимо указать, что отмеченная выше индивидуальная особенность антониевского собора — растянутость полочек по отношению к пятам — находит свое объяснение именно в архитектуре московского Успенского собора. Здесь эти детали выглядят вполне орга-

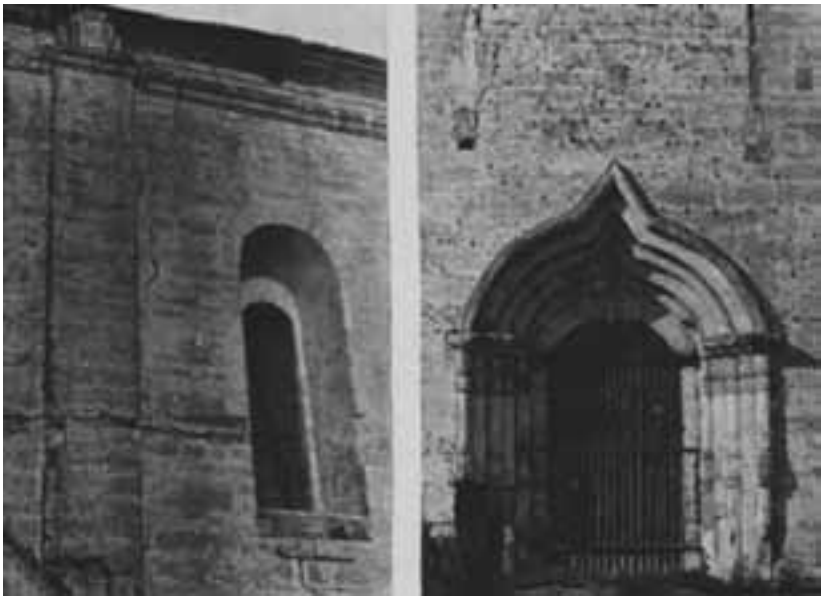
нично, так как они служат завершением слабо выступающих из стен крупных лопаток, которые по размерам оказываются гораздо шире опирающихся на них пят арок. Хотя лопатки на стенах антониевского собора отсутствуют, большая длина полочек по сравнению с пятами явно сохранена как особый прием. Итак, можно в целом оценить архитектуру собора Краснохолмского Антониева монастыря как исключительно оригинальную для своего времени. Такие элементы, как крестовые своды, пониженные подпружные арки, полуциркульные закомары и карнизы, отрезающие их от поля прясел, а также полочки-карнизы в основании пят арок в интерьере — всё это для московского зодчества второй половины XV в. представляло собой явное новшество. Ряд этих новых деталей и приемов был буквально только что перед тем введен в строительную практику Московской Руси при сооружении Успенского собора. Собор Антониева монастыря как бы подхватывает их и развивает, идя дальше по новому пути. Он во многом предвосхищает архитектуру XVI столетия[35], концентрируя в себе те новые приемы и формы, которые нашли широкое распространение лишь с начала следующего века. Правда, необходимо отметить тот факт, что типологически основа соборного крестовокупольного храма, четырехстолпного, трехапсидного и одноглавого, остается при этом прежней. Более того, она несет на себе традиционно московский отпечаток, что роднит ее с остальными культовыми постройками Московской Руси конца XV—начала XVI в. В этом смысле особенно характерны сдвиг подкупольного квадрата, а вместе с ним и главы с центра объема к востоку, несовпадение фасадных членений с интерьерными, равновысокость апсид, вторая малая глава над «внутренним» приделом, перспективные порталы с килевидным верхом и сноповидными капителями, отсутствие хор и лопаток в интерьере. На первый взгляд кажется очень странным и непонятным, каким образом мог возникнуть в столь отдаленном от Москвы и довольно глухом месте памятник, «опередивший» столичную архитектуру в развитии буквально почти на десятилетие. Для ответа на этот сложный вопрос необходимо в первую очередь выяснить, кто же выступал в качестве ктитора собора Антониева монастыря, являлся его непосредственным заказчиком. Как известно из монастырской летописи, собор был построен старанием основателя монастыря Антония, старца одного из Белозерских монастырей. Однако основным заказчиком, на средства которого возводился каменный храм, он явно не был. В качестве такового, очевидно, выступал кто-то из местной высшей знати того времени. Об этом прямо

говорится в летописи, согласно которой «многие великие князья и боляре от имения своего в тот Антонов монастырь деньги и всякую церковную утварь непрестанно даваху и вотчины своя в предбудущая лета... отдаваху...»[36].

Особенно близкими монастырю были бояре Нелединские-Мелецкие, давшие землю под его основание и затем превратившие обитель в свою родовую усыпальницу[37]. Будучи выходцами из Польско-Литовского государства, эта фамилия пользовалась большим доверием и покровительством Василия Темного[38]. Однако при Иване III к концу XV в. их влияние значительно падает, что не позволяет ставить вопрос об их ктиторстве. Поэтому более интересно для нас в этом плане прямое указание летописи на великих князей, за которыми в первую очередь можно видеть угличского князя Андрея Большого (Горяя). Старший из братьев Ивана III, в удел которого входил монастырь со своими землями, проявлял особое внимание к нему. Об этом свидетельствует отмеченный летописью крупный земельный вклад в обитель, сделанный князем посмертно, в 1493 г.[39].

В своем удельном центре Угличе князь Андрей в 70—80-е гг. XV в. развертывает обширное каменное строительство, которое прямо указывает на особый интерес его к архитектуре. Здесь в пригородном Покровском Паисиеве монастыре им создается в 1479—1483 гг. большой каменный собор[40], а в 1480-е гг. в кремле Углича строится обширный дворец с каменной тронной палатой и соборным храмом Спаса Преображения (ок. 1485 г.)[41]. Это крупное строительство свидетельствует, что угличский князь ни в чем не хотел отставать от своего правящего на великокняжеском престоле брата Ивана III, создав собственную дворцовую парадную резиденцию. Заметим, между прочим, что новое дворцовое строительство в Московском Кремле началось несколько позже, в 1487 г., сооружением Грановитой палаты и продолжалось очень долго, закончившись только в 1508 г., после смерти Ивана III. Создание же дворца в Угличе, хотя и имевшего несравненно меньшие размеры, было закончено к 1491 г., когда Иван III заточил в темницу Андрея Большого, где тот и умер в 1493 г. Таким образом, дворцовый комплекс в Угличе оказался также созданным раньше московского великокняжеского дворца. К сожалению, нам не известно, кто были зодчие и строители, работавшие в Угличе по заказу удельного князя, осуществляя его обширные строительные замыслы. Из их сооружений сохранилась только тронная палата дворца, из-

вестная под именем палаты царевича Дмитрия, которая, кроме того, была значительно перестроена при «реставрации» Н.В. Султановым в 1892 г. Собор Покровского Паисиева монастыря был разобран в 1930-е гг., так и оставшись, по сути дела, неисследованным, а угличский собор Спаса Преображения был сооружен заново еще в начале XVIII в. Но ни тронная палата дворца, ни оба собора в Угличе (Спасо-Преображенский известен по писцовым книгам 1674—1676 гг., а Покровский по фотографиям и обмерам, выполненным перед разборкой) не обнаруживают сходства с собором Антониева монастыря. Их архитектура отличается гораздо большей традиционностью форм, не обладая столь ярко выраженным новаторским характером. Она близка соборам северных монастырей — Спасо-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского, заставляя предполагать участие в их создании тех же ростовских мастеров. Тем более что эти здания были сооружены из одного кирпича, т. е. в совершенно иной по сравнению с собором Антониева монастыря строительной технике, без использования белого камня. Да и само сооружение дворцовой резиденции в Угличе и пригородного монастырского собора происходило в те же 1480-е гг., по сути дела, одновременно с собором Антониева монастыря, находившегося от этого города на расстоянии более чем 90 км. Всё вышеуказанное приводит к заключению, что строили антониевский собор какие-то иные мастера, чем та строительная артель из Ростова, которая, видимо, возводила дворцовую резиденцию в удельной столице и Покровский Паисиев монастырь прямо напротив нее, на другой стороне реки. Теперь, возвращаясь вновь к своеобразным новшествам нашего собора, мы должны признать, что они могут быть отнесены в разряд итальянизмов, введенных в московскую архитектуру последней четверти XV в. приезжими зодчими – «фрязинами». Недаром все эти новшества мы обнаруживаем, прежде всего, среди деталей и форм архитектуры Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля, сооруженных итальянцами. Однако время строительства храма Антониева монастыря еще не позволяет нам говорить о широком внедрении итальянизмов в творческую практику русских мастеров, об усвоении ими тех новых приемов и форм, которые появились во фряжских постройках. Такое время наступает несколько позже, лишь с начала XVI в. И для того чтобы объяснить появление на далеких северных рубежах угличской земли, в районах Бежецкого Верха, столь необычного памятника, нам остается лишь предположить самое невероятное — строительство собора кем-то из заезжих



Никольский собор.
Фрагмент западного фасада. Южный портал

Никольский собор.
Капители северного портала. Дынька южного портала

итальянцев. Только так становится понятным новаторский характер фряжских деталей и форм в архитектуре собора, во многом оказавшейся впереди развития московского зодчества тех лет. Только так получает объяснение и строительная техника сооружения здания — белокаменные стены и кирпичные своды, которая также имела место в работах приехавших из Италии мастеров. Кто был этот зодчий и откуда появился он в Угличе, остается во многом загадкой. Не возникает никаких сомнений лишь в том, что он был привлечен к работе самим угличским князем Андреем Большим. Именно в 1481 г. князь возвратился из Литвы, куда он вместе с братом, волоцким князем Борисом, бежал после ссоры с Иваном III. Получив в знак примирения по договору с Иваном III во владение еще и Можайск, он вскоре начал постройку в Угличском кремле новой дворцовой резиденции и собора. Одновременно князь Андрей приступает к возведению в Антониеве монастыре каменного соборного храма, для строительства которого он и привлекает мастера-итальянца, нанятого, вероятно, в Москве.

Работы по перестройке Московского Кремля с привлечением итальянских зодчих были начаты Иваном III несколько позже, в июле 1485 г., когда прибывший в это время из Италии мастер Антон Фрязин заложил стрельницу с тайником на Москве-реке, т. е. Тайницкую башню Кремля[42]. Однако на рубеже 70—80-х гг. в Москве уже находились фряжские мастера-строители, о которых известно по различным летописным данным. Одним из них был прославленный Аристотель Фиораванти, закончивший еще в 1479 г. сооружение Успенского собора. Личность другого не установлена: известно только, что он был венецианцем и восстанавливал в 1477 г. верх собора Симонова монастыря, который «сразил гром»[43]. Вполне вероятно, что кроме них в столице были тогда и другие итальянские зодчие. Характерно, что летописи не отмечают ни одной из работ итальянцев на рубеже 70—80-х гг. XV в. в столице и ее окрестностях, хотя они должны были принимать участие в проводившемся тогда интенсивном строительстве. Даже о деятельности А. Фиораванти после 1479 г. нам почти ничего не известно, кроме участия его в военных походах на Нижний Новгород в 1482 г. и на Тверь в 1485 г. А ведь он должен был что-то строить! Тем более становится понятным отсутствие каких-либо сведений о привлечении какого-то мастера-фрязина к строительству в далеком угличском монастыре. Возможность появления в угличских землях итальянского зодчего выглядит отнюдь не такой уж фантастичной и ирреальной, как это

кажется на первый взгляд. Приехавшие на Русь «фряжские» архитекторы, видимо, довольно много ездили по ее территории, посещая не только близлежащие от Москвы города, как, например, Владимир. Об этом можно судить хотя бы по известиям о поездках самого Аристотеля Фиораванти, который в конце 70 — начале 80-х гг. побывал в Новгороде, Твери, Нижнем Новгороде и, вероятно, в ряде других городов, а также на Севере. Правда, он выступал при этом в основном как инженер и специалист по пушечному бою, принимая участие в военных походах Ивана III[44]. Однако это в принципе не меняет существа дела, так как подобные поездки могли вполне послужить основой для получения заказа на какое-либо строительство вне столицы. Кроме того, в самом Угличе и землях этого удела наш «фрязин» не был столь одинок как иностранец. Как известно, там в то же время находился знатный грек Кассиан, основавший с согласия князя Андрея Большого в 45 км к северу от города на правом берегу Волги монастырь — Учемскую пустынь. Личность этого грека очень любопытна и заслуживает внимания не только сама по себе, но и в свете общекультурных интересов угличского князя и его окружения. Согласно житию[45], Кассиан был родом из Морей (Пелопоннес) и в миру носил имя Константин, имея титул князя Макувского. Он, видимо, являлся приближенным морейского деспота Фомы Палеолога, позднего потомка византийских императоров, и после его переезда в Италию находился при его дворе в Риме. В 1473 г. Кассиан-Константин приехал в Москву в составе блестящей свиты дочери деспота Софьи Палеолог, которая включала «много благородных боляр же и князей, и воевод сильных, и панов же и гетманов, и детей боярских, и множество много людей, священномонахов и всяких хитрецов, и много мастеров...». После бракосочетания Софьи с великим князем Иваном III многие приближенные остались на Руси навсегда, поступив на службу к великому князю, который «даде им грады и власти великия и села во держание и в вотчину». Среди них был и князь Константин, поступивший в услужение к архиепископу Ростовскому Иоасафу в качестве боярина. После удаления Иоасафа на покой в Ферапонтов монастырь князь Константин последовал за ним, где и принял постриг с именем Кассиана. По прошествии некоторого времени он ушел из монастыря и основал на Волге, между Угличем и Мышкином, в устье р. Учмы пустынь. Будучи, очевидно, высокообразованным человеком, Кассиан быстро приобрел большой авторитет

у князя Андрея Большого и его окружения. Князь неоднократно снабжал вновь основанный монастырь денежными и земельными вкладами и часто посещал его, подолгу беседуя со старцем. Имеются также сведения, что Кассиан крестил одного из сыновей князя. Показательно, что, по житию Паисия Угличского, Кассиан присутствовал вместе с князем Андреем, его двором, угличским духовенством и гражданами города на совете по сооружению каменного соборного храма в Покровском монастыре в 1479 г., а затем на его торжественном освящении 1 октября 1482 г.[46].

Наиболее ярко характеризует роль этого подвижника в духовной жизни края местная летопись: «Князь Андрей в свое княженье дву дивных пустынножителей и преподобных отцев Паисия и Кассиана имеяше, яко два великия светила, освещающия град Углич, и яко два столпы недвижимые во утверждение Угличу от Бога даровашася...»[47].

Кассиан может быть по справедливости отнесен к тем морейским грекам, выходцам из Италии, которые оказали заметное влияние на развитие культурной жизни Московской Руси последней четверти XV в., привнеся с собой на новую родину навыки греческой книжности и образованности[48]. Бесспорно, деятельность Кассиана не могла не сказаться на культурных интересах князя Андрея Большого и его ближайшего окружения. В этих условиях становится более понятным появление в Угличском княжестве итальянского зодчего, по-видимому, привлеченного из столицы Андреем Большим для строительства. Трудно сказать, почему князь не поручил ему сооружение своего дворца и соборного храма в самом Угличе, которое как раз началось в начале 1480-х гг. Вероятнее всего, вопрос об этом был уже ранее решен князем в пользу той строительной артели из Ростова, которая заканчивала возведение в Покровском монастыре собора для игумена Паисия. Новое же каменное строительство в далеком Антониевом монастыре, на северных границах удела, было передано в руки приглашенного итальянца, который и осуществил сооружение собора, а возможно, и трапезной с храмом Дмитрия Солунского. Анализ архитектуры собора Антониева Краснохолмского монастыря дает возможность приоткрыть еще одну неизвестную страницу в развитии зодчества Московской Руси периода сложения общерусского государства. Он помогает понять процесс становления и развития архитектурных форм во второй половине XV — начала XVI в. и роль в этом процессе итальянских мастеров, творчество которых, очевидно, далеко выходило за рамки самой столицы.

Примечания

1. См.: Некрасов А. И. Собор в Киржаче // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963. С. 217—233 (с прилож. П.Н. Максимова); Подъяпольский С.С. К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. // СА. 1966. № 2. С. 75—95; Он же. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря XV—XVI веков // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970. С. 437—457; Он же. Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря в его отношении к строительству Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 310—319.

2. Единственное упоминание об этом соборе имеется в указанной выше стать С.С. Подъяпольского «Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря XV—XVI веков».

3. Нам удалось обнаружить в фототеках ГНИМА им. А. В. Щусева (МРА. I. 4331—4333) и ЛОНА (О. 360. № 2227—2228; О. 180. № 87; О. 644. № 4) ряд фотографий 1910—1920 гг., на которых собор изображен до его частичного разрушения. Кроме того, в отделе графики ГНИМА им. А. В. Щусева хранятся подробные обмеры памятника (Р V. 238. № 1—10), сделанные студентами МАРХИ в 1947 г. (планы, фасады и разрезы), но, правда, уже после его обрушения.

4. См.: Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониев монастыря. М., 1879. С. 66—73; Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь: 1879. Т. 1. С. 233—245; см. также: Анатолий. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. С. 81—82.

5. О монашеской колонизации см.: Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966.

6. См. об этом: Жизневский А.К. Указ. соч. С. 70; Анатолий. Указ. соч. С. 62.

7. Правда, при отсутствии каких-либо помех, ибо в противном случае сооружение храма могло сильно затянуться. Но если бы такие затруднения в данном случае были, о них, безусловно, не преминули бы упомянуть в летописи, как это обычно имело место в источниках подобного характера.

8. Жизневский А.К. Указ. соч. С. 70.

9. См. об этом: Анатолий. Указ. соч. С. 5, 9—10, 22.

10. Там же. С. 10—11, 22.

11. Таких описей было три: 1575, 1584 и 1585 гг. См.: Жизневский А.К. Указ, со С. 2 и след.; Анатолий. Указ. соч. С. 76—77.

12. Жизневский А.К. Указ. соч. С. 47. О времени архимандритства Варфоломея см.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских и церквей. СПб., 1877. № 734.

13. Жизневский А.К. Указ. соч. С. 19; Анатолий. Указ. соч. С. 13—14, 18.

14. Анатолий. Указ. соч. С. 18, 43, 20, 14, 19, 22.

15. Там же. С. 19, 20, 53.

16. Наиболее ранней фотографией, запечатлевшей собор в таком состоянии, являет фото из ГНИМА им. А. В. Щусева.

17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Д Л., 1950. С. 76, 79, 87—89 и след.

18. См.: Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 9—16, 42—48, 99—105, 112—128 и др.

19. Подробнее об этом см. там же.

20. «Внутри же стенъ всуцепы железные положи яко правила на вретенехъ, между столповъ, идеже брусие дубовое въ нашихъ церквахъ, то все железно сковавъ положи» (ПСРЛ. Т. XX. С. 319).

21. Анатолий. Указ. соч. С. 6, 18, 19.

22. Покрышкин Н.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии // Изв. археологич. комиссии. СПб., 1908. Вып. 28. С. 118— 119, 122—123; Подъяпольский С.С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря. С. 442.

23. Подъяпольский С.С. Путеводитель по архитектурным памятникам Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. 3-е изд. Вологда, 1968. С. 22—24, 27; Он же. Собор белозерского Горицкого монастыря// Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. С. 336, 339.

24. О подобных придельных главах см.: Выголов В. 77. О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство: Русь — Грузия. М., 1978. С. 72, 80; Он же. Архитектура Московской Руси середины XV века. С. 15, 23—24, 27—28, 55—56, 92—93.

25. Жизневский. А.К. Указ. соч. С. 68.

26. Анатолий. Указ, соч С. 6, 8.

27. Выголов В. 77. О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря. С. 72, 80.

28. Анатолий. Указ. соч. С. 6.

29. См. об этом: Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV—начала XVI вв. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 316.

30. См.: Анатолий. Указ. соч. С. 6.

31. См. метрику 1887 г. по собору Антониева монастыря: Архив ЛОИА. Р. III. № 6293.

32. Анатолий. Указ. соч. С. 6.

33. См. также метрику 1887 г.

34. См.: Анатолий. Указ. соч. С. 6.

35. В своем упоминании о соборе С.С. Подъяпольский прямо указывает, что он по своему облику «гораздо ближе к сооружениям начала XVI века, чем к постройкам предыдущего столетия». См. его статью в кн.: Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. С. 449.

36. Жизневский А.К. Указ. соч. С. 70.

37. Там же. С. 67, 68, 70, 72; Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь. 1904. С. 52—58.

38. Там же.

39. Жизневский А.К. Указ. соч. С. 70.

40. Житие Паисия Угличского//ЛЕВ. 1873. Часть неофиц. № 16—22, 25 и 26; см. также: Филарет (Гумилевский). Жития святых, чтимых православной церковью. 2-е изд. СПб., 1882. Вып. 6. Под 6 июня.

41. Шляков Н.В. Свод известий о дворце св. царевича Дмитрия в Угличе. Ярославль, 1889; Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле //Тр. Второго област. тверского археологич. съезда 1903 г. Тверь, 1906. Отд. 2. С. 401—422; Михайловский Е.В. Углич. М., 1948. С. 16—22.

42. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 271; см. также: Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // ГММК. Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3. С. 2—14.

43. ПСРЛ. Т. XXIV. С. 195; Т. XXVIII. С. 147. Характерно, что летописи подчеркивают тот факт, что этот «венендицький» мастер «другии, не той же, что болшую церковь Пречистыя ставит».

44. ПСРЛ. XXV. С. 317; Т. XX, ч. 1. С. 349, 352.

45. Житие известно в поздних списках XVII в., что вовсе не лишает сведения их достоверности. См.: Житие святаго благовернаго князя Константина Макнува града, что в Мореи, в схимомонахах Кассиана // ЛЕВ. 1873. Часть неофиц. № 14. С. 111—117; см. также: Соколов А. Учемская Кассианова мужская пустыня// ЯЕВ. 1861. Часть неофиц. № 29. С. 275—278; Титов А.А. Учемская Кассианова пустынь //Исторический вестник. 1895. Т. LXI. Август. С. 392—399.

46. Житие Паисия Угличского // ЯЕВ. 1873. Часть неофиц. № 17. С. 135—136, 137—138; Антоний. Угличский Покровский монастырь. Ярославль, 1870. С. 13—16.

47. Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890. Вып. 1. С. 98.

48. См. об этом: Тихомиров М.Н. Греки из Морей в Средневековой России // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 172—174.

Фото В.П. Выголова выполнено В.М. Рудченко в 1981 году и любезно предоставлено для данного сборника Г.К. Смирновым.

Сенин
Сергей Иванович
Член Союза журналистов России

Бежецкий монах на Патриаршем престоле

Хроника жизни и деятельности

1647—1654 гг. – игумен Николаевского Антониева монастыря (ныне Краснохолмский район Тверской области);

1654—1656 гг. – архимандрит Рождественского монастыря во Владимире;

1656—1667 гг. – архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры;

1667—1672 гг. – Патриарх Московский и всея Руси.

Сведения о нем крайне скудны. Сегодня только предположительно можно говорить о том, что Иоасаф родом из г. Торжка. Монашеский постриг он принял, вероятно, в Новоторжском Борисоглебском монастыре[1] , где до 1647 г. был настоятелем, поскольку в «Списках иерархов и настоятелей Российской церкви» П. Строева назван Иоасафом «Новоторжцем».

Предположительно, до поставления своего игуменом Николаевского Антониева монастыря подвизался несколько лет в этой обители. Назначение его игуменом произошло, вероятно, по желанию братии монастыря, поскольку о том в 1646/7 г. «бил челом» в Москве монастырский старец Варсонофий (Вельяминов)[2].

Став в 1647 г. игуменом, Иоасаф[3] продолжил восстановление Николаевского Антониева монастыря, начавшееся после 1616 г.: при нем была

Иоасаф II, седьмой Патриарх Московский (1667—1672)

возобновлена Вознесенская церковь, стоявшая с разоренными престолами после польско-литовского нашествия.

В 1654 г. Иоасаф просил у царя Алексея Михайловича, чтобы окладная сумма за право сбора таможенных пошлин у Преображенья Спасова на Холму[4] (ныне г. Красный Холм Тверской области), вносимая ежегодно в Приказ Большого Прихода, оставалась в пользу монастыря. Это позволило восстанавливавшемуся монастырю получать дополнительные и весьма не малые средства на свои нужды.

Тогда же в 1654 г. Иоасаф был переведен в архимандриты Рождественского монастыря во Владимире. В 1656 г. назначен архимандритом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры[5]. В этот период происходит личное знакомство и сближение Иоасафа с царем Алексеем Михайловичем.

Будучи архимандритом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Иоасаф принимал участие в Большом Московском Соборе (1666—1167 гг.) и в соборном суде над патриархом Никоном[6], после которого по желанию царя Алексея Михайловича, при участии патриарха Александрийского Паисия и патриарха Антиохийского Макария, 12 зарубежных и 17 русских архиереев, он в янв./фев. 1667 г.[7] был избран Патриархом Московским и всея Руси[8]. Царь Алексей Михайлович отдал предпочтение Иоасафу, поскольку тот уже был «тогда в глубочайшей старости и недузех повседневных». Такой выбор свидетельствовал о том, что Алексей Михайлович не хотел видеть во главе Русской Церкви деятельного и независимого человека, каким был патриарх Никон.

В 1667 г. Иоасаф II, уже в качестве патриарха, продолжил участвовать в работе Большого Московского Собора, на решения которого он влиял мало (его голос был вторым после греческих патриархов)[9].

Большой Московский Собор осудил самого патриарха Никона, осудил некоторые его распоряжения и действия, решил вопрос о ставленниках, рукоположенных Никоном, о монастырях его строения, но не осудил важнейшего из его деяний — исправления церковных книг. Напротив, вполне одобрил и утвердил для всеобщего употребления исправленные по его распоряжению и напечатанные книги, а осудил тех, которые не хотели принимать этих книг и из-за них хулили Церковь, называли ее еретическою, отказывались повиноваться ей и чрез то самовольно отделялись от нее. Потому, став патриархом, Иоасаф II, насколько мог, заботился о приведении в исполнение соборных постановлений. Фактически он стал первым, кто начал преобразования в богослужении, узаконенные Большим Московским Собором 1666–1667 гг.

Таким образом, на Большом Московском Соборе 1667 г. произошло окончательное отделение старообрядцев от церкви, закрепившее раскол. Собор вынес общую анафему на всех последователей раскола и постановил по примеру древней Церкви общее правило — подвергать их наказанию не только по церковным, но и по «градским» законам. В частности, Собор повелел предавать их «градскому суду», то есть подвергать уголовному преследованию со стороны государственных властей[10]. Патриархом Иоасафом II была подписана «Увещательная грамота к приверженцам старых обрядов», весьма строгая по своему содержанию[11]. Кроме того, в 1668 г. патриарх Иоасаф II издал весьма жесткие определения, согласно которым повелевалось священников, отказывавшихся служить по новым богослужебным книгам, лишать приходов и предавать суду, а просфорниц, продолжавших выпекать просфоры с восьмиконечным крестом, отправлять на покаяние в монастыри.

На Большом Московском Соборе при патриархе Иоасафе II были приняты решения о неподсудности духовенства мирским судам, о неперекрещивании латинян при обращении их к православию, о разрешении священнодействовать и вдовым священникам; об обязательном обучении детей священников грамоте. Собором предписывалось поддерживать порядок в храмах, в центре иконостаса вместо Господа Саваофа изображать распятие Христа Спасителя. Решениями Собора был запрещен переход монахов из одного монастыря в другой или на самовольную жизнь в миру. Собор также установил достаточно длинный период послушничества, после которого разрешался постриг. В отдельных решениях Большого Московского Собора отразилось укрепление системы крепостного права. Собор повелел лишать сана

и монашества и возвращать владельцам тех крепостных, которые приняли рукоположение или монашеский постриг без разрешения хозяина (беглых холопов и крестьян). Крепостной крестьянин, рукоположенный в сан с разрешения хозяина, становился свободным, но должен был служить в поместье своего владельца; его дети, рожденные до рукоположения, оставались крепостными. Отдельно оговаривалось, что лица, которые постригли в монашество крепостных людей, не имевших отпускной грамоты, могут быть извержены из сана.

При патриархе Иоасафе II в 1668 г. в виде грамоты трех патриархов (Иоасафа II, Паисия Александрийского и Макария Антиохийского) была издана «Выписка от Божественных Писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оныя»[12]. Она предписывала сохранять традиционный канон при написании икон. Первосвятителю принадлежит послание, обращенное к крупнейшему русскому иконописцу того времени — Симону Ушакову. Патриарх Иоасаф II осуждал наметившуюся в русской иконописи тенденцию к заимствованию изобразительных средств, свойственных западноевропейской живописи.

Большой заслугой патриарха Иоасафа II в области оздоровления и активизации пастырской деятельности русского духовенства следует отметить предпринятые им действия, направленные на то, чтобы восстановить традицию произнесения проповеди за богослужением, которая к тому времени на Руси почти угасла.

Среди принятых патриархом Иоасафом II мер, направленных на упорядочение церковной жизни, следует отметить указ, который запрещал признавать нетленные человеческие останки святыми мощами без их достоверного освидетельствования со стороны церковных властей. Наводя порядок в делах церковных, патриарх также обратил внимание на то, что клирики носят самые различные одеяния, а потому предписал священнослужителям впредь одеваться строго единообразно.

Для повышения благочестия среди церковного народа патриарх Иоасаф II издал ряд определений, которыми запрещалось работать, торговать и вершить суд в дни крупнейших церковных праздников. Патриарх также запретил священнослужителям принимать участие в свадебных торжествах, если они сопровождались скоморошьими игрищами и другими малопристойными увеселениями.

Уделял Иоасаф II внимание миссионерской деятельности, особенно на окраинах Российского государства, которые только начинали осва-

иваться на Крайнем Севере и в Восточной Сибири, в Забайкалье и бассейне Амура, вдоль границы с Китаем. По благословению Иоасафа II близ китайской границы в 1671 г. был основан Спасский монастырь[13].

Во исполнение высказанного на Большом Московском Соборе пожелания об увеличении количества епархий в Русской Церкви при Иоасафе II было решено учредить епископские кафедры в Ржеве, на Белеозере и в Дмитрове; архиепископские кафедры в Нижнем Новгороде и Великом Устюге; епископии, уже существовавшие в Чернигове и Коломне были возведены в архиепископии. Затем с соизволения государя Алексея Михайловича (если не по его личному желанию) возведены на степень митрополий архиепископии: Астраханская, Рязанская, Тобольская. Учреждена новая митрополия в Белгороде, куда митрополитом был назначен известный сербский митрополит Феодосий, проживавший в Москве при Архангельском соборе. Под духовное окормление белгородских архиереев была передана Слободская Украина с размещенными на ее территории казачьими полками и поселениями государевых стрельцов. Утверждено архиепископство в Пскове. Было решено учредить архиепископские кафедры в Архангельске и на Холмогорах. Утверждена епископская кафедра в Вятке, и было принято решение учредить такие же кафедры в Перми, Томске и на Лене[14].

В патриаршество Иоасафа II в Русской Церкви продолжалась обширная книгоиздательская деятельность. Московским печатным двором были напечатаны «Поучения» преподобного Ефрема Сирина (1667); «Служебник» (1667, 1668, 1670); «Богослужебное Евангелие» (1668); «Архиерейский Чиновник» (1668); «Чин освящения антиминса» (1668); «Следованная Псалтырь» (1669, 1671); «Триодь цветная» (1670); «Поучение святительское к новопоставленному иерею» (1670); «Апостол» (1671); «Требник» (1671); «Большой катехизис» и «Малый катехизис». В 1667 г. вышли в свет «Сказание о соборных деяниях» и «Жезл правления» (1668, 1753)[15], написанный Симеоном Полоцким для обличения старообрядческого раскола.

На патриаршем престоле Иоасаф II пробыл пять лет. Перед своею кончиной он написал прощальную грамоту, в которой оставляет всем мир, прощение и благословение.

Скончался 17 февраля 1672 г. и похоронен в Успенском соборе Московского Кремля.

Использованные публикации

1. Анатолий (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии Тверь, 1883. С. 45.

2. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 65–66.

3. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. В 12 Т. М., 1994–1996. Т. 12. С. 760–792.

4. Сенин С.И. Бежецкий монах на Патриаршем престоле // Тверские ведомости. 2002. № 68 (1306).

5. Петрушко В.И. Патриарх Иоасаф II // Православная беседа. М., 2009. №1. С. 68–72.

6. Иоасаф II, Патриарх Московский и всея Руси // Официальный сайт Московского Патриархата

7. Макарий (Веретенников), архимандрит. Всероссийский Патриарх Иоасаф (1667–1672) // Альфа и Омега. 2005. № 3(44).

8. Большой Московский Собор 1666–1667 гг. // Православная Энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 679–684.

9. Белоброва О.А. Иоасаф II // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XL. С. 97–99.

10. Белоброва О.А. Иоасаф II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2, с. 80–82.

11. Полознев Д.Ф. Московские Патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. VII. М., 1996.

12. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 345–346.

Примечания

1. Торжок, как и Городецко (ныне г. Бежецк Тверской области), входил в Новгородскую епархию. Предполагается, что патриарх Иоасаф II был постриженником Новоторжского Борисоглебского монастыря. Известно, что в 1669–1670 гг. в Борисоглебском монастыре была построена церковь Введения Богоматери во храм, и строил ее патриарх Иоасаф. В 1671 г. в монастырь патриархом Иоасафом II был пожалован ковер для проведения настоятелем церковных служб. См.: Макарий (Веретенников), архимандрит. Всероссийский Патриарх Иоасаф (1667–1672) // Альфа и Омега. 2005. № 3(44); Станиславский А.Л. Краткий летописец XVII в. // Летописи и хроники. Сб. статей. М., 1984. С. 236.

2. Имя патриарха Иоасафа II сохранилось в Синодике Николаевского Антониева монастыря.

3. Среди игуменов Николаевского Антониева монастыря он был вторым игуменом с именем Иоасаф. Поэтому по списку игуменов этого монастыря он также обозначается как Иоасаф II.

4. В селе Спас на Холму ежегодно проходила крупная торговая ярмарка, которая давала государственной казне приличный доход. Поскольку село было монастырским, то игумен мог просить право на сбор каких-либо пошлин, в данном случае таможенных, что, бесспорно, значительно пополняло казну монастыря. В средневековье такого рода права были весьма выгодным доходным предприятием, потому многие, в т.ч. и градские воеводы, старались их получить.

5. Известны также книжные вклады Иоасафа II в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру: под 1662 г. – рукописный орнаментированный крюковой Стихарь и под 1664 г. – печатное Евангелие. Делал ли Иоасаф II вклады в Николаевский Антониев монастырь, пока неизвестно.

6. Не путать с архиепископом Иоасафом Тверским и Кашинским (1657–1676 гг.). Он также в 1666 г. участвовал в Большом Московском Соборе и в суде над патриархом Никоном и подписал акт о его низложении. Иоасаф II в это время был архимандритом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Его подписи в документах Собора также сохранились.

7. 31 января 1667 г. Иоасаф был избран из числа трех кандидатов в Патриархи, а 10 февраля 1667 г. поставлен на Патриарший престол с именем Иоасафа II.

8. Вступление Иоасафа на Патриарший престол было отмечено «Приветствием новоизбранному патриарху» Симеона Полоцкого, которое поэт включил в «Рифмологион» (ГИМ, Синодальное собрание № 287).

9. Почетное председательство на Соборе принадлежало то восточным патриархам, то – Иоасафу II. Постановления этого собора разнообразны по форме: одни в виде правил, другие в виде ответов на вопросы, третьи в виде толкований; одни изложены от лица всего собора, другие от лица только восточных патриархов Паисия и Макария, но приняты собором. Сначала все постановления писались отдельно на особых свитках и скреплялись подписями, а потом все были переписаны в одну «Книгу Соборных деяний». В «Книге» все постановления расположены в виде XI глав и вновь подписаны отцами церкви. При собрании постановлений и разделении их на XI глав не руководствовались ни хронологической последовательностью, ни планом.

10. Одна из трагичных страниц – это многолетняя осада Соловецкого

монастыря царскими войсками и последующая жестокая расправа над зачинщиками Соловецкого бунта (1667–1676 гг.).

11. Надо отметить, что подавляющее большинство грамот, воззваний и посланий патриарха Иоасафа II носили официальный характер и нередко составлялись другими лицами. Значительная часть грамот, подписанная Иоасафом II, неотделима от определений Большого Московского Собора (многие из которых впоследствии печатались в качестве приложения к Служебнику в 1667–1668 гг.).

12. В 1669 г. была разослана еще и «государева» грамота, упорядочивавшая «иконописное дело» и находившаяся в тесной взаимосвязи с грамотой патриаршей.

13. Спасский монастырь был основан в четырех километрах выше Албазинского острога (ныне село Албазино в Сковородинском районе Амурской области) по течению Амура старцем священноиноком Гермогеном. Главной достопримечательностью обители под Албазином была икона «Слово плоть бысть» с изображением чревоношения Богоматерью Богомладенца, которая почиталась как чудотворная. В настоящее время эта икона находится в новом Благовещенском кафедральном соборе. Монастырь же был разрушен через несколько лет после своего основания маньчжурами.

14. При Алексее Михайловиче это постановление не было реализовано в полном объеме, Большой Московский Собор принял решение о создании только двух епархий: была восстановлена закрытая Никоном Коломенская кафедра и создана Белгородская. Активная работа по реформированию церковного устройства Руси началась лишь при царе Феодоре Алексеевиче, но шла с большим трудом, в частности потому, что умножение числа кафедр предполагало потерю части доходов «старыми» архиереями. В деяниях Собора говорилось также о разделении территории Русской Церкви на ряд митрополичьих округов по образцу греч., однако этот проект не был осуществлен. Большой Московский Собор принял определение о необходимости собирать 2 или, в крайнем случае, 1 раз в год Собор в Москве для обсуждения и решения текущих церковных дел. Однако из-за удаленности многих епархий от центра и плохих дорог осуществить это было практически невозможно. В последующие годы сложилась практика пребывания в Москве по полгода, иногда по году «чередных» архиереев, участвовавших в Соборах.

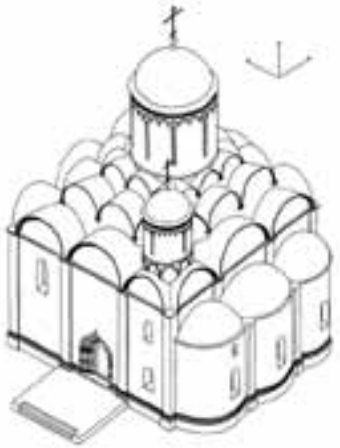
15. Архим. Макарий (Веретенников) отмечает, что это была первая книга московского Печатного двора, вышедшая при Патриархе Иоасафе II.

Шестакова
Анна Анатольевна
Преподаватель кафедры истории и теории искусства Тверского филиала Государственной академии славянской культуры

Стенопись Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря — погибающий памятник монументальной живописи конца XVII века

Николаевский Антониев монастырь, расположенный на юго-западной окраине города Красный Холм Тверской области и находящийся в руинированном состоянии, некогда был крупнейшей обителью Бежецкого Верха. По свидетельству монастырского летописца, обитель основана в 1461 г. белозерским монахом Антонием[1]. По инициативе преподобного в 1481 г. заложен главный храм монастыря — белокаменный Никольский собор. В его облике ярко отразились перемены, происходившие в древнерусском зодчестве на рубеже XV—XVI вв. и связанные с формированием общерусской архитектурной стилистики. По реконструкции А.М. Салимова, первоначально собор представлял собой крестовокупольный трёхапсидный храм с двумя главами: большой над средокрестьем и малой над юго-восточным компартиментом, в котором был устроен Благовещенский придел. Верх здания, отделенный от прясел карнизным поясом, вероятно, был увенчан тремя ярусами закомар (ил. 1)[2].

Расписан Никольский собор столетие спустя после сооружения —



1. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря в конце XV в. Аксонометрия. Реконструкция А.М. Салимова. Опубликовано: Булкин Вал. А., Салимов А.М. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Материалы исследований // Архив архитектуры. Вып. XV в. М., 2001. Ил. №68.

в конце XVII в., в период активного обустройства обители. По монастырской описи 1877 г., «в 1683 году, на иждивение Якова Васильевича Нелединскаго, пожертвовавшаго в монастырь 260 руб., соборная церковь монастыря и придел ея[3] убраны внутри стенною живописью»[4]. Возможно, на опись 1877 г. опирался и игумен Антониева монастыря Анатолий (Смирнов), сообщивший аналогичную датировку в составленном им в 1883 г. «Историческом описании Краснохолмского Николаевского монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии»[5]. К середине XIX столетия монументальная живопись Никольского собора значительно обветшала. Так, например, в документе 1848 г. упоминается о её потемнении[6]. К 80-м гг. XIX в., по словам игумена Анатолия, «от широких шляпок гвоздей, по коим оштукатурены стены, штукатурка отпала и образовались выбоины, как бы от пуль»[7]. В других документах середины XIX — начала XX в. упоминания о монументальной живописи Никольского собора малозначительны: в текстах констатируется наличие стенописи в храме, иногда отмечено её потемнение от времени[8]. Особого внимания заслуживают два документа того периода: текст, созданный между 1854 и 1858 гг.[9], и опись монастыря 1864 г.[10]. Из обоих документов следует, что до 1864 г. росписи конца XVII в. — «священные изображения древняго иконнаго письма»[11] — сохранялись «внутри всей церкви, в алтаре, равно и в купале»[12]. К 1883 г., по свидетельству настоятеля Анатолия, стенопись в алтаре была закрашена[13].

Согласно историографическому исследованию А.М. Салимова, посвящённому Никольскому собору, игумен Анатолий был одним из первых, кто обратился к прошлому Антониева Краснохолмского монастыря[14]. В «Историческом описании...» обители, изданном в 1883 г., он изложил историю монастыря на основе целого ряда древних документов и подробно описал современное ему состояние обители. Именно в этом исследовании впервые была озвучена датировка стенописи Никольского собора. Документы, выявленные настоятелем, несколькими годами ранее были опубликованы известным тверским учёным А.К. Жизневским[15]. Труды игумена Анатолия и А.К. Жизневского положили начало научному изучению монастыря[16], однако после революции оно было прервано на долгие годы.

В настоящее время от Никольского собора Антониева монастыря сохранились три стены — северная, южная и западная. Восточная часть храма и перекрытия утрачены. Росписи собора уцелели на стенах в виде больших по площади фрагментов и ныне представляют собой единственный на территории Тверской области памятник средневековой монументальной живописи, сохраняющийся в исконном синтезе с архитектурой (ил. 2—3)[17].

2. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Фото А.А. Шестаковой. 2009 г.

3. Росписи западной стены Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря. Фото А.А. Шестаковой. 2010 г.

Стенное письмо исполнено по белому известковому грунту, в тесте которого часто встречаются кусочки соломы. По данным химического анализа, используемая под роспись известь — слабо гидравлическая, нерастворимый остаток в ней составляет от 1,2 до 3,2 % и состоит из единичных крупиц песка, кусочков щепы, остатков костры, пакли, единичной кирпичной крошки и глинистых частиц[18].

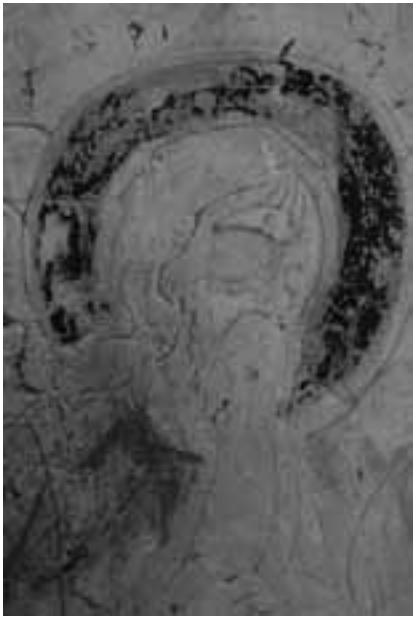
Композиции северной, южной и западной стен храма, за исключением изображений восточных прясел северной и южной стен (алтарная часть), помещены в прямоугольные рамы — разгранки — и расположены поясами, причём зачастую не одна под другой, а «в перебивку». Изображения, находившиеся выше пят подпружных арок, в настоящее время практически полностью утрачены. Фотография конца 1940-х гг., обнаруженная в архиве Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области (ил. 4), позволяет говорить о том, что в люнете центрального прясла западной стены был расположен образ Богоматери «Знамение», с двух сторон окружённый шестикрылыми серафимами[19]. Ниже находился регистр изображений, посвящённый праздникам. На этой же высоте над пятами арок и сво-

4. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Конец 1940-х гг. Фото из архива ГУГООКНТО

дов представлены херувимы. Ниже идут два пояса клейм, иллюстрирующих деяния Иисуса Христа и притчи. В изображениях алтарной части вертикальные и горизонтальные членения отсутствуют, сцены, по-видимому, переходят одна в другую. Кроме того, в восточном прясле северной стены прослеживаются две большие ростовые фигуры святых. В нижних частях стен собора сохранились фрагменты живописных полотенец — традиционного декоративного мотива нижнего яруса древнерусских стенописей.

Росписи выполнены в комбинированной технике, широко применявшейся в позднем средневековье. Цветовая подкладка — подмалёвок — проложен в технике «buon–fresco», т.е. по сырой штукатурке красками, разведёнными на речной воде, а само изображение прописано уже по высохшему грунту темперой — красками, смешанными со связующим веществом в виде эмульсии.

Колорит росписи в настоящее время почти полностью утрачен: сохранились лишь цветовые подкладки, а темперные живописные слои осыпались. В целом в стенописи преобладали тёплые тона — жёлтые и красно-коричневые охры. Красной охрой нанесены разгранки клейм. Из холодных кра-



5. Лик Иисуса Христа. Фрагмент композиции «Умножение хлебов (Чудо насыщения пяти тысяч)». Роспись западной стены Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря (над порталом). Фото А.А. Шестаковой. 2010 г.

сок использованы в основном оттенки зелёного (одеяния и растительность) и синего (одеяния, небо и вода). Нимбы на изображениях Иисуса Христа, по всей видимости, были золочёными. При золочении росписей художники-монументалисты позднего средневековья накладывали сусальное золото на полузастывшую густую олифу «на отлип», а чтобы задержать её высыхание, добавляли рефть — чёрную сажу, перетёртую с известью[20]. На некоторых нимбах Иисуса Христа в стенописи Никольского собора нижние красочные слои закрывает плотная чёрная корка (ил. 5). По всей вероятности, это остатки нанесённой под золото олифы.

В результате осыпания верхних красочных слоёв в росписях храма обнажилось то, что обычно скрыто от глаз зрителя: предварительный рисунок, выполненный графьёй — углублённой линией, процарапанной остриём по поверхности ещё не высохшей штукатурки до нанесения красочных слоёв. В традиции позднего русского средневековья стенные композиции Никольского храма знаменованы очень подробно: прочерчены абрисы фигур, нимбы, завитки волос, складки одеяний, детали пейзажа и архитектурного стаффажа. В настоящее время, когда живописный строй стенописи практически полностью утрачен, именно предварительный рисунок является основным источником сведений об иконографии и стилистике изображений. Графья многое объясняет, но читается лишь с близкого расстояния, поэтому посетитель руин Никольского собора, даже очень внимательно рассматривающий стенопись, не в си-

лах проследить её рисунок, а следовательно, «разгадать» и стенопись.

Варварское разрушение Антониева Краснохолмского монастыря началось в первой половине 30-х гг. XX столетия. Обмер Никольского собора, сделанный техником Краснохолмского Горкомхоза Маргуновой, свидетельствует, что уже к сентябрю 1931 г. храм лишился обстройки XVII—XVIII вв., сводов с главой, подкупольных столбов и восточной стены[21]. В последующие годы уцелевшая кладка разбиралась местными жителями для использования в качестве строительного материала.

После Великой Отечественной войны Никольский собор неоднократно обследовался[22]. Внимание привлекала, прежде всего, архитектура храма. Стенопись же собора впервые была осмотрена в июне 1960 г. в рамках научного обследования Антониева монастыря экспедицией Государственного Русского музея в составе научного сотрудника И.Я. Богуславской и художника-реставратора Н.А. Лапошниковой. В отчёте о проделанной работе И.Я. Богуславская отмечает большое историко-художественное значение росписей[23]. Исследователь кратко характеризует сохранность живописи, делая акцент на необходимости неотложных мер по её спасению, уделяет внимание технико-технологическим и колористическим особенностям росписей, компоновке и тематике изображений, атрибутирует четыре сюжета праздничного цикла. По мнению И.Я. Богуславской, некоторые сцены отличаются от устоявшихся канонов. Исследовательница полагает, что по своему живописному строю стенопись Никольского собора отличается от ансамблей монументальной декорации последней трети XVII в. в Москве, Ярославле, Ростове, Костроме, и приводит предположение реставратора Ю.Н. Дмитриева о близости стенописи главного храма Антониева Краснохолмского монастыря росписям Знаменского собора в Великом Новгороде, которые были созданы в 1702 г.[24].

В конце 1960-х гг. на Никольском соборе были произведены первые консервационные работы: для защиты кладки от разрушения поверх стен храма была уложена небольшая деревянная двускатная кровля[25]. Однако, несмотря на принятые меры, памятник продолжал разрушаться.

Вопрос о сохранении живописного убранства Никольского собора активно обсуждался в начале 1970-х гг. 14 декабря 1971 г. росписи были обследованы реставратором первой категории Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консер-

вации и реставрации музейных художественных ценностей (далее ВЦНИЛКР) Г.В. Жаренковым и старшим научным сотрудником Калининской (ныне — Тверской) областной картинной галереи (далее — КОКГ и ТОКГ) В.Ф. Гершфельд. По результатам осмотра директору КОКГ Н.Ф. Судаковой была написана докладная записка[26]. Г.В. Жаренков и В.Ф. Гершфельд полагают, что уникальность остатков росписей Никольского собора заключается, прежде всего, в сохранении общей композиции стенописи. Подробно описывая состояние росписи, специалисты характеризуют положение дел как гибельное и предлагают целый ряд мер по спасению живописного ансамбля, прежде всего — документальную фиксацию стенописи (фотографирование, копирование рисунка графьи), снятие и передачу на музейное хранение наиболее сохранившихся композиций. Все эти действия предполагалось предпринять в 1972—1973 гг. стараниями сотрудников КОКГ в лице Н.Ф. Судаковой и В.Ф. Гершфельд, Калининского областного управления культуры, Центрального Совета и Калининского отделения ВООПИиК, ВЦНИЛКР и Калининской реставрационной мастерской[27]. К сожалению, практических шагов по спасению стенописи Никольского собора сделать тогда не

6. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Фото Г.К. Смирнова. 1979 г. Архив ГУГООКНТО

удалось. Местные жители продолжали использовать руины в качестве хозяйственного двора, и внутри к стенам собора примыкали различные бытовые постройки-сараи, в частности, курятники (ил. 6).

В 1980 г. при составлении паспорта на Никольский собор архитектор ВПНРК Г.К. Смирнов вновь обратил внимание на высокие художественные достоинства памятника и в нескольких словах изложил особенности монументальной декорации собора, атрибутировал ряд композиций верхней части южной стены[28].

Девяностые годы XX в. ознаменовали новый этап в изучении Никольского собора Антониева монастыря. В 1991 г. благодаря научной публикации В.П. Выголова «Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.»[29] храм был «полноценно введён в историю отечественной архитектуры»[30]. В том же году, а затем в 1995—1996 гг. состоялось масштабное комплексное исследование собора, предпринятое НРПСБ (в настоящее время ОАО НРЦ) «Тверьпроектреставрация» совместно с архитектурно-археологической экспедицией кафедры истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета. Руины храма были вновь обмерены, внутреннее пространство освобождено от завалов строительного мусора. Снаружи и внутри собора состоялась закладка шурфов, вдоль южного и западного фасадов разбит раскоп площадью 250 м^2. Основная часть отчётов подготовлена А.М. Салимовым и Вал.А. Булкиным[31]. В 2001 году исследователи опубликовали совместную монографию «Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря»[32].

Археологические изыскания 1990-х гг. позволили увеличить представление о стенописи Никольского собора. По мере расчистки строительного мусора, завалы которого достигали в высоту 2,5 м, на стенах храма открывались росписи. Почти везде они отслаивались от стен и удерживались лишь за счёт прижимающего их щебня[33]. Неудовлетворительное состояние освобождённой от завалов живописи обусловило участие в работах художника-реставратора высшей категории МНРХУ Объединения «Росреставрация» Т.А. Ромашкевич (Великий Новгород). В качестве противоаварийных мер было предпринято бортовое укрепление раскрытых фрагментов стенописи известково-песчаным раствором. Живопись нижних частей стен практически везде оказалась утраченной — сохранились лишь небольшие фрагменты «полотенец». Исключением стал северо-западный угол храма, где уцелели нижние части сюжетов. Сохранить их в раскрытом виде или же снять со стены на тот момент возможности не было, поэтому «решено с учетом

рекомендаций и под контролем художника-реставратора разобрать строительный мусор в этом углу храма при иных более благоприятных для судьбы фресок обстоятельствах»[34]. Росписи этого участка стены и по сей день «законсервированы» завалом.

Большое количество фрагментов стенописи конца XVII в. обнаружено и в самих строительных завалах. Фрагменты штукатурки с росписью располагались под образовавшимся слоем дёрна вперемежку с землёй, бытовым мусором, навозом, известью, щебнем и блоками кладки. Встречались отдельные кирпичи, белокаменные и кирпичные блоки, на лицевой поверхности которых сохранилось живописное покрытие, причём в ряде случаев — с двух и даже с трёх сторон[35]. При строительстве Никольского собора использовался не только белый камень. Из каменных прямоугольных блоков сложены стены храма и квадратные в сечении подкупольные столбы, своды же были выпол-

7. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Блоки кладки с фрагментами стенописи. Фото 1995 г. Салимов А.М. Отчёт об архитектурно-археологических исследованиях в Антониевом Краснохолмском монастыре... Т.1. Ил. №48.

нены из кирпича[36]. Уместно предположить, что живопись, уцелевшая на двух или трёх гранях белокаменных блоков, найденных археологически, — частицы стенописи подкупольных столбов, а росписи, сохранившиеся на вынутых из завалов кирпичах и кирпичных блоках, — остатки монументальной декорации верхних частей собора. Наиболее крупные белокаменные и кирпичные блоки с фрагментами росписей экспедиции не удалось вывезти из разрушенной обители — не было технической возможности. К сожалению, в настоящее время эти блоки утрачены, и судить о них можно лишь по фотографиям, помещённым в отчёте об архитектурно-археологических изысканиях в Антониевом монастыре в 1995 г. (ил. 7)[37].

Общее количество фрагментов стенописи Никольского собора, собранных в ходе расчистки завалов внутри храма, приближается к ста пятидесяти тысячам[38]. В октябре 1995 г. найденные фрески — 262 лотка без подсчёта количества и 106 кирпичей и белокаменных блоков с фрагментами живописи, а также около тысячи кляммеров были переданы на хранение в Тверскую областную картинную галерею[39]. В том же году предполагалось провести работы по укреплению фрагментов. Однако реставратору Т.А. Ромашкевич удалось обработать лишь восемнадцать лотков-планшетов. Дальнейшая реставрация была приостановлена из-за отсутствия средств[40].

Современное состояние живописи, уцелевшей на стенах Никольского храма, не позволяет полноценно представить её первоначальный колорит, не даёт возможности увидеть особенности взаимодействия верхних моделировочных темперных слоёв, лишает оснований судить о мере детализации изображений и о степени проработки объёма. В сложившихся обстоятельствах именно фрагменты росписи, обнаруженные в завалах и сохранившие верхние красочные слои, могут отчасти восполнить представление об утраченном.

Масштабное научное исследование главного храма Антониева монастыря, предпринятое в 1990-е гг., к сожалению, не повлекло за собой мер по возрождению руинированной обители. В настоящее время монастырские постройки всё более разрушаются, со стен Никольского собора безвозвратно исчезает средневековая монументальная живопись. Штукатурка повсеместно испещрена многочисленными трещинами. Очагами разрушения являются, прежде всего, кованые гвозди–кляммеры с широкими шляпками, которые применялись для лучшего сцепления левкаса со стенной кладкой. С течением времени, подвергаясь воздействию влаги, гвозди корро-

дировали, и штукатурный грунт, лежащий на их шляпках, вспучился и в большинстве случаев потрескался и разрушился. Сохранившийся грунт во многих местах отстаёт от стены, встречаются участки вздутой и «висящей» штукатурки. Росписи 1683 г., порядка восьмидесяти лет находящиеся под открытым небом, не выдерживают перепадов температур, атмосферных осадков и ветров. В настоящее время речь идёт не об утрате отдельных композиций и цветового решения стенописи, а о полной гибели древнего памятника монументальной живописи.

В мае — июне 2010 г. при финансовой поддержке Ю.А. Олейника сотрудником кафедры истории и теории искусства филиала Государственной академии славянской культуры (далее — ГАСК) в г. Твери А.А. Шестаковой и научным сотрудником Научно-исследовательского сектора ГАСК В.А. Шестаковым были проведены работы по графической и фотографической фиксации стенописи Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря. Основная задача проведённых мероприятий — максимально тщательное снятие рисунка графьи в масштабе один к одному. Была разработана следующая методика. Отрезок полиэтиленовой плёнки, по размерам чуть больший переснимаемой композиции[41], по верхнему и нижнему краям прикреплялся к металлическим планкам с привязанными к ним шнурами. Шнуры, крепившиеся к верхней планке, перебрасывались через стену собора и закреплялись либо у земли с помощью колышка, либо на сохранившихся на фасаде металлических деталях: крюках, оконных решётках, крепко вбитых в стену кляммерах. Таким способом плёнка поднималась на требуемую высоту. Затем посредством максимальной растяжки как верхних, так и нижних шнуров конструкция предельно плотно прижималась к стене напротив копируемой композиции и надёжно фиксировалась на нужной высоте. Концы нижних шпагатов, после натяжения, также крепились на металлических деталях, сохранившихся в стенах внутри собора.

Значительной и неожиданной помехой в работе стали вороны, во множестве гнездившиеся в сквозных трещинах и пазухах в стенах собора, а также в голосниках. Входные отверстия их «пищащих» гнёзд часто оказывались в пределах нашей доступности, а порой и перекрывались плёнкой. Лишённые возможности попадать к своим детёнышам, птицы не на шутку всполошились и отчаянно, но в то же время с некоторой опаской пытались выгнать из «своего» храма непрошенных гостей. Однако всё же самыми трудными в работе оказались технические мо-

менты. Один из них — многократные частичная разборка — перестановка — сборка секции металлических строительных лесов[42]. При условии неровной поверхности земли и необходимости предельной аккуратности во избежание повреждения стенописи эта задача была бы не выполнима без квалифицированной помощи Ю.И. Чистякова и В.И. Чистякова[43]. Самой сложной и ответственной работой оказался максимально стабильный крепёж плёнки, поскольку при сдвиге её относительно поверхности стены хотя бы на сантиметр точность копирования не соблюдалась бы. В условиях большой высоты и зачастую сильного ветра эта задача значительно усложнялась. Сердечно благодарна В.А. Шестакову, моему мужу, взявшему на себя этот нелёгкий и опасный труд. Признательна и А.М. Антонову, моему отцу, художнику, оказавшему помощь в трудную минуту и выполнившему работы по копированию графьи восточных прясел южной и северной стен.

Рисунок графьи хорошо просматривался через прозрачную полиэтиленовую плёнку и копировался на неё с помощью маркеров. Опыт пунктуального следования средневековому художнику оказался необычайно ценен. Он дал возможность пройти путём знаменщика, прочувствовать его художественный почерк, проникнуть в творческую «кухню» мастера, проследить, насколько точно на предварительный рисунок нанесены сохранившиеся подмалёвки. В ситуации утраты верхних моделировочных напластований по остаткам краски в некоторых бороздках графьи представилось возможным частично реконструировать колористическое решение отдельных элементов композиций. Копирование предварительного рисунка побудило досконально рассмотреть каждую живописную сцену и исключило возможность упущения какой-либо подробности изображения (ил. 8—10).

Предварительные выводы проведенного исследования в общих чертах сводятся к следующему. Графья стенописи Никольского собора не всюду одинакова. Её бороздки редко носят характер едва заметных штрихов и чаще всего хорошо прослеживаются на поверхности штукатурки, иногда достигая в глубину 1,5—2 мм, в ширину 3 мм.

В живописных артелях XVII столетия для различных работ — письма «личного», «палатного», нанесения пробелов, расцвечивания одежд, исполнения орнаментов, надписей и т.д. — выделялись отдельные мастера. Прочерчивание предварительного рисунка — основы будущей живописной композиции — было делом особо ответственным и поручалось наиболее опытным изографам, часто возглавлявшим живопис-

8. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Работы по фиксации стенописи в мае – июне 2010 г. Фотография В.А. Шестакова

9. Фрагмент росписи южной стены Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря. Фото А.А. Шестаковой. 2010 г.

ную команду[44]. Аналогичное разделение труда, очевидно, практиковалось и при украшении живописью главного храма Антониева монастыря. Разметка стенописи выполнена, вероятно, не одним мастером. В целом она нанесена довольно добросовестно. Большую часть изобра-

10. «Умножение хлебов (Чудо насыщения пяти тысяч)». Прорисовка графьи росписи западной стены Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря (над порталом). Выполнена А.А. Шестаковой

жений отличает спокойный, уверенный, довольно аккуратный рисунок, меньшую — более порывистый и местами небрежный.

В целом живопись главного собора Антониева монастыря отличает строгая упорядоченность. Важнейшая особенность стенописи — структурированность компоновки изображений — совершенно нетипична для монументальной живописи последней трети XVII столетия. В большинстве ансамблей монументальной храмовой декорации той эпохи помещённые ярусами изображения представляют собой развёрнутые повествовательные циклы, в которых многофигурные детализированные сцены, насыщенные архитектурой и обильно украшенные орнаментами, не разделяются между собой чёткими вертикальными членениями и разворачиваются в целые фризы, плавно и незаметно соединяясь с другими сюжетами. По меткому замечанию Э.С. Смирновой, композиции «становятся текущими, льющимися, их элементы равноценны, а взгляд зрителя скользит от одного эпизода к другому»[45]. В росписях, структура которых выявлена определённее, смысловые акценты обычно расставлены архитектурными членениями. В Никольском соборе каждая стенная композиция центральной части храма чётко отграничена от других сцен прямоугольными рамками. Не исключено, что подобная расстановка изображений связана с пожеланиями заказчика живописных работ. Многие из сцен строятся по принципу диалога двух групп персонажей. Например, в евангельских сюжетах в одной половине сцены обычно изображается Иисус Христос с сопутствующими, а напротив, в другой части сцены, — встречаемый или встречаемые Им. Каждый «кадр» повествования отличает логическая ясность и завершённость композиционных построений. Персонажи уверенно вписаны в отведённые им плоскости стены, жесты и движения фигур экспрессивны настолько, насколько это отвечает смыслу изображаемых событий, место архитектурного фона определено довольно деликатно, акцентирована главенствующая роль человеческих фигур. В конечном итоге всё изображаемое подчинено единому замыслу, выражающему внутренний смысл сюжета. Стилевые особенности предварительного рисунка росписей Никольского собора побуждают обратиться прежде всего к произведениям ярославских художников-монументалистов, наиболее известный из которых Дмитрий Григорьев Плеханов. Ярославские мастера трудились параллельно с костромскими изографами во главе с Гурием Никитиным и Силой Савиным и в 1680-е гг. и расписали такие храмы, как церковь Иоанна

Богослова в Ростове (1683 г.), Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры (1684—1685 гг.), церковь Дмитрия Солунского в Ярославле (1686 г.), Софийский собор в Вологде (1686—1688 гг.), Зачатьевская церковь Спас-Яковлевского монастыря в Ростове (1689 г.).

Проведённые в мае – июне 2010 г. работы по фиксации графьи стенописи Никольского собора — начало новой стадии в изучении монументальной живописи главного храма Антониева Краснохолмского монастыря, памятника весьма интересного и не вполне типичного для последней трети XVII в. Предстоит комплексное изучение скопированной на плёнку графьи изображений, сохранившихся на стенах храма, а также фрагментов росписей, обнаруженных при раскопках собора; старых фотографий, зафиксировавших живопись после разрушения храма. Создание общей композиционной схемы росписи на развёртках стен, атрибуция сюжетов, конкретизация содержания иконографической программы храма, её осмысление, выявление стилистических и, по возможности, колористических особенностей росписи, поиск имён мастеров, которые исполнили живопись, сборка утраченных изображений из отдельных фрагментов, найденных археологически[46], а также анализ художественной ситуации последней трети XVII столетия и привлечение широкого круга стенописей той эпохи — всё это в конечном итоге позволит определить место живописи Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря среди монументально-декоративных ансамблей последней трети XVII в.

Изучение монументальной живописи Никольского храма, безусловно, необходимо, но ещё более важно её спасение. По тонкому замечанию Э.С. Смирновой, в живописи XVII столетия отражена «глубоко традиционная, восходящая к учению древних Отцов Церкви, но резко подчёркнутая идея красоты и великолепия земного мира как отражения красоты мира небесного, как свидетельства божественного промысла, данной Богом благоустроенности земной жизни»[47]. С потерей красоты мира на стенах храма беднеет представление о ней и в человеческой душе...

Примечания

1. Жизневский А.К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 66.

2. Салимов А.М. Храмовая архитектура Тверской епархии: очерк истории. Тверь, 2002. С. 52—54.

3. Вероятно, Благовещенский придел ликвидировали вскоре после создания росписи, поскольку в 1685 г. «были построены на северной

стороне монастыря каменныя казённыя палаты и внизу ихъ больничныя кельи с церковию в честь Благовещения Пресвятыя Богородицы». (Анатолий, игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. С. 14; Выголов В.П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: пространство и пластика. М., 1991. С. 8; Булкин Вал.А., Салимов А.М. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Материалы исследований // Архив архитектуры. Вып. XV в. М., 2001. С. 17.)

4. ГАТО. Ф. 186. Оп. I. Д. 4570. Опись монастыря. 1877 г. Л. 16 об. — 17. Тексты архивных документов почерпнуты из: Салимов А.М. Никольский собор Антониева монастыря (историческая записка). Тверь, 1996. // Архив ОАО НРЦ «Тверьпроектреставрация».

5. Анатолий, игумен. Указ. соч. С. 19.

6. ГАТО. Ф. 186. Оп. I. Д. 4488. 1848 г. Л. 1.

7. Анатолий, игумен. Указ. соч. С. 19.

8. ГАТО. Ф. 186. Оп. I. Д. 4547. 1869 г. Л. I—I об.; Д. 4559. 1873 г.; Д. 4562. 1874 г.; Д. 4580. 1879 г.; Д. 4586. 1882 г.; Д. 4588. 1883 г.; Д. 4590. 1884 г.; Д. 4592. 1885 г. (текст документов идентичен); РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2061. 1910 г. Страховая оценка строений Краснохолмского монастыря. Л. 71.

9. ГАТО. Ф. 186. Оп. I. Д. 4629. Между 1854 и 1858 гг. Л. 2.

10. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3113. 1864 г. Опись монастыря. Л. 2. Эта же опись повторена в документах: ГАТО. Ф. 160. Оп. I. Д. 19237. Д. 33443, Д. 33444.

11. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3113. 1864 г. Опись монастыря. Л. 2.

12. ГАТО. Ф. 186. Оп. I. Д. 4629. Между 1854 и 1858 гг. Л. 2.

13. Анатолий, игумен. Указ. соч. С. 19. После 1858 г. каких-либо существенных обновлений храма источники не отмечают (Выголов В.П. Указ. соч. С. 8; Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 31).

14. Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 6.

15. Жизневский А.К. Указ. соч.

16. Отдельные малозначительные упоминания Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря содержатся в целом ряде историко-статистических работ XIX — начала XX вв. (Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 6.)

17. Остальные немногочисленные памятники средневековой монументальной живописи, созданные на территории Тверской области, сохрани лись в небольших, часто разрозненных фрагментах, найденных археологически или снятых со стен храма.

18. Салимов А.М. Отчёт об архитектурно-археологических исследованиях в Антониевом Краснохолмском монастыре Тверской области. Тверь, 1996. Т.1. С. 43.

19. Николаевский Антониев Краснохолмский монастырь (комплекс). Паспорт на памятник (№ 1523/1) // Архив ГУГООКНТО.

20. Щавинский В.А. Очерки по истории живописи и технологии красок Древней Руси. М., 1935. С. 72.

21. План бывшего Николаевского собора постройки 1481 г. (с фресками) Антониева монастыря в г. Кр. Холму Калининской обл., выполненный 17 сентября 1931 г. техником Маргуновой // Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Паспорт на памятник (№ 1523/2) // Архив ГУГООКНТО.

22. Данные об обследованиях Никольского собора в советское время представлены в монографии: Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 6—7.

23. Богуславская И.Я. Отчёт об исследовании в 1960 г. Антониева Краснохолмского монастыря. Л., 1960, рукопись. С. 8. // Салимов А.М. Указ. соч. Приложение 20.

24. Богуславская И.Я. Указ. соч. С. 8—9.

25. Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 7.

26. Докладная записка директору КОКГ Судаковой Н.Ф. по поводу обследования фресковой росписи церкви Антониева монастыря (Калининская обл. Краснохолмский район) реставратором первой категории ВЦНИЛКРа Жаренковым Г.В. и старшим научным сотрудником галереи Гершфельд В.Ф. // Салимов А.М. Указ. соч. Приложение [21].

27. Письма директора КОКГ Н.Ф. Судаковой заместителю начальника Калининского управления культуры Г.П. Ломовских от 1 февраля и 11 октября 1972 г. // Салимов А.М. Указ. соч. Приложение 21.

28. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Паспорт на памятник... Вкладыш № I к разделу VIIа.

29. Выголов В.П. Указ. соч.

30. Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 7.

31. Полный перечень статей Вал.А. Булкина и А.М. Салимова, опубликованных по итогам проведённых работ, см. на сайте: http://tver-antonievmon.narod.ru/.

32. Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. Глубоко признательна А.М. Салимову за квалифицированные советы и возможность пользоваться материалами, собранными им в процессе изучения архитектурных памятников Антониева Краснохолмского монастыря.

33. Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 28.

34. Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 28.

35. Салимов А.М. Отчёт об архитектурно-археологических исследованиях в Антониевом Краснохолмском монастыре... Т.1. С. 6—7; Булкин Вал.А., Салимов А.М. Указ. соч. С. 28—30.

36. Выголов В.П. Указ. соч. С. 8.

37. Салимов А.М. Указ. соч. Т.1. Ил. 37, 38, 39, 40, 46, 47, 48.

38. Салимов А.М. Указ. соч. Т.1. С. 40.

39. ВХ — 7662. Акт приёма на ВХ №22 от 31 октября 1995 г.

40. Протокол №10 заседания реставрационного Совета ТОКГ от 29 декабря 1995 г. // Архив ТОКГ.

41. В основном использовались отрезки плёнки шириной 2 м, реже — 1 м. Длина полотна обычно варьировалась от 1,5 до 3 м, а в отдельных случаях достигала 3,5—4,5 и 6 м.

42. За время работы секция лесов переставлялась четырнадцать раз.

44. Отец и сын Чистяковы восстанавливают церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в деревне Слобода, расположенной рядом с Антониевым монастырём.

44. Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002. С. 52—53.

45. Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С. История древнерусской живописи. М., 2007. С. 699.

46. Работа по собиранию живописных композиций, фрагменты которых хранятся в ТОКГ, в ближайшее время не планируется, но необходимость её проведения очевидна.

47. Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С. Указ. соч. С. 663.

Список сокращений

ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

ВПНРК — Всесоюзный Производственный Научно-Реставрационный комбинат.

ВХ — временное хранение.

ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации.

ГАСК — Государственная академия славянской культуры.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

ГУГООКНТО — Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области.

КОКГ — Калининская областная картинная галерея.

МНРХУ — Межобластное научно-реставрационное художественное управление.

НРЦ — научно-реставрационный центр.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.

ТОКГ — Тверская областная картинная галерея.

Протоиерей Геннадий Беловолов

Клирик Санкт-Петербургской епархии,
настоятель храма
свв. Апп.Петра и Павла с.Сомино,
храма св. Ап.Иоанна Богослова
г. Санкт-Петербурга
(Леушинское подворье)

Возвращение преподобного Антония

Рассказ об обретении и возвращении чтимой иконы в Красный Холм

Неисповедимы пути Господни, – эту истину приходится вспоминать в связи с историей и судьбой тех или иных святынь. Часто Господь забирает, чтобы отдать, изводит, чтобы потом вернуть. Именно такая история случилась с иконой преподобного Антония Краснохолмского на рубеже XX и XXI веков. Участниками этой истории стал я и мои прихожане.

Она началась еще в конце 1990-х годов.

Здесь я должен сделать необходимые пояснения. В то время я служил на дальнем приходе – настоятелем храма святых первоверховных Апостолов Петра и Павла в селе Сомино Санкт-Петербургской епархии. Одновременно завершал строительство храма св. праведного Иоанна Кронштадтского в близлежащем селении Подборовье.

На приходе у нас были юные прихожанки, которые заканчивали школу и которых надо было как-то устраивать учиться дальше. Дочь одной прихожанки в 1996 году мы определили на учебу в знаменитое Торжокское золотошвейное училище. Ее пример оказался заразительным, и по ее стопам пошла еще одна девушка с нашего прихода, которая также пожелала учиться древнему искусству зо-

лотого шитья в городе Торжок. Я решил отвезти ее в Торжок сам и отдать документы, а заодно совершить и паломническую поездку с прихожанами по святыням Тверской земли, в том числе побывать в Вышнем Волочке в Казанском монастыре, где в то время проживала блаженная Любушка Сусанинская.

Помню, как мы выехали из Сомино на двух машинах с прихожанами 30 июня 1997 года. Тогда мы даже не подозревали, сколько чудесных событий произойдет в этой поездке... (стоит упомянуть хотя бы о встрече и беседе с блаженной Любушкой – незадолго до ее кончины!)

Сомино расположено в 14 километрах от Вологодской области. Уже через полтора часа мы были в Устюжне, где поклонились мощам преподобного Евфросина Синоезерского.

Вскоре пересекли границу Тверской области. По пути у нас лежал город Красный Холм. Издалека показался холм с высокой колокольней. Для меня название города не говорило ни о чем, кроме того, что здесь в древности подвизался святой Антоний Краснохолмский. Я мало знал о нем, но тем большее желание возникло посетить его монастырь и поклониться месту его подвигов. Но где находится обитель, в каком она состоянии, как ее найти? Наш водитель Иван одно время жил в этих местах, но он ничего не знал о расположении обители. Он предложил:

Подборовье. Храм св. Иоанна Кронштадтского.
Здесь икона пребывала с 1992 по 2012 год

– Батюшка, давайте заедем в храм в Красном Холме, спросим там, где найти монастырь? Может, встретим батюшку... Я знаю, в Холме есть храм на кладбище.

Мы отправились на кладбище на западной стороне города, проехав через живописный, но запущенный центр.

Подъехав к кладбищенским воротам, мы увидели однокупольный храм с шатровой колокольней. Его двери были заперты на замок. Поблизости никого не было видно. Мы готовы были огорчиться, но решили все-таки посмотреть храм снаружи. И здесь произошло первое маленькое чудо: не успели мы выйти из машин, как к ограде подъехал еще один автомобиль. Его водитель оказался в подряснике, было очевидно, что перед нами настоятель.

– Какое счастливое совпадение, – вздохнул я, – сам Антоний Краснохолмский посылает нам свою помощь.

Я представился, назвал свой храм, рассказал о нашей поездке и желании найти место монастыря преп. Антония Краснохолмского.

Настоятеля звали отец Вадим. Он почему-то необыкновенно обрадовался появлению петербургских паломников. Его радость значительно превышала обычную этикетную приветливость. Сразу же возникло чувство, будто мы с ним были уже знакомы и встретились после долгого времени.

Он пригласил нас посмотреть храм внутри. Сам ключом открыл замок, зажег полный свет в храме, рассказал об его истории.

Никольский храм был построен еще в царствование императрицы Екатерины II в конце XVIII века в связи с устроением нового кладбища по случаю учреждения Красного Холма как города. По стилю храм напоминает московские церкви, что особенно подчеркивается классической шатровой колокольней. На кладбище был погребен известный краснохолмский купец и благотворитель Бородавкин, могила которого сохранилась до наших дней. Также у алтаря почивают священники, служившие здесь. В тот момент храм был в состоянии ремонта, частично снаружи стояли леса. Отец Вадим поделился «вечными проблемами» ремонта.

Батюшка оказался интересным рассказчиком. Он увлеченно повествовал о чтимых иконах церкви, главная из которых стояла в центральном киоте – храмовый образ святителя Николая.

– Помолитесь Николаю Угоднику. Это очень сильный и намоленный образ. Вы знаете, что не все могут подойти к ней? Некоторых не пускает сила Божья.

После такого комментария мы подходили к Николушке с особым трепетом.

Также мы обратили внимание на чтимую икону Божией Матери «Взыскание погибших».

Я в свою очередь попросил подробнее рассказать об Антонии Краснохолмском. Отец Вадим поведал нам, что преподобный Антоний основал монастырь близ Красного Холма еще в средине XVI века на месте чудесного явления иконы Николая Чудотворца. Ктиторами обители были бояре и князья, благодаря чему удалось построить великолепный храм наподобие Успенского собора Московского кремля. В 17 веке в монастыре настоятельствовал будущий патриарх Иоасаф II. Сам Антоний в течение веков почитался как местночтимый святой и небесный покровитель этого края.

– А когда празднуется память преподобного? – спросил я.

– В его тезоименитство – на память Антония Великого, то есть 30 января по новому стилю. У нас в этот день всегда бывает служба, приходит много народу. Помнят Антония.

– Надо же, – удивился я, – совпадает с памятью нашего чудотворца Антония Дымского.

Я рассказал, что служу в Бокситогорском районе и нашим небесным покровителем является преподобный Антоний Дымский, который основал еще в XIII веке монастырь на берегу Дымского озера.

– Получается, мы молимся с вами в один день нашим Антониям. У нас с вами небесные покровители празднуются вместе.

Это маленькое открытие еще более усилило чувство духовного единства. Мне захотелось иметь у себя на приходе хотя бы маленький образок Антония Краснохолмского.

– Отец Вадим, нет ли у вас какого-нибудь образка вашего Антония?

Отец Вадим немножко растерялся: «Да вот, как раз и нет...»

– А может быть, есть какая-нибудь фотография или отпечатанный на бумаге образ?

– Надо бы, конечно, в Софрино заказать напечатать. Но сами знаете, это дело дорогое...

Он помолчал какое-то время. Видно, ему не хотелось нас огорчать.

– А вы бы очень хотели иметь икону Антония Краснохолмского? – спросил он риторически, при этом как будто о чем-то размышляя внутри себя.

– Конечно. Такой редкий святой, наверное, у нас в Санкт-Петербургской епархии нет ни одного его образа. Мы бы установили с вами побратимские отношения.

Тут он неожиданно пригласил меня в алтарь. Мы приложились к престолу, и он показал на стене справа от престола висевшую старинную

икону преподобного Антония, на которой тот был запечатлен в рост, а в руке держал храм своей обители. Я перекрестился перед образом и стал внимательно его рассматривать. Я высказал предположение, что икона может происходить из самого монастыря, ведь на ней Антоний держит главный храм своей обители, построенный им самим.

Когда я хотел уже попросить у отца Вадима разрешить сделать с него снимок, он вдруг сказал мне: «Примите этот образ в дар. Я вам хочу его подарить. Пусть побудет Антоний Краснохолмский в Петербургской земле. Я вижу, что он вам нужен».

Я совершенно не ожидал такого поворота событий и стал отказываться. Мне было неудобно взять икону из храма.

– Но вы же ее берете тоже в храм?! А у нас есть еще один образ Антония. Не беспокойтесь! Главное, что вы будете молиться нашему преподобному, – он решительно снял икону со стены и вручил мне. В это момент я почувствовал, что он поступает не просто так, а в этом есть какой-то смысл, который мне тогда еще не был понятен. В таких случаях, я давно уже понял, нужно просто отдаться течению Промысла Божьего, смиренно принять то, что совершает Господь. Я приложился к образу и в тот момент почувствовал какое-то особенное присутствие преподобного Антония. Могу сказать, что потом на службах в Сомино и Подборовье я часто призывал имя краснохолмского чудотворца, считая его и нашим небесным покровителем.

Из алтаря мы вышли с образом Антония, мои удивленные спутники приложились к нему. «Дальше поедем с Антонием. Отец Вадим благословил нам этот образ».

Мои прихожане были поражены такому дару. Они не могли понять, что могло произойти, чтобы незнакомый священник взял и подарил такую икону другому священнику. У всех было ощущение какого-то чуда, которое происходит на наших глазах.

– В монастырь к преподобному Антонию поедем с его образом! – Разве это не чудо?! – сказал я, выходя из храма.

Отец Вадим подробно описал нам, как проехать к обители, предупредил, что монастырь сильно разрушен.

Напоследок мы сфотографировались вместе – «для истории», а история получилась необыкновенная.

По указаниям отца Вадима мы легко нашли монастырь. Я вошел в него с «новообретенной» иконой Антония в руках. Перед нами предстали руины поруганной древней святыни. Тот самый храм, который держал в своих руках преподобный Антоний, на месте которого и была

обретена чудотворная икона св. Николая, представлял собой только три уцелевшие стены. Здесь трудно было о чем-то говорить. Оставалось только молиться. Я поставил икону на месте алтаря и послужил краткий молебен. Именно тогда в голове родилась мысль, что, если когда-нибудь возродится эта обитель, я обязательно возвращу сюда эту икону. Может быть, в этом и состоял Промысел Божий о том, что сегодня произошло?! Хотя, глядя на степень разрушения обители, трудно было представить, что это произойдет скоро.

С каким-то двойным чувством мы покидали в тот день Красный Холм. Нечаянная радость о почти чудесном обретении старинной иконы преп. Антония и тяжелое впечатление от вида разрушенного монастыря соединялись в радостотворном плаче в наших душах.

«Батюшка, а в какой из ваших храмов вы поставите этот образ?» — «В Сомино у нас и так много икон. А вот храм св. Иоанна Кронштадтского только открывается. К тому же дорогой Батюшка не раз проплывал по Мологе-реке неподалеку отсюда». Подборовские прихожане показали нескрываемую радость о таком моем решении. Храм был уже практически построен, шли последние приготовления к освящению, которое и совершилось в том же году спустя три недели на летнюю Казанскую икону Божией Матери. Образ Антония Краснохолмского был свидетелем освящения первого в Санкт-Петербургской епархии храма во имя св. Иоанна Кронштадтского. Икона сразу же стала одной из чтимых в храме. Глядя на нее, мы вспоминали наше необыкновенное путешествие.

В последующие годы мне случалось несколько раз проезжать Красный Холм. Но отца Вадима вскоре перевели на другой приход. Точно узнать место его служения мне не удалось, и, к сожалению, связь оборвалась. Я вспоминал о своем внутреннем обещании вернуть образ в обитель. Но каждый раз видел ее лежащей в прежних руинах.

Когда же года полтора назад я впервые услышал, что обитель начала возрождаться, я сразу даже не поверил: «Кто же мог решиться на такой подвиг?» Моя прихожанка в Петербурге рассказала, что это насельник Александро-Невской лавры отец Силуан. Он испросил благословение на начало возрождения обители у тверского владыки Виктора. Меня больше всего поразило то обстоятельство, что инициатива возрождения краснохолмской обители происходит из Санкт-Петербургской епархии. Потом я познакомился с самим отцом Силуаном. Был на премьерном показе замечательного фильма о святом Антонии Краснохолмском и его обители.

История монастыря поразила и самого отца Силуана. Я сказал ему, что, видимо, пришел час исполнить свое обещание, данное преп. Антонию, и вернуть образ в обитель. Мы решили, что лучше всего это будет сделать после окончания строительства часовни на территории монастыря.

После этого я перевез образ из подборовского храма в Санкт-Петербург в храм св. Иоанна Богослова исторического подворья Леушинского монастыря, где икона находится уже почти год в ожидании своего возвращения в Красный Холм. Здесь пред нею стали молиться наши леушинские прихожане и вообще петербуржцы. Я заказал для иконы красивый багет и киот. Без преувеличения можно сказать, что икона стала нашей местночтимой и на петербургском приходе. Видимо, так было угодно Богу, чтобы этот образ на время оставил свои пределы и отошел в соседнюю епархию, где и прославился, а потом вновь вернулся на свое место.

Такова необыкновенная история иконы, которая удивительным образом связала духовной нитью Санкт-Петербургскую землю с Краснохолмским монастырем. В этой истории остается поставить завершающую точку, которая, впрочем, откроет новую страницу в почитании образа Антония на Краснохолмской земле.

Храм св. Иоанна Богослова в С.Петербурге, где находится икона по сей день

Протоиерей Геннадий Беловолов у иконы Антония Краснохолмского

Содержание

Смирнов Г.К. Красный Холм. 5
Исаков В.З. Летописец об основании Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. 16
Гадалова Г.С. «Летописец о зачатии Бежецкого верха Николаевского Антониева монастыря...» как исторический источник о преподобном Антонии Краснохолмском. 30
Булкин Вал.А., Салимов А.М. Архитектурно-археологическое исследование Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря. 52
Выголов В.П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.). 69
Сенин С.И. Бежецкий монах на Патриаршем престоле. 100
Шестакова А.А. Стенопись Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря — погибающий памятник монументальной живописи конца XVII века. 108
Протоиерей Геннадий Беловолов. Возвращение преподобного Антония. 128

Историко-краеведческий альманах
«Бежецкий край»
Выпуск №10

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
Комьютерный набор и верстка В.В. Козырев

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И. Ступкин
Корректор Ф.Е. Мочалова
Комьютерная верстка И.Р. Франэк

Адрес:
171163, Тверская обл,г. Вышний Волочёк,
Ванчакова линия, 17.
Тел. (48 233) 6 11 62
E-mail: wikavol@mail.ru

Усл. печ. листов 8,25. Печать офсетная. Заказ № 00
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Тверская областная типография»
170100, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

Историко-краеведческий альманах

Бежецкий край